
Александр Белов
Арийское
прошлое
земли
русской
Таинственные корни русичей

Annotation

Древнейшая, дохристианская история Руси неизменно интересует нас прежде всего из-за нерешенного вопроса: можно ли вести происхождение русичей от ариев, или это гордое племя было пращурами лишь для индийцев и иранцев?

Александр Белов, известный антрополог, палеонтолог и исследователь мозга, берет на себя труд и смелость утверждать: праистория русичей давно перестала быть «белым пятном».

За основу своих изысканий он берет те мифы и легенды, которые были в ходу среди древних народов, населявших необъятные просторы Евразии, и иные доступные нам первоисточники славяно-ведической традиции. По мнению автора, все они так или иначе принадлежат к языческой оккультной основе, единой для всех арийских племен. Это подтверждают и описанные в книге научные открытия последних лет, сделанные в результате археологических и исторических изысканий на Урале и в Сибири.

БЕЛОВ Александр Иванович

"АРИЙСКОЕ ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ"
Таинственные корни русичей

Вместо предисловия

В этой книге речь идет о сибирской прародине ариев и о великом прошлом русского народа. Доподлинно известно, что древние европеоиды несколько тысячелетий назад пришли в Европу и принесли вместе с собой особую культуру, которая явилась тем субстратом, на котором впоследствии взросли индоевропейские мифы и сказки. С другой стороны, причудливые и волшебные сказки и легенды европейцев удивительным образом сохранили и донесли до нас реальный исторический пласт культуры наших предков.

Археологические и исторические изыскания в Сибири последних лет способны пролить новый свет на прошлое русского народа, а также на прошлое всех народов индоевропейской языковой группы. Великая евразийская степь еще таит в себе немало загадок, которые предстоит открыть ученым в будущем. Однако уже сегодня становится ясно, что народы, обитавшие в древности на просторах Великой степи, являются непосредственными предками современных европейцев, индусов, иранцев и других народов. О едином культурном пространстве свидетельствует сходство индоевропейских мифов и легенд; об этом же красноречиво свидетельствует и культ Богини-Матери, распространенный у всех индоевропейцев.

Реинкарнация албасты и алтайская «принцесса»

В мифологии тюркоязычных алтайских народов существует весьма примечательный персонаж — албасты. Этим именем называют высокую обнаженную и белокожую деву с распущенными желтыми волосами. По сей день албасты считается чуть ли не исчадием ада у западносибирских татар, алтайцев, казахов и узбеков. Она имеет обыкновение появляться внезапно; будто вырастает из-под земли и всегда приносит несчастья. Этот злой дух не давал спать спокойно не одному поколению тюркских народов — им пугали детей.

Однако албасты вовсе не выглядит как «бесовское отродье». При себе она имеет гребенку, магическую книгу и монету. Время от времени албасты заглядывает в книгу и сверяет с ней судьбу каждого увиденного ей человека. Гребенкой она расчесывает свои прекрасные белокурые волосы. Монету албасты дарит тому мужчине, который ей приглянется. После этого мужчина сказочно богатеет. Ибо монета эта имеет обыкновение возвращаться к своему хозяину. Правда, мужчина после этого по гроб жизни не может избавиться от чар прекрасной албасты и вынужден служить ей до гроба.

Эти магические атрибуты «белой девы» указывают на некогда созидательную функцию. Как считают ученые, имя албасты произошло от иранского слова «ал» — «божество» и индоевропейского слова «басты» — «дух». По всей видимости, мифологическая родословная албасты, а также ее имя восходят ко времени индоевропейского единства или, по крайней мере, к скифскому времени.

Возможно, в былые времена это была богиня плодородия, хранительница очага и покровительница диких зверей. Согласно мифам, албасты частенько появляется в обнаженном виде в сопровождении диких зверей; и это, кстати, роднит ее с греческой богиней любви и плодородия Афродитой, которая также имела обыкновение появляться в компании диких зверей — львов, волков, медведей, усмиренных ее любовным желанием.

Возникает весьма любопытный вопрос — каким образом у тюрокоязычных народов Алтая появился такой необычный мифологический персонаж? Среди нынешнего монголоидного населения нет белокурых высоких дев, к тому еще и разгуливающих по долам и весям в обнаженном виде с магическими предметами в сопровождении диких зверей.

Нынешнее население Южной Сибири обычно относят к южносибирской переходной расе, которая, согласно научным данным, возникла в 1-м тысячелетии до н. э. на стыке обитания европеоидов и монголоидов.

Однако до этого на Алтае обитали высокие статные люди со светлой кожей и волосами. К примеру, в конце прошлого века на территории Китая, в Туримской котловине, окруженной со всех сторон горами, китайские археологи раскопали около сотни мумий, принадлежащих древним евразийцам. По странному совпадению среди мумий, пролежавших в песке много столетий, есть и белокурая дева…

А не так давно на Алтае, там, где ныне встречаются границы четырех государств: России, Китая, Монголии и Казахстана, были раскопаны древние курганы скифского времени. Среди наиболее известных находок — мумия «принцессы Алтая». Алтайская «принцесса» прекрасно сохранилась. Она была похоронена в колоде из лиственницы, а пространство вокруг нее было заполнено льдом высокогорья. Археологи, постепенно оттаивая лед, явили миру «принцессу» почти в девственной красе. На голове у нее был желтый парик, одета принцесса была в шелковую рубаху, ее кожа была покрыта затейливым рисунком татуировки. Одеяние «принцессы» и предметы из погребения хорошо сохранились.

Антропологи любовно восстановили черты лица «принцессы» по ее черепу. И перед нами

как живая, отлитая в гипсе, предстала девушка лет двадцати пяти с европеоидной внешностью.

Ну как тут не вспомнить легенды о белокурой албасты?

С другой стороны, согласно китайским летописям, на северо-западе Китая в 1-м тысячелетии до н. э. обитали высокорослые люди с белыми волосами, их называют бай. Но в III веке до н. э. на северо-западе появляются племена хуннов (гуннов), которые подчиняют бай.

Однако возникает закономерный вопрос — какое отношение белокурая албасты, а также извлеченная из ледового плена «принцесса Алтая» имеют ко дню сегодняшнему?

Лет сорок назад, в советское время, когда заметно охладились наши отношения с Китаем, на экраны кинотеатров вышел необычный художественный фильм, снятый по историческим материалам. Время действия фильма — эпоха скифов. Крепость, расположенную в горах Алтая, со всех сторон осадили бесчисленные орды гуннов. Внутри крепости укрылись ее защитники — племя высокорослых евразийцев. Понимая, что исход битвы будет не в их пользу, племенные вожди принимают непростое решение — воспользовавшись подземным ходом, вывести за горный хребет своих детей.

Все племя — и мужчины и женщины, проявляя чудеса доблести и героизма, отвлекая врага, гибнут в кровопролитном сражении. Крепость разграблена, сожжена и разрушена. Тем не менее спасены дети, которые под предводительством старца выведены в безопасное место. Старец перед смертью напутствует детей хранить верность заветам предков. Вырастая, эти дети вступают в брачные отношения друг с другом, ревностно храня свой род. Они основывают свое поселение высоко в горах. Они верят в реинкарнацию — перевоплощение душ, в то, что их погибшие предки сумеют вновь родиться в новых телах.

Далее действие фильма плавно перемещается в советские дни. И по сей день в горном убежище, затерянном где-то в горах Алтая, живет некое европеоидное племя, сохранившее в неприкосновенности свою культуру. Соблюдая древний завет предков, они продолжают заключать браки только между собой. Рядом с ними живут местные монголоидные народности, ведущие свой род от гуннов-завоевателей.

Один из молодых представителей этого немногочисленного европеоидного племени отправляется учиться в Москву и, выучившись на археолога, возвращается в родное селение. Он предпринимает раскопки древней крепости, где когда-то погибли его далекие пращуры, но в этом ему чинят препятствия местные китайские власти, состоящие из представителей местной аристократии. Они вовсе не заинтересованы в том, чтобы ворошить прошлое и извлекать на поверхность память о павших героях, которые к тому же были иного рода-племени.

Согласитесь, весьма любопытный сюжет для советского фильма. Тема культурной преемственности здесь явно используется в идеологических целях. Но помимо прочего здесь отчетливо присутствует и тема реинкарнации.

Нет дыма без огня. Высокогорное плато Укок в районе горы Белуха длиной 54 километра, расположенное как раз там, где сходятся границы четырех государств и где находится курган, хранивший мумию «принцессы Алтая», стало зоной противостояния с Китаем. В 60-х годах прошлого века здесь был построен укрепрайон, камни для которого брались из древних курганов.

Именно здесь, недалеко от заброшенных дотов и заграждений с поржавевшей колючей проволокой, в 1993 году археолог Наталья Полосьмак и выкопала мумию алтайской «принцессы». Мумию сразу перевезли в Новосибирск, где в музее под стеклом, освещенная специальными лампами, она хранится до сих пор. Однако это вызвало многочисленные протесты местного населения. Протесты усилились особенно в последнее время.

«Принцессу надо похоронить там, где ее выкопали», «неурожаи, засуха и голод — вот что ждет Алтайский край, если ее немедленно не похоронить», — заявляют местные жители. При

этом некоторые называют «принцессу» дочерью шамана.

Здесь словно бы сталкиваются два культа — прах дочери шамана, как и прах самого шамана, не следует тревожить, так как это грозит разными бедствиями и катаклизмами. Иная мотивация у археологов и сотрудников Новосибирского музея — они буквально лелеют «принцессу», хоть и не считают ее своей праматерью. Весьма любопытно, что один доктор наук вообще говорит о ней как о живой, получившей «второе рождение в стенах музея». А кто-то из журналистов, отстаивающих право «принцессы» на «вторую жизнь», назвал молодого археолога Наталью Полосьмак, выкопавшую мумию, то ли в шутку, то ли всерьез реинкарнацией «принцессы».

Думается, что в этом конфликте интересов просвечивает не только местечковый патриотизм. Вероятно, конфликт глубже — своими корнями он уходит в прошлое народа. Некоторая часть монголоидного населения Алтая явно желает похоронить европеоидную «принцессу» второй раз. Неужели и сегодня наследники монголоидных гуннов и наследники белых европеоидов продолжают враждовать, как и тысячи лет назад?

Однако совсем недавно было принято «соломоново решение», которое должно примирить всех: «принцессу» из Новосибирска перевезут в Горно-Алтайск, где включат ее в экспозицию специально отстроенного для этого краеведческого музея. Она будет лежать в стеклянном саркофаге, как спящая царевна из сказки Пушкина. Так «принцесса» станет ближе к родной земле, однако при этом она сохранит свою вторую, обретенную ею совсем недавно жизнь.

Кем была албасты в «прошлой жизни»?

Но кем же являлась мифологическая албасты, ведь сегодня ее вряд ли кто-либо всерьез считает реинкарнацией из прошлого? Меж тем этот мифологический персонаж вполне мог быть воспринят древними тюркоязычными монголоидами от древних европеоидов, живших в Южной Сибири в скифское время.

Однако исследования показывают, что образ албасты восходит к еще более древнему времени. На это, в частности, указывают этимологические параллели в мифологиях разных народов. Так, существует злая демоница албасты у таджиков, связанная с водной стихией. У чеченцев и ингушей бытовали злые духи, преимущественно в женском обличье, их называли алмазами. Они необычайно красивы и отличаются огромным ростом. Алмазы покровительствуют диким животным. В охотничьих мифах можно часто встретить рассказы о встречах охотника с алмазами. Иногда алмазы вступают с охотниками в брачные отношения. По поверьям, таким охотникам благоволит удача.

У грузин имеется аналогичный персонаж: али. Эти демоницы имеют устрашающий вид: у них зубы из меди, след стеклянный и длинные огненные волосы. Согласно поверьям, али живут в старых развалинах, скалах, глухом лесу. Али имеют обыкновение появляться перед одинокими путниками, коих могут запросто свести с ума или заманить в воду и там утопить. Али могут принимать облик разных животных, таким образом заманивая преследующего их охотника в ловушку.

Своеобразной ипостасью али является златокудрая богиня охоты Дали. Избранному охотнику Дали помогает до тех пор, пока он хранит тайну их встречи. Нарушивший это условие тотчас гибнет. Сыном Дали и безымянного смертного охотника является герой грузинского эпоса Амирани. Его проглатывает чудовище вешали, но Амирани рассекает живот чудовища и выходит наружу невредимым, при этом он освобождает ранее проглоченное вешапи солнце.

Амирани очень древний персонаж. Он зафиксирован у грузин повсеместно. Кроме того, образ Амирани прослеживается по археологическим памятникам 3-го тысячелетия до н. э.: бронзовый пояс из Мцхеты, Казбекский клад, Триалетский серебряный кубок. Можно предполагать, что имя Амирани связано как-то с напитком бессмертия Амритой, о котором мы знаем по древнеиндийским мифам. Само слово «Амирани», родственное русскому слову «смерть», указывает на этимологическую связь подобного рода. Согласно грузинским мифам, Амирани бессмертен.

Герой похищает небесную деву Камари — олицетворение небесного огня, обучает людей кузнечному делу — умению ковать мечи. За свое богоборчество он наказан богами и, подобно греческому Прометею, прикован к скале. Ему постоянно клюет печень орел. Мучения Амирани множатся, но он не может умереть по определению. Грузины рассказывают, что раз в семь лет пещера, расположенная во глубине Кавказского хребта, где прикован Амирани, разверзается и его можно видеть.

Тело Амирани отмечено знаками Луны и Солнца; некоторые части тела сделаны из чистого серебра и золота, что, в свою очередь, роднит этот древний персонаж грузинских мифов с Иваном-царевичем — героем русских сказок, у которого «по колена ноги из серебра, а по локоть руки из золота», а в волосах «часты звезды».

Таким образом, мы видим, что златокудрая богиня охоты Дали предстает вовсе не демоницей, а прародительницей героя — освободителя Солнца и доблестного «добытчика» небесного огня, принесенного людям. Понятное дело, что Дали не может быть «моложе» своего сына — ее образ также уходит корнями в глубокую древность. Но помимо этого Дали вечно

молода, и к тому же еще и бессмертна. О связи Дали с небесным огнем красноречиво свидетельствуют ее огненные локоть.

Согласно преданиям, у древних евразийцев (этот антропологический тип называют палеоевропейским) были огненные рыжие волосы и очень светлая кожа. Очевидно, этот древний тип сохранился кое-где в горных убежищах Кавказа и Балкан, а также в Ирландии. Так, осетины — наследники аланов — имеют некоторый процент рыжеволосого населения. Балканские черногорцы также являются носителями сходного динарского типа. Они высокорослы, у них широкое лицо, высокие скулы и ярко выраженная короткоголовость (брахицефалия). Кроме прочего, к древнему антропологическому типу евразийцев относят и ирландцев, среди которых и сегодня высок процент рыжеволосых. В отличие от осетин и кавказцев они сохранили белизну своей кожи.

Согласно грузинским мифам, али может стать верной и послушной слугой человека, если он умудрится отрезать ее золотые локоны. Аналогичный женский персонаж известен под именем ал паб у лезгин, татов, ритульцев, агульцев и андийцев. Однако эта дева обладает злобным нравом, она похищает сердце новорожденного ребенка и кидает его в воду. После чего новорожденный немедленно гибнет.

В армянской мифологии похожие персонажи носят имя алы (алк). Они также вредят новорожденным и роженицам.

Они похищают детей и уносят их к своему царю. У алы огненные глаза, медные когти, железные зубы. В христианизированном мифе Бог создал алы как первую подругу для Адама. Но Адам, будучи человеком из плоти, отверг любовь огненной женщины. И после этого Бог создал Еву, которая и стала женой Адама. После всего произошедшего алы настроены враждебно к рожающим женщинам и их потомству.

Некоторые ученые усматривают заметные параллели между алы и иными подобными женскими персонажами и богиней Неба Аллат (Алилат, ал-Лат) у древних арабов. Культурная и этническая преемственность между арабами и армянами хорошо прослеживается. Очевидно, отсюда происходит имя первой несостоявшейся жены Адама Лолит. Возможно, имя Аллат образовано от запретного обозначения божества илахат — богиня. Аллат выступает как женская параллель и супруга Аллаха, а также как мать бо гов. В Палестине Аллат входила в пантеон и считалась супругой Эла (Илу). Некоторые народности Палестины почитали Аллат как богиню Солнца. Иногда Аллат отождествлялась с Афродитой. В городе Таиф Аллат почиталась ка к богиня-покровительница. Там находилась ее священна я территория, святилище и идол — белый гранитный камень с орнаментальными украшениями.

(Как тут не вспомнить «бел-горюч камень алатырь» из русских сказов и заговоров, о котором говорилось, что он «всем камням отец»?)

Уничтожив таифское святилище, Мухаммед тем не менее запретил охотиться и рубить деревья в священной роще Аллат. Поначалу он признавал ее божественную природу, но затем отверг ее.

К этому нужно добавить, что Аллах в древнеарабской мифологии — это верховное божество, почитавшееся в Северной и Центральной Аравии как бог-предок и демиург, создатель мира и людей. Он бог Неба, глава и отец богов. Как считают специалисты, само слово «аллах» является заменой имени божества и образовано от нарицательного «илах» — бог. Отсюда происходит древнесемитское верховное божество: Элу (Илу, Элохим) — в значении «сильный», «могучий». Как считают, Мухаммед соединил элементы этих доисламских верований с монотеизмом мусульманства.

Вот в какие горние высоты может нас завести сравнительная этимология. Таким образом, само имя «албасты» может восходить ко времени общности племен, еще не разделенной на

индоевропейскую и семитскую ветви. Такое предположение подтверждается тем, что корень «ал» родствен «илу» — в значении «божество» у древних семитов, а корень «басты» означает «дух» — у индоевропейцев. Слово «басты» отчасти существует и у русских в значении «бес», а также и у осетин — «уас», которое означает примерно то же самое, а именно — беса.

Все меняется в этом мире: некогда божественные персонажи могут потерять свою божественность и переквалифицироваться в нечто совсем противоположное. Особенно явно это проявляется у тюркоязычных народов — «желтоволосая дева» у них предстала в образе страшной демоницы. Божество обрело ужасающие черты.

Тут и длинные свисающие груди, которые дева, когда быстро бежит, закидывает на плечи. На руках у девы острые когти, которые она вонзает в своих противников. Этот образ присутствует у западносибирских татар. Азербайджанцы представляют себе албасты с птичьими стопами. У казахов и того хуже — у албасты вывороченные ступни и копыта на ногах. Согласно тувинским мифам, у албасты один глаз во лбу, а нос у нее из камня или из красной меди. По представлениям казанских татар, у албасты на спине нет плоти, и у нее сзади видны внутренности.

В мифологии тюркоязычных народов явно сквозит неприятие «желтоволосой девы»; ее боятся, и ею пугают детей. Однако у турок существует поверье, что можно воткнуть иглу в волосы албасты и это сделает ее покорной и исполняющей любые желания мужчины. А чего хочет мужчина? Сексуального удовлетворения, охотничьей добычи, обогащения. Все это может предоставить покоренная таким образом албасты.

Как тут вновь не вспомнить русские сказки, в которых сказочные персонажи втыкают булавки в одежду своих избранниц и избранников и это делает их покорными их воле? Усмиренная албасты помогает по дому, безропотно выполняет все приказания хозяина, лечит скот и людей, способствует обогащению. Но, не дай бог, воткнутая в волосы булавка случайно вылетит. Тогда албасты расквитается с обидчиком по полной программе. Албасты мгновенно закидывает свои длинные отвислые груди на обидчика, и он тут же умирает.

Считается, что разбушевавшуюся албасты сможет усмирить только очень сильный шаман. Он же может прогнать ее от роженицы, дабы она не сотворила чего нехорошего.

Как Василиса Премудрая не перехитрила своего суженого

Богиня, низведенная до роли рабыни, конечно, может вызвать жалость и сострадание. Однако шаманы предупреждает, что ни в коем случае нельзя освобождать албасты, руководствуясь состраданием. Иначе несчастья могут обручиться на весь род. Такие сюжеты о прикованной цепями в глубоком подвале Василисе Премудрой можно встретить в русских сказках. Но главный герой Иван-царевич пренебрегает дельными советами Бабы-яги, он дает Василисе испить воды, и она, исполнившись неимоверной силы, срывает с себя цепи. Тогда худо приходится Ивану-царевичу. Но все же он хитростью и при помощи своих друзей-оборотней добивается своего и усмиряет строптивую волшебницу.

Василиса Премудрая заглядывает в свою магическую книгу и пытается разглядеть, где спрятался от нее Иван-царевич. Она находит его и под облаками, восседающим на летящем орле, и под водой, в желудке огромной щуки. Однако она не может найти его, когда он превратился в булавку, воткнутую в эту самую магическую книгу. Иван-царевич выигрывает состязание.

Иван-царевич по уговору берет в жены Василису Премудрую, и она служит ему верой и правдой, как добрая жена доброму мужу. В другой народной сказке Василиса Премудрая помогает Ивану-царевичу обогатиться и успешно поохотиться, добыв знатный трофей — Оленя — Золотые рога. Здесь мы видим у Василисы Премудрой древние функции албасты — богини охоты.

В конце концов, и в образе златокудрой Девы-лебедя можно распознать все тот же знакомый нам образ «желтоволосой девы». А по Пушкину, у нее месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит. Это придает Деве-лебедю поистине космические черты, а заодно и сходство с тувинскими преданиями об албасты и о ее единственном глазе, расположенном во лбу.

Как видим, у русских, как и у иных индоевропейцев, в целом сохранилось более благожелательное отношение к «белокурой бестии» в женском обличье.

В связи с мифологемой албасты возникает еще один интересный вывод: тюркоязычное население Средней и Малой Азии, а также Южной Сибири и Алтая видит в албасты реальный демонический персонаж, а вовсе не богиню. Отсюда острые когти, копыта, птичья стопа и прочие атрибуты животных. Однако эти зооморфные признаки могут как раз свидетельствовать о том, что у албасты изначально присутствовала функция богини охоты. Албасты может превращаться в различных зверей и птиц, а также в неодушевленные предметы: копну сена, воз, в дерево ель. И все для того, чтобы одурачить, ввести в заблуждение одинокого путника или охотника.

Весьма интересно было бы узнать, зачем албасты превращается то в одно, то в другое, неужели только ли из своей злокозненности? Грузинская богиня охоты Дали загадывает охотнику загадки — если он их отгадает, то может сделаться ее мужем; если нет — погибнет. Дали часто заколдована и превращена в трепетную лань, голубя, змею. Она просит охотника человеческим голосом не губить ее. Охотник соглашается, и за это он бывает щедро награжден — с этого момента Дали начинает помогать ему и исполняет его желания. Дали мудра и прозорлива, она предвидит все коллизии, которые ждут на пути ее суженого.

Нечто похожее мы можем отыскать в русских сказках. Вот, скажем, сказка «Царевна-лягушка», в ней младший сын царя — Иван-царевич, выполняя завет своего отца, вместе со старшими братьями стреляет из лука. Уговор таков: на чей двор стрела попадает, ту невесту братья и возьмут замуж. Стрела старшего сына попала на княжеский двор; среднего — на

купеческий, а младшего — Ивана-царевича — угодила в болото. Приносит стрелу Царевна-лягушка. На пиру у царя махнула рукой Царевна-лягушка, и тотчас явились поля и сады, махнула другой — явилось озеро и поплыли по нему белые лебеди. Супруги старших братьев вслед за Царевной-лягушкой махнули руками, да только свекра и свекровь ушибли.

Пока суд да дело, Иван-царевич побежал домой да и бросил в огонь лягушачью кожу. Тут и молвила ему Царевна-лягушка, что заколдовал ее злой волшебник, что коли хочет ее Иван-царевич найти, то придется ему много верст пройти. Сказала так и исчезла.

Вот пошел герой искать свою суженую. Встречается ему щука. Хотел было Иван-царевич ту щуку убить и съесть, а она ему говорит человеческим голосом: «Не убивай меня, я тебе пригожусь». Иван-царевич идет дальше, встречается ему медведь. Только хотел он его убить и съесть, а медведь ему говорит человеческим голосом: «Не убивай меня, я тебе пригожусь!» Идет дальше герой, встречает он соколиху. Хотел было ее убить и съесть. А она говорит ему человеческим голосом: «Не убивай меня, я тебе пригожусь». Идет дальше Иван-царевич и встречает рака. Только хочет его поймать и съесть, а рак говорит ему человеческим голосом: «Не убивай меня, я тебе пригожусь!»

Таким образом Иван-царевич отказывается от охотничьих трофеев. Он верит в приметы и будет вознагражден за свою стойкость. В конце концов он добирается до избушки Бабы-яги, которая ему указывает, где за морем лежит волшебный камень (алатырь), а в камне том сидит утка, а в утке яичко (солнце). Наказывает Баба-яга Ивану-царевичу, чтобы он то яичко ей принес. Щука помогла переправиться Ивану-царевичу через море, медведь разбил волшебный камень. Выпорхнула из камня утка, а соколица настигла ее и задрала. Выпало из утки яичко и упало в воду. Тут вылез на берег рак и принес яичко Ивану-царевичу.

Очевидно, эти звери, помогающие герою добыть яичко, были не простыми, а волшебными. Быть может, сама Василиса Премудрая обращалась в этих зверей, помогая своему суженому.

Принес волшебное яичко Иван-царевич Бабе-яге. Она приготовила из яичка лепешку (символ солнца), тут и Царевна-лягушка прилетела. С порога она кричит своей матери: «Что-то русским духом здесь пахнет, кабы появился здесь Иван-царевич, так я бы его вмиг загрызла!» Баба-яга же отвечает: «Это ты, доченька, по святой Руси летала, вот русского духа и нахваталась!» А сама Ивана-царевича под лавку спрятала. «Садись, дочка, закуси лепешечкой», — говорит Баба-яга дочери. Вошла в избушку Царевна-лягушка, села за стол, съела лепешку и тут же и говорит: «Ах, как я соскучилась по моему милому, Ивану-царевичу, как бы он появился здесь, то я бы с ним этой крошечкой поделилась». Тут велела Баба-яга выйти из-под лавки Ивану-царевичу. Подхватила его Царевна-лягушка под крылышко и унесла в Тридевятое царство жить.

Мы видим метаморфозу, которая произошла с Царевной-лягушкой. Она была готова разорвать Ивана-царевича, а отведав волшебной лепешки, воспылала к нему любовью. Здесь, как мы видим, присутствует разное отношение Царевны-лягушки к своему суженому. Прослеживается также связь Царевны-лягушки с небесным огнем, с солнечным камнем алатырем. Царевна-лягушка в былые времена могла являться олицетворением водной стихии, что сближает этот персонаж русской сказки с албасты, которая также связана с водой. Кроме того, албасты, как и грузинская богиня охоты Дали, постоянно загадывает загадки охотнику, превращаясь то в одно, то в другое.

В русской народной сказке, которая называется «Царевна, разгадывающая загадки», загадки загадывает не царевна, как можно было предполагать, а ее будущий избранник. Царевна разгадывает загадки, подсылая к Ивану-дураку свою служанку, которая выведывает у него ответы. Меж тем загадки касаются разных животных, что также указывает на изначальную охотничью магию. Последняя загадка как раз была о той служанке царевны, которая все время

выведывала у Ивана-дурака правильные разгадки. Правильный ответ царевна постеснялась говорить перед всеми, так как это выдало бы ее. Пришлось ей замуж за Ивана-дурака пойти, на это и расчет у дурака, который вовсе не дураком оказался.

Таким образом, в русских сказках мы видим, как в образе Василисы Премудрой соединяются демонические и божественные черты. Вряд ли это можно трактовать как последующую трансформацию образа древнерусской богини. Скорее всего, изначально в ее образе присутствовала некая первородная, хтоническая сила, которую требовалось как-то усмирить, преодолеть.

Здесь можно вспомнить примечательный образ из малорусских сказок, когда солдат повстречал златокудрую девицу и говорит ей: «Хороша девица, только, жалко, не объезжена». А та ему в тон отвечает, что неизвестно еще, кто кого объездит. Пришел солдат в родное село на побывку, а там его столетний дед был еще живой. Спрашивает солдат деда: так, мол, и так; повстречал я девицу, а она мне такие странные слова говорит, словно загадку загадала, что это значит, дедушка? А дед ему отвечает: «Плохо твое дело, внучек. Придет златокудрая девица к тебе в полночь и скажет: «Тпру, стой, ты мой конь». И вмиг ты в коня обратишься по ее слову. Оседлает она тебя и будет всю ночь над землей на тебе летать, покуда не убьет вовсе».

«Что же мне делать, дедушка?» — спрашивает солдат. «А вот что: встань в полночь за дверью в избе, как увидишь, что девица та с распущенными золотыми волосами к тебе зайдет, ты ей и скажи: «Тпру, стой, ты моя кобыла!» Она вмиг в кобылу обратится». Ты на нее вскочи сразу и знай себе пришпоривай. Понесет она тебя высоко над землей. Ты же крепко держись, не отпуская поводьев. Под утро она устанет и тогда запросит у тебя пощады. Вот тут ты ей и скажи, что замуж ее возьмешь. Пусть она слово тебе даст…»

Эта сказка существует в разных вариантах. В том числе и в таком, когда солдат убивает кобылу-девицу, а она начинает ему мстить после смерти и все это выливается в гоголевский сюжет «Вия», с отпеванием покойницы в церкви в течение трех ночей. То есть девица эта ведьма. И ее мало убить, еще нужно справиться с ее чарами после смерти. Здесь мы видим отголоски языческого бессмертия царицы. Однако такая сюжетная линия, скорее всего, более поздняя, и она формируется под воздействием христианства, с его резким неприятием колдовства. Сам же женский персонаж, исполненный магической силы, вероятно, восходит к древним языческим временам. В нем можно угадать все тот же древний образ богини охоты, превращающейся в разных животных по своему желанию. В разных зверей может она превратить и своего неудачливого жениха.

В авторской сказке Ершова «Конек-горбунок» Иван, оседлав кобылицу, не отпускает ее до тех пор, пока она не предлагает ему выкуп за себя — Конька-горбунка, который будет служить Ивану верой и правдой.

Как «благородная» Царица-волчица породила тюрков

Таким образом, Василиса Премудрая вовсе не является «благой во всех отношениях». Связь с ней таит опасность для мужчины и даже может привести к смерти. Для мужчины-охотника это своего рода инициация. Он должен быть достоин богини, должен выдержать все испытания, только тогда он может претендовать на ее руку и сердце. Приняв облик крылатого чудовища, Василиса Премудрая хочет разорвать Ивана-царевича, но все же берет его под крылышко и уносит к себе в Тридевятое царство жить. Кроме того, не следует забывать, что ее мать не кто-нибудь, а Баба-яга, которая, однако, решает помочь будущему зятю вновь завоевать расположение своей дочери.

С образом Василисы Премудрой сближается образ древнегреческой богини любви Афродиты. Как известно, эта богиня родилась из крови оскопленного Кроном Урана, которая попала в море и образовала пену. Миф о рождении Афродиты подтверждает ее связь с первичными хтоническими силами. Нечто похожее мы встречаем и в образе Василисы Прекрасной. Она прикована цепями в глубоком подвале и, испив воды, рвет цепи и вырывается наружу, подобно Кощею Бессмертному или сказочному дракону.

Афродита, как и восточные богини плодородия: финикийская Астарта, вавилоно-ассирийская Иштар и египетская Исида, появляется в сопровождении диких зверей. Она сама может превратить в зверя своего неудачного поклонника и заставить в таком облике следовать за собой. Василиса Премудрая также выступает как повелительница зверей.

Геродот сообщает о почитании Афродиты Урании в Сирии, Персии, у арабов, а также у скифов. То, что почитание Афродиты было зафиксировано у скифов, проливает свет на происхождение похожего персонажа и у тюрков, которые длительное время контактировали со скифами.

В мифологии древних тюрков существовал персонаж, олицетворяющий женское начало, — богиня плодородия Умай. По всей видимости, именно ее албанский епископ Исраэль (VII век н. э.) именует Афродитой. В древнеуйгурских текстах X века н. э. она называется «благодетельной Умай-царицей». Умай покровительствует тюркам и наказывает согрешивших.

В связи с этой мифологемой «царицы-благодетельницы» весьма интересен древний миф о происхождении племени тюрков. Этот миф записан китайскими летописцами со слов тюрков в VI веке н. э. Предки тюрков, высокие, статные люди, жили на окраине большого болота. Однако на них нежданно напали враги. Все воины доблестного племени, а также женщины и дети, неутомимо сражавшиеся вместе с мужчинами, пали в неравной борьбе.

Чудом удалось спастись одному израненному десятилетнему мальчику — враги отрубили ему ноги. Однако мальчик не погиб, его выкормила своим молоком одинокая волчица. Когда мальчик вырос, волчица стала его женой. Враги вскоре обнаружили и убили юношу. Волчица, оставшись одна, бежит от врагов в горы севернее Гаочана, где прячется в пещере и рожает десятерых сыновей, которых выкармливает как своих детей. Встав взрослыми, сыновья женятся на женщинах из племени, обитающего у подножия гор Гаочана — имеются в виду горы Восточного Тянь-Шаня, примыкающие с севера к Таримской котловине. Каждый из сыновей волчицы основывает Свой род.

Имя одного из сыновей Ашины. Впоследствии он выводит свой род из пещеры и расселяет его на Алтае, где это племя стало называться тюрк.

Похожий миф записан о происхождении племени кыргыз. Миф о происхождении царского племени уйгуров и яглакар называет в качестве родоначальника волка и хуннскую (гуннскую) царицу.

Нужно сказать, что в предгорьях Тянь-Шаня китайские археологи обнаружили так называемые таримские мумии. Эти люди имели европеоидную внешность. Находка мумий европеоидов на северо-западе Китая в свое время стала настоящей сенсацией. С 1970 года археологи обнаружили уже сотни прекрасно сохранившихся мумий. Сухой климат этих мест и песок не позволяют тканям разложиться.

Эти люди похоронены в просторных тонких рубахах, на них вязаные штаны и юбки. Узор тканей имеет геометрические мотивы, сходные с северным стилем у европеоидов. У многих мумий продолговатые лица, рыжие и светло-русые волосы, глубоко посаженные глаза и выступающие носы. Принадлежность их к европеоидам не вызывает сомнений. Предполагают, что это могли быть тохары, скифы или сарматы. Возраст мумий разный. Они датируются с XVII века до н. э. по II век н. э. Никто раньше и не предполагал, что племена европейцев могли проникать так далеко на юг.

Быть может, люди из таримской котловины явились прародителями тюрок, алтайцев, кыргызов и уйгуров? Начало смешения европеоидов и монголоидов в евразийских степях достаточно точно датируется серединой 1-го тысячелетия до н. э. Начиная с этого момента можно провести линию преемственности до современных групп южносибирского расового типа. Этот тип составляет основу южносибирской малой расы, которая широко распространена среди киргизов, казахов, уйгуров и иных народностей, проживающих в горных районах Тянь-Шаня и Алтае-Саянах.

Таким образом, мы можем предполагать, что под личиной одинокой волчицы скрывается богиня — покровительница племени, принявшая ее облик. Именно богиня спасла израненного мальчика и зачала от него сыновей. Она же, преследуемая врагами, скрывается в предгорьях Восточного Тянь-Шаня. Сыновья, став взрослыми, берут себе в жены местных девушек и основывают свои роды. Уйгуры ведут свою родословную от хуннской царицы.

Таким образом, можно предположить, что южносибирский антропологический тип имеет смешанное происхождение, что в общем-то и подтверждается данными антропологии. Южносибирская малая раса, по солидарному мнению антропологов, принадлежит к так называемой переходной расе. С одной стороны предками южносибирского антропологического типа являются европеоиды-кочевники скифского времени, обитавшие в 1-м тысячелетии до н. э. в степном поясе Евразии, с другой стороны — местные монголоидные племена. Очевидно, поучаствовали в создании новых народов и племена гуннов, ядро племенного союза которых состояло из монголов.

Светловолосая богиня, превратившаяся в волчицу, дает продолжение новым родам тюрок. Как ни парадоксально, но функция «царицы-благодетельницы» здесь проявлена в полной мере, как функция богини плодородия, дарующей жизнь новым народам.

Надо отметить, что у скифов, сарматов, тохаров, обитавших в евразийских степях в 1-м тысячелетии до н. э., был в особом почете так называемый звериный стиль. На орнаментальных бляхах из серебра, золота и бронзы, прикрывающих воина и коня от стрел и копий, можно видеть изображения дерущихся зверей: пантер, грифонов, волков, орлов, косуль, быков и т. д. Некоторые специалисты считают, что в облике дерущихся зверей представлены боги и богини, принявшие зооморфный облик.

Оборотничество вообще характерная черта многих мифологий. Так, древнеегипетские боги Ра, Гор и другие последовательно превращаются в разных зверей и птиц, в зависимости от целей и задач, которые они ставят перед собой. А герой хеттского мифа — разоритель орлиных гнезд, — спасаясь от преследователей, последовательно превращается в горностая, трехногого коня, оленя. Так же боги и герои, наделенные сверхспособностями, могут обращаться по своему желанию в неодушевленные предметы. Эти разнообразные метаморфозы мы видим и в русских

сказках. Однако, с другой стороны, можно связать изображения зверей и птиц, а также неодушевленных магических предметов с магией охоты. Этим еще раз подчеркивается связь метаморфоз, как таковых, с охотничьим ремеслом и богиней охоты.

Очевидны мифологические параллели между мифом о происхождении тюрок и италийской легендой о двух братьях Реме и Ромуле, вскормленных капитолийской волчицей и основавших Вечный город Рим. Согласно легенде, близнецов, брошенных по приказанию Амулия в Тибр, вынесло на берег под смоковницей, посвященной Румине — богине вскармливания новорожденных. Там их охраняла и кормила волчица. В образе Румины мы можем отметить некоторые сходные черты, сближающие этот образ со среднеазиатской албасты. Правда, албасты, в отличие от Румины, выкрадывает младенцев и топит их в реке. Однако эта функция могла быть и переосмыслена с точностью до наоборот. У албасты, некогда богини, появились когти и жуткие замашки. И вместо того, чтобы помогать выкармливать брошенных детей, она сама стала неожиданно их выкрадывать и губить. Но думается, эти функции являются уже предметом последующего искажения изначально благого образа.

Василиса золотая коса, непокрытая краса

В русской сказке «О Василисе золотой косе, непокрытой красе и Иване-Горохе» мы встречаем в образе Василисы персонаж близкий к албасты. В сказке прямо указывается на светозарность Василисы: «Волосы ее густые, злато-шелковые, не покрытые ничем, в косу связанные, упадали до пят, и царевну Василису стали люди величать: золотая коса, непокрытая краса». Словосочетание «непокрытая краса» можно трактовать двояко — в прямом и переносном смысле: не покрытая платком, а также обнаженная — лучезарная — и как свидетельство девственности.

Свидетельством светозарности царицы являются не только ее золотые локоны, но и элементы биографии. В сказке говорится, что родилась Василиса в светлом дворце у царя Светозара и что были у нее два брата. Здесь наверняка содержится намек на балтийско-славянский миф о дочери Солнца и ее двоих братьях, которые по очереди катали свою сестру в яблоневой лодке по небу.

Двадцать лет жила царица в светлом тереме. Царь и царица берегли свою дочь. Но стало ей скучно, и отпросилась она у папеньки и маменьки по саду погулять: «Я еще свету божьего не видела». Отворились ворота тесовые, и очутилась царевна впервые в жизни на зеленом лугу. Тут, как назло, вихрь налетел ниоткуда, подхватил царицу вмиг и унес неведомо куда.

Погоревали царь с царицей, а молодые королевичи-братья испросили у родителей благословения сестрицу свою пойти искать. Отпустили их царь с царицей с миром.

Добрались братья до неведомой земли и увидели: дворец золотой на столбе серебряном крутится. Дождались братья, когда дворец к ним передом повернулся, и вошли в палаты золотые. Это был дворец Змея лютого. Встретила их в горнице сестрица родимая — Василиса золотая коса непокрытая краса. Говорит она братьям: «Как рада я вас видеть, родимых; но сейчас сюда Змей прилетит, прячьтесь скорей, дворец уж на столбе серебряном повертывается». Братья говорят: «Не станем мы прятаться, будем со Змеем биться». Только вымолвить это успели, как в окно Змей лютый влетел. Подхватил он одного брата на одно крыло, другого на другое, да и стукнул их со всей своей змеиной силой друг о друга. Из них и душа вон вылетела. Бросил он мертвых царевичей в глубокий ров.

Меж тем мать царевны золотой косы непокрытой красы горевала, горевала — нет вестей от сыновей, как в воду канули. День жаркий был, захотелось ей пить, пошла она в сад, зачерпнула ковшиком водицу из колодезя беломраморного да и не заметила сама, как в ковшик горошина попала. Проглотила мать Василисы горошину вместе с водицей. Разбухла горошинка; отяжелела царица да и вскорости родила сына. Дали ему имя Иван-Горох, такой он гладенький и кругленький был.

Растет Иван-Горох не по дням, а по часам, прыгает, катается, а силы у него как у десяти могучих богатырей стало. Вот говорит как-то Иван-Горох царю и царице: «Отпустите меня, батюшка и матушка, братьев и сестрицу искать». Говорят ему те: «Что ты, зеленый еще!» — «В самый раз, по дороге дозрею!» Отпустили его родители.

Иван-Горох выкатился в чисто поле и быстро-быстро поехал туда, куда солнце катилось. Добрался Иван-Горох до Лисьей горы, а под ней кузня. Велел он кузнецу посох изготовить богатырский. Три дня стучал кузнец молотом в кузне. Посох такой тяжелый вышел, что его кузнец вытащить на свет белый не в силах оказался. Тут Иван-Горох сам посох из кузни достал да как его сразу на Небо забросит. Три дня посох по Небу летал, народ весь в страхе разбежался — как посох назад полетит, так палаты пробьет, насмерть ушибет, а если в море попадет, то все море расплескает, а если на землю падет, то землю насквозь пробьет. Вот через три дня шум и

рев послышался великий.

Прибегает народ к Ивану-Гороху: «Посох назад летит». Вышел Иван-Горох в поле чистое, да и одной рукой тот посох подхватил, даже не содрогнулся. Лишь посох на его руке согнулся. Выправил Иван-Горох посох о свое колено и сказал: «Знатный посох кузнец мне сделал».

Тут шум превеликий раздался, то Змей лютый в свой дворец золотой летит. Метнул в него посох Иван-Горох и на куски разорвал, а посох землю пробил и через два в третье царство ушел. Народ шапки вверх побросал — избавил Иван-Горох его от Змея лютого. Освободил богатырь свою сестрицу Василису; взял из погреба змеиной воды и на братьев побрызгал, что во рве глубоком лежали, — братья вмиг ожили.

Просит народ Ивана-Гороха на царство, но тот отказывается, вывел кузнеца из кузни и говорит народу: «Вот ваш царь, слушайте его, это он мне посох сковал». Отправились Иван-Горох с Василисой золотой косой непокрытой красой и двоими братьями восвояси — к своим родителям: батюшке-царю Светозару и матушке-царице в их светлый терем.

В этой русской сказке мы видим сюжеты, связанные с Солнцем. Василиса золотая коса непокрытая краса выступает здесь как дочь бога Солнца. Однако ее похитил вихрь, коварный Змей лютый. Двоих братьев Змей этот с легкостью убил. А вот специально рожденного на его погибель Ивана-Гороха одолеть не сумел. Кругленький Иван-Горох, рожденный в результате непорочного зачатия, является символом нового Солнца. Он метнул в Змея свой посох, скованный кузнецом, и вмиг убил. Посох землю пробил и где-то в мире мертвых застрял. В этом посохе можно угадать булаву громовержца Перуна, преследующего змея Велеса.

Мотивы этой русской сказки весьма древние: это индоевропейские мифы о борьбе громовержца и его заклятого противника — змея. Аналогичные мотивы мы встречаем в древнеиндийских мифах о борьбе громовержца Индры и змея Вритры.

Сказочный золотой дворец Змея лютого отождествляется с хоромами Огненного змея из славянских преданий. Огненный змей выступает в них как похититель светозарной девицы. Сам этот вращающийся на серебряном шесте дворец, вероятно, стал золотым, потому что в нем оказалась похищенная Василиса золотая коса.

Мотивы русской сказки отчасти напоминают предания, известные из Авесты — священной книги зароастрийцев (VIII век д он. э.). В них рассказывается о прекрасной стране Ариана Вэджа, что переводится с авестийского буквально как «арийский простор». Эта страна впервые упоминается в книге «Видевдат». Родина древних иранцев располагалась у прекрасной реки Даитья, что, очевидно, переводится как «дарующая». Некоторые специалисты отождествляют эту реку с Араксом, другие с Сырдарьей, третьи — с Волгой, четвертые — с Днепром. Мнений о том, где же располагалась прародина ариев, много. В Авесте упоминается страна ариев, на которую внезапно напал Змей рыжеватый. Кто этот Змей, тоже мнений предостаточно. Некоторые считают, что под метафорой «Змей рыжеватый» скрываются воинственные племена, вынудившие предков арийцев в начале 2-го тысячелетия до н. э. отправиться в свой исторический поход на юг — в Иран и далее в Индию.

Кроме того, в Авесте описывается природная катастрофа — резкое похолодание, живописуется, как лед сковал воду, как выпал снег глубиной 14 пальцев. Кроме похолодания на страну внезапно пала ночь. Солнце скрылось из глаз. Считается, что эта природная катастрофа вынудила предков ариев сдвинуться с насиженных мест и предпринять беспрецедентный поход на юг, а также в Европу. При этом некогда единая индоевропейская общность народов разделилась на тех, кто впоследствии укоренится в Европе и образует современные европейские народы: германцев, италиков, славян и др., а также на тех, кто в поиске лучшей доли отправится на юг и осядет в Иране и Индии.

«Когда небо давило, а земля разверзалась», арии отправились на юг

Мотивы исчезновения солнца известны не только в индоевропейской мифологии, но и в других мифологиях. Так, в мифологии древних орхонских тюрок запечатлен миф о космической катастрофе: «Когда небо сверху давило, а земля внизу разверзалась». Этот вариант мифа изложен более подробно в «книге гаданий». В частности, там говорится: «Наверху была мгла, внизу был прах, люди, звери и птицы сбились с пути». Это состояние длилось три года и прекратилось «по милости неба».

В саамской мифологии, близкой к финской, говорится о времени борьбы стихий, которая началась после того, как Солнце Пейве сватал к своему сыну дочь Луны, но получил отказ. Тогда началась война; на стороне Солнца выступают люди, земля и горы, а также домашние животные, олени и птицы, а на стороне Луны выступают: вода, ночь, тень, загробный мир с ожившими покойниками, всполохи северного сияния, а также хищные дикие звери. От Солнца Пейве зависит благополучие людей и исход битвы. Пейве выступает в поход, оседлав медведя, потом оленя-самца, а затем важенку — молодую олениху.

Согласно обско-угорской мифологии народов ханты и манси, злой дух Куль-Отыр, воспользовавшись сном прародителя богов Корс-Торума, нападает на него, начинает таскать его по земле и пытается утопить в воде. При этом возникают холмы, долины, ямы, кочки и болота. Однако Корс-Торум вовремя просыпается и, схватив свой посох, дает надлежащий отпор вероломному врагу. Куль-Отыр бежит в свой подземный мир через отверстие, образовавшееся в земле от пробившего ее посоха Корс-Торума.

Здесь мы видим довольно-таки ощутимую параллель между русской сказкой и финно-угорским мифом ханты и манси. По мансийскому мифу, землю первоначально заселяли богатыри Отыры, но Корс-Торум (Нуми Торум) разгневался на них и послал на землю сначала пожар, а потом потоп. В результате непослушные богатыри были уничтожены.

Весьма интересно, что имя финно-угорского божества Корс-Торума напоминает по своему звучанию имя славянского бога Солнца Хорса. Хоре, как и громовержец Перун, считался повелителем молний. Славяне часто представляли его в виде светоносного всадника, скачущего по небу на белом коне. Чем не Иван-Горох, «катающийся по небу», из более поздней народной сказки? Кроме того, финно-угорское Коре напоминает слово «коршун». Эта хищная птица считалась олицетворением солнца.

Мифологические представления финно-угорских народов весьма древние. Они восходят к их общности, которая возникла в 3—2-м тысячелетиях до н. э. Считается, что древние финно-угры расселились к 1-му тысячелетию до н. э. из Приуралья и Поволжья до Прибалтики (финны, карелы, эстонцы и др.) и Северной Скандинавии (саамы). Они также заняли лесную полосу Восточной Европы — это известные по русским летописям племена мери, муромы, чуди и др. Они также достигли Средней Европы — миграция венгров в IX веке н. э.

У финно-угров и индоевропейцев прослеживается много общего в мифологии и обрядах. Это позволяет предположить, что в былые времена индоевропейцы и предки финно-угров находились в непосредственном контакте.

Согласно распространенному мнению, основу антропологического типа манси, хантов, селькупов, некоторых поволжских народов, а также народов Алтае-Саянского нагорья составляет так называемая уральская раса. Эта раса локализована в Приуралье, Зауралье и частично в Западной Сибири. Уральская раса имеет заметное сходство с лаплоидной расой, но

представители уральской расы несколько выше ростом и выглядят более монголоидно. Лица у представителей этой расы небольшие, широкие, низкие и умеренно уплощенные. Второе веко (эпикантус), которое заметно отличает монголоидов от европеоидов, встречается в 10–20 процентах случаев. Нос прямой или с вогнутой спинкой, кончик бывает приподнят, переносье средней высоты. Губы средней величины. Волосы обычно темных оттенков и темно-русые, прямые. Эта раса возникла в результате смешения европеоидных и монголоидных групп населения в древности: в мезолите — неолите. Этой расе по крайней мере пять тысяч лет, если не больше. В отличие от южносибирской расы, составляющей основу тюркоязычного населения, уральская переходная раса намного древнее.

Можно предположить, что древние европеоиды, обитавшие в поясе евразийских степей еще 7 тысяч лет назад, контактировали с местным монголоидным населением. В результате этих контактов и появилась уральская переходная раса.

О том, что европеоиды могли обитать в самом центре Евразии в столь далекие времена, свидетельствуют древние петроглифы, изображения колесниц и лучников, которые выбиты на скалах нашего и Гобийского Алтая в Монголии. Эти изображения в свое время описал академик Окладников. Кроме того, в могилах найдены останки колес с бронзовыми гвоздями. На Ангаре обнаружена масса древних захоронений, относящихся к мезолиту.

Под Уфой на стоянке Давлеканово было раскопано захоронение. М.М. Герасимов сделал по найденному здесь черепу реконструкцию лица. Оказалось, что древние жители этих мест, как ни парадоксально, имели внешность похожую на северо-американских индейцев. Как известно, индейцы из Дакоты имели выступающие орлиные носы и являлись не вполне монголоидами, у них можно обнаружить значительную европейскую примесь. Не исключено, что предки индейцев, воспользовавшись сухопутным перешейком Беренгией, попали в свое время в Северную Америку из Сибири.

Кроме того, на Урале обнаружены микролиты, которые, как считают, использовали в своем быту древние европеоиды. На стоянке Янгельска, близ Челябинска, были найдены микролиты из яшмы древностью около 10 тысяч лет. На стоянке Шикаевка под Курганом орудиями, снабженными лезвиями из микролитов, древние европеоиды разделывали туши мамонтов. Последние мамонты тоже вымерли здесь около 10 тысяч лет назад. На Урале найдены и статуэтки из глины, подобные тем, которые изготовляли жители Передней Азии.

На стоянках Давлеканово и Мулино были найдены глиняные горшки и целые сосуды, а также кости домашних животных — коз, овец, коров и даже лошадей.

Кости домашнего коня датируются рубежом 7—6-го тысячелетий до н. э. (более 8 тысяч лет назад). Археологи давно ищут место, где впервые был одомашнен конь. Считалось, что более древним местом, где найдены останки домашней лошади, относится стоянка Дериевка на территории современной Украины. Однако, как выяснилось, останки домашнего коня стоянок из Мулина и Давлеканова на Урале еще более древние. Причем было выяснено, что порода этих лошадей была именно такая, какую позднее привели арии в Переднюю Азию. Эта была крупная лошадь. Таких лошадей разводили в Поволжье и Предуралье еще в XVIII веке. Ныне представителями этой породы являются знаменитые ахалтекинские кони из Туркмении. Очевидно, в Туркмению эти кони также попали из степей Предуралья.

Когда на землю пала тьма и солнце скрылось из глаз, Йима зажег огонь

Арийские племена, очевидно, попали в Иран и Индию не сразу. Сначала они спустились из южнорусских и приуральских степей в оазисы Южного Туркменистана. Именно здесь в междуречье Амударьи и Сырдарьи они обитали еще примерно 3,5 тысячи лет назад. Вероятно, к этому времени можно отнести строки из Авесты: «Наполнилась эта земля мелким и крупным скотом, людьми, собаками, птицами и красными горящими огнями. Не находят себе места мелкий и крупный скот и люди». По воле предводителя ариев Йимы эта земля, приютившая беженцев, несколько раз раздвигалась вширь и вглубь. Она становилась все больше и больше, дабы «…нашли здесь пристанище мелкий и крупный скот и люди по своему желанию и воле, как им хотелось».

Неудивительно, что земля эта наполнилась не только живностью и людьми, искавшей здесь спасение от катастрофы, но и «красными горящими огнями». Ведь в Авесте говорится, что в то время на землю пала ночь: «Из-за этого мрака небо и земля были неразличимы, казались слившимися». Дабы осветить свой быт, люди наверняка стали жечь костры, вот и наполнилась земля эта огнями. Наверняка честь возжигания первого огня, способного осветить людям путь из страны мрака, выпала на долю Йимы, предводителя ариев.

Об этом времени говорится так: «Вселенная была проглочена, сокрыта мраком… Тьма стояла долго. Солнце и луна не появлялись на небе; на целые месяцы для них были заперты врата».

Согласно Авесте, Ахурамазда загодя предупреждает Йиму и говорит ему такие слова: «О Йима прекрасный, сын Вивахванта, на этот плотский мир придут зимы, а от них сильный смертельный холод; сначала тучи снега выпадут на высочайших горах на глубину Ардви. Только третья часть скота останется в живых, о Йима, в ужасных местах, которые расположены на вершинах гор или в долинах в крепких жилищах… Затем из-за таяния снегов потекут воды, и чудом, о Йима, окажется, если кто увидит где-нибудь след овцы».

В священной книге зороастрийцев Бундахишне говорится о причинах таких катаклизмов: «Злой дух со своими верными дэвами отправился к светилам, увидел небо и из злобных побуждений совершил нападение на них… Он набросился на все создания и сделал мир таким поврежденным и мрачным, что полдень стал подобен ночи».

Таким образом, мы находим разные варианты того, что солнце исчезло с неба и на мир пала тьма.

В мифологиях разных древних народов сохранились предания об этом событии. К примеру, в хеттских преданиях говорится о том, что бог моря Аруна, поссорившись с людьми, увел к себе бога Солнца. Благодаря чему на землю пала продолжительная ночь. Люди молят богов, чтобы они вернули солнце на небосклон. Бог грозы, услышав молитвы людей, посылает к Аруне бога плодородия Телепинуса. Телепинус — вооруженный воин, преисполнившись желания выполнить свое предназначение любой ценой, спускается под воду и находит там дворец Аруна. Морской бог, испугавшись одного вида вторгшегося в его владения Телепинуса, тут же отдает ему бога Солнца и свою дочь в жены.

В этом древнем хеттском мифе мы можем без труда уловить сюжетную канву, сходную с русской былиной о Садко. Садко также спускается под воду и своей игрой на гусельках так пронимает Морского царя, что тот отдает ему в жены свою дочь. Не исключено, что и русская былина в своей сюжетной линии восходит к древним реальным событиям — исчезновению с

небосклона солнца.

Русская народная сказка «О Василисе золотой косе, непокрытой красе и Иване-Горохе» была записана в XIX веке. Очень возможно, что сюжет этой сказки восходит к более древним преданиям. Так, в финно-угорских преданиях и мифологии коми сохранились сюжеты о поклонении огню, солнцу, воде, а также идолу — «Золотой бабе». Не исключено, что древние предания о «Золотой бабе» явились некоторой основой для русских сказок, в которых рассказывается о похищении дочери Солнца.

Как Йама стал Йимой-драконом и от него будто бы отлетел хварно

Продолжим наше исследование любопытных этимологических параллелей. У древних финно-угорских народов существовало верховное божество неба и воздуха Йима. Как мы помним, в Авесте рассказывается о том, что предков иранских ариев вывел из страны мрака именно предводитель Йима. Вероятно, к образу прафинно-угорского божества восходят имена богов: финский и карельский Ильмариен, саамский Инмар, коми Ен и Йомаль, финский Юмала, эстонский Юммал, саамский Юбмел, марийский Юмо.

Весьма интересно, что в древнеиранской мифологии существовал бог Йама. Он выступает как первопредок людей, культурный герой и создатель благ цивилизации. Йама являлся владыкой мира в эпоху тысячелетнего золотого века. При нем на земле царило бессмертие, не было старости, пороков, болезней, войн. Этимологически его имя толкуется как «близнец», «двойник». Согласно мифу Йама был распилен пополам рукой собственного брата Спитьюры, околдованного злым духом. Образ Йамы восходит к индоиранской и индоевропейской общности, а также к архаическим мифам о двоих братьях-близнецах, сыновьях Солнца. Йама, согласно мифологеме, первым возжег в Хорезме сакральный огонь жречества. В ведийской мифологии Йама тождествен Яме, который первым принес огонь людям и осуществил цивилизаторскую функцию. В скандинавской мифологии Йама тождествен первопредку Имиру, в балтийской мифологии — Юмису. У латышей полевое божество Юмис означает «сдвоенный плод», что также свидетельствует о близнецовой природе этого божества.

У древних иранцев отцом Йамы был Вивахвант — воплощение Солнца. Да и сам Йама сохранил в своем облике черты солярного героя. На индоиранском уровне Йама выступает как хозяин двуногих и четвероногих. Он же является первым смертным. Быть может, именно поэтому индусы изображают Яму хозяином подземного мира — царем мертвых.

На иранском мифологическом уровне с образом Йимы произошли неприятные метаморфозы. У него отняли ореол идеального владыки золотого века и гаранта бессмертия. Утрата золотого века человечества была объявлена Зороастром следствием гордыни и грехопадения Йимы. При этом возник квазиисторический миф, как от Йимы отлетел символ его царственного достоинства — хварно. Хварно, или фарн, обычно трактуется как обозначение солнечного сияющего огня, исходящего от человека, облеченного божьей властью. Над головой такого человека сияет нимб, а от его тела исходит сияние.

От Йимы, согласно Зороастру, хварно отлетел в виде сокола Варгана. При этом хварно перешел к самому Зороастру. Пророк мгновенно почувствовал необычайную силу рук и ног, а вокруг него появилось сияние, над головой возник нимб.

Очевидно, Зороастр и его последователи стремились очернить Йиму — божество древнеарийского пантеона в глазах потомков, потому что на роль нового предводителя иранцев претендовал сам Зороастр. При этом зороастризм пришел на смену древней арийской религии. Многие кумирни были разрушены. А сами статуи кумиров сброшены со своих мест. Их место заняли новые боги. Основой иранской мифологии стала борьба двух взаимоисключающих принципов — добра и зла, правды и лжи, света и мрака. Понятное дело, что никто из последователей Зороастра не желал служить силам мрака, зла и ритуальной скверны. Все добрые силы объединились во главе с Ахурамаздой (отсюда название иранской религии — маздеизм). Ахурамазде противостояли злые духи, девы и монстры во главе с Ангро-Майнью. Они принесли в сотворенный Ахурамаздой мир прегрешения, болезни и смерть. Они всеми

силами стремились уничтожить добро.

Таким образом, на смену древнейшему мифу о двух демиургах-близнецах приходит религиозно-этическое учение о добре и зле, которое в дальнейшем перекочевало в религии, исповедующие единобожие: иудаизм, христианство и мусульманство.

Весьма интересно, что в иранской мифологии говорится о священной горе Йемавенд (гора Йимы), а по новой этимологии это гора Демавенд (возможно, отсюда происходит и русское слово «демон»). Согласно древнему преданию, в «горе Йимы», в кратере огнедышащего вулкана, по сей день прикован побежденный Траэтаоной (третьим сыном — драконоборцем) дракон Ажи-Дахака. Дракон Ажи-Дахака, или просто Ажай, — это противник единого Бога. Он рисовался древним иранцам в виде трехглавого чудовищного дракона. Он, согласно мифам, является соперником бога огня Атара, с которым сражался за символ царского суверенитета, царской власти и светозарности — хварно… Получается, что светозарность — хварно, или фарн, — только одна на двоих, а за право ее обладания надо бороться истинному богу и дракону.

Этот дракон, прикованный к скале, согласно уже армянским источникам, является свергнутым царем и имеет антропоморфные черты. В нем, быть может, даже можно угадать черты отвергнутого Зороастром и низвергнутого в подземный мир Йимы. В Мидии и Кабуле в былые времена сохранялось почитание Ажи-Дахаки. Местные правители возводили к нему свои родословные и рассказывали легенды о службе своих предков при дворе этого царя. Не исключено, что в Мидии и Кабуле почитался в таком виде отвергнутый Зороастром Йима — предводитель ариев. Вот что можно сделать с отвергнутым братом-близнецом, низведенным к тому же до уровня царя мертвых.

Согласно иранской космогонии, дракон Ажи вырвется на поверхность из своего огнедышащего подземелья незадолго до конца света. Тогда он будет окончательно умерщвлен появившимся специально для этой высокой миссии драконоборцем Керсаспой. Здесь мы видим мифологему второго пришествия Зороастра или его сына, как об этом свидетельствует Авеста, дабы окончательно уничтожить вселенское зло, представленное в облике дракона.

Между тем в древнеиранской мифологии дракон Ажи — это легендарный царь, приведший своих воинов на территорию Ирана и захвативший власть. Не исключено, что именем Ажи автохтонное население Ирана называло Йиму и его воинов, вторгшихся в начале 2-го тысячелетия до н. э. на территорию Ирана. Очень может быть, что в образе дракона Ажи мы можем видеть умирающего и постоянно воскресающего бога плодородия древних ариев. Быть может, даже этимология имени Ажи каким-то образом связана с русским словом «оживающий». Знать недаром в русских сказках Иван-царевич, сжалившись, поит дракона — Кощея Бессмертного — водой, и тот рвет цепи и вырывается на свободу. Он похищает светозарную царскую дочь и уносит к себе в замок. Ивану-царевичу поневоле приходится разыскать и убить дракона, дабы освободить свою невесту. Смерть дракона — Кощея Бессмертного — находится в яйце, которое скрыто у священного дуба. Ивану-царевичу в этом непростом деле помогают реинкарнированные звери. Здесь же мы видим знакомые нам сюжеты об освобождении дочери Солнца и убийстве дракона — лютого Змея, унесшего Василису золотую косу, — богатырем Иваном-Горохом.

Три огнедышащих головы дракона могли символизировать собой трехсословное арийское общество: воинов, земледельцев и жрецов. Подобное социальное членение имело место у ираноговорящих скифов, обитавших в степях Причерноморья в 1 — м тысячелетии до н. э. Как известно, злого дракона победил младший из троих братьев, представитель жреческого сословия; его мы можем отождествить с Иваном-Горохом из русской сказки. Кроме прочего, наверняка под тремя головами огнедышащего дракона имеются в виду три священных огня: жреческий, воинский и огонь земледельцев и скотоводов. Эти три священных огня, по

преданию, горели в зороастрийских храмах. Не исключено, что культ трех огней зороастрийцы восприняли от ариев.

В Авесте сказано, что трехглавый дракон Ажи-Дахака все же пошел на соглашение с новой религией после своего бесславного поражения и совершил жертвоприношения божествам зороастрийского пантеона: Ардвисуре Анахате — божественной деве — и Вайю. Вайю — это бог ветра, который отказывался помогать дракону Ажи, но помог его противнику-богатырю.

Ардвисура Анахата, или просто Ардви, — это непорочная могучая дева — богиня воды и плодородия. Ее просят, принося ей жертвы, даровать им силу и могущество знаменитые иранские и туранские богатыри. Но дева удовлетворяет только просьбы иранцев и игнорирует просьбы туранцев. Как известно, Зороастр заклеймил туранцев-кочевников, вероломно нападающих на мирных иранцев и угоняющих скот. Ардви является дочерью самого Ахурамазды. Эта божественная дева дарит богу Заратуштру, вероятно зачатого непорочным способом. Кроме прочего, Ардви помогает Траэтону-драконоборцу одолеть дракона Аджи-Дахаку. В Авесте Ардви описывается как прекрасная дева, тоскующая по истинному богатырю, который будет постоянно славить ее неувядающую красу.

Здесь также прослеживается сюжет с похищением драконом прекрасной Ардви и с последующим освобождением ее богатырем-драконоборцем. Здесь мы видим множество параллелей с русской сказкой «О Василисе золотой косе, непокрытой красе и Иване-Горохе».

О том, как Брахаспати выудил из моря три сокровища

В индийской Ригведе также дается описание катастрофы, когда весь мир погрузился во мрак. В этом собрании древних гимнов излагается миф о громовержце Индре, который вместе с десятью воинами, после долгих и безрезультатных поисков нашел Солнце, пребывающее во мраке. В поэме «О появлении Солнца» рассказывается, как бог Брахаспати одолевает демона Валу, который силой удерживал Солнце в глубокой пещере в скале. В поэме величественно и торжественно повествуется о том, как доблестный Брахаспати выудил из моря одно за другим три сокровища: утреннюю зарю — прекрасную богиню зари по имени Ушас, а также само Солнце и священную корову, которая является метафорой сверкающего Неба.

«Пока Солнце и Луна восходили, следуя друг за другом, на небеса, всесильные боги украсили небо созвездиями, как украшают вороного коня жемчугами. Ночью боги установили мрак, а днем свет». Таким образом, мы видим, что благодаря герою-освободителю все вернулось на круги своя. И вновь стало солнце по утрам всходить на востоке и заходить по вечерам на западе. И вновь стала опускаться на землю ночь, украшенная звездами.

Как ни парадоксально, но некоторый ремейк этого древнеиндийского мифа о похищении солнца и вызволении его из заточения мы можем видеть и в русских сказках. Впрочем, и сами русские народные сказки, записанные этнографами в XIX веке, могут являться своеобразным эхом древнерусских легенд об исчезновении Солнца и его возвращении былинным богатырем.

Вот, скажем, в сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» можно увидеть похожий сюжет. Вероятно, именно эта народная сказка в свое время была обработана Ершовым и превращена в знаменитую авторскую сказку «Конек-горбунок».

В сказке повествуется о могучем царе, у которого в услужении был стрелец-молодец. Был у стрельца конь богатырский — мудрый конь, разговаривающий человеческим голосом. Вот как-то выехал стрелец-молодец ночью на своем коне богатырском поохотиться. Едет он и видит: впереди будто костер горит. Подъезжает стрелец ближе, а это не костер, а золотое перо Жар-птицы на дороге лежит, как огонь светится. Говорит конь богатырский стрельцу: «Не бери ты этого золотого пера, возьмешь — много горя узнаешь!» — «Как бы не так!» — не послушался стрелец своего коня; взял он перо и царю его в дар преподнес.

Говорит ему царь в ответ: «Коли ты сумел перо Жар-птицы достать, так привези мне саму Жар-птицу. Коли не привезешь — быть тебе без головы!»

Залился стрелец горючими слезами и к коню побрел, голову повесив. Спрашивает его конь: «Что плачешь, добрый молодец?» — «Как мне не плакать, царь повелел привезти ему Жар-птицу, а иначе, говорит, мой меч — твоя голова с плеч». — «Говорил я тебе: не бери пера, горе узнаешь. Но не горюй, это не беда, беда впереди, иди к царю и проси у него, чтобы к завтрему сто кулей белоярой пшеницы по полю было разбросано».

Так и сделал стрелец, пошел он к царю, и по царскому указу по полю разбросали сто кулей белоярой пшеницы. Вот поехал стрелец в поле, отпустил коня, а сам за куст спрятался. В полночь прилетела Жар-птица и давай зерно клевать. Тут изловчился молодец и схватил ее за хвост. Тут и конь подоспел. Связал Жар-птицу стрелец и царю отвез. Говорит ему царь: «Молодец, стрелец! Но коли ты сумел достать мне Жар-птицу, так сумей достать и царь-девицу — Василису-царевну, что на самом краю света живет, там, где красное солнышко всходит. Коли достанешь мне невесту, награжу златом-серебром, а коли нет — мой меч — твоя голова с плеч!»

Залился стрелец горючими слезами и пошел к своему богатырскому коню. «Что плачешь?» — спрашивает его конь. «Как же мне не плакать, царь повелел Василису-царевну ему в жены доставить». — «Не тужи, это не беда — беда впереди! Поди к царю и попроси припасов и

напитков в дорогу и палатку с золотой маковкой». Так и сделал стрелец. Дал царь ему припасов и напитков и палатку с золотой маковкой.

Долго или коротко ехал стрелец на своем богатырском коне и приехал на край света, где красное солнышко из синего моря восходит. Смотрит стрелец: по синему морю плывет Василиса-царевна в серебряной лодочке. Поставил стрелец палатку с золотой маковкой на бережку, расставил в ней кушанья и напитки разные, сел в палатке — угощается, Василису-царевну дожидается.

Заприметила царевна золотую маковку, пристала к бережку, тут ее стрелец-молодец встречает: «Добрый день, Василиса-царевна! Милости просим откушать, заморских вин испробовать!»

Вошла Василиса-царевна в палатку; начали они есть-пить, веселиться. Выпила царевна заморского вина, опьянела и крепким сном заснула. Тут и конь богатырский подоспел. Свернул стрелец-молодец палатку и быстренько в обратный путь с сонной царевной пустился.

Приезжает он к царю и вручает ему царевну. Тот сильно обрадовался, наградил стрельца златом, серебром, как и было обещано.

Меж тем царевна проснулась в царских покоях, стала плакать, тосковать по синему морю. Царь ее и так и этак уговаривает замуж за него выйти, а она все отнекивается. Вот говорит она царю: «Тот, кто меня сюда привез, пусть поедет на сине море и привезет мое подвенечное платье, что посреди моря под большим камнем лежит».

Мигом царь послал за стрельцом. И наказывает ему тотчас на море синее отправляться. Подвенечное платье царевны привезти, что под большим камнем лежит.

Идет стрелец к коню своему, плачет. Говорит ему конь: «Не горюй. Это еще не беда, беда впереди!»

Сел стрелец на коня и к синему морю поехал. Вот приехали они к синему морю. Видит конь, на берегу огромный рак ползет. Наступил конь копытом раку на шейку и не отпускает. Взмолился тут рак: «Что хочешь проси, только отпусти меня с миром». Тут конь и говорит раку: «Принеси мне подвенечное платье Василисы-царевны, что под камнем лежит посреди моря». Пополз рак в море и принес подвенечное платье царевны, что под большим камнем в море было спрятано.

Приезжает стрелец-молодец к царю. Привозит подвенечное платье царевны. А царевна опять заупрямилась: «Не пойду за тебя замуж, пока не прикажешь стрельцу-молодцу в кипятке искупаться». — «Это дело поправимое», — отвечает царь девице. Позвал он слуг и велел чугунный котел воды нагреть. Призвал он к себе стрельца и говорит ему: «Ну, искупайся в этом котле». Насилу стрелец царя уговорил отпустить его с конем попрощаться. Прибегает стрелец к коню весь заплаканный: «Царь повелел в кипятке искупаться!» — «Говорил я тебе: не бери перо Жар-птицы, горе узнаешь. Это горе так горе, но не плачь — жив будешь». Заговорил конь стрельца наскоро, дабы тот в кипятке не сварился. Тут и слуги прибежали за стрельцом. Схватили его и к царю повели. Раздели его и кинули в котел с кипящей водой. Стрелец окунулся раз-другой в кипяток и сам из котла таким красавцем выскочил, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Увидел это царь, захотелось ему самому красавцем стать, полез он в котел да и в тот же миг в нем сварился.

Схоронили царя, а Василиса-царевна замуж за стрельца-молодца вышла. Стал стрелец сам царствовать в том царстве.

В этой сказке мы видим все тот же миф о вызволении Солнца из заточения. Стрелец-молодец случайно находит оброненное перо Жар-птицы, затем поневоле ему приходится добыть и саму Жар-птицу. Жар-птица если не символ Солнца, то символ сверкающего дневного неба, небесного огня. Затем герой отправляется туда, где солнце восходит, и привозит Василису-

царевну — Солнцеву дочь. Затем он добывает ее подвенечное платье. После этого злой царь гибнет в кипящем котле, а преображенный герой берет замуж Василису-царевну.

Как тут не вспомнить древнерусский обряд, когда на купальскую ночь кипятили воду и бросали в нее жертвенное животное. В ночь на Ивана Купалу, в день летнего солнцестояния — 22 июня по новому стилю — самый длинный день в году, и, по поверьям, в эту ночь сочетаются браком сказочный персонаж Иван со своей сестрой Марьей.

Сюжет сказки может восходить к тем отдаленным временам, когда Солнце по какой-то причине исчезло с небосвода, а затем вернулось на него через некоторое время. Можно предположить, что Солнце возвращалось не сразу, а постепенно.

Богиня-губительница воскрешает своего любовника

Эпизод о гибели царя в кипящем котле и одновременное сказочное преображение молодца, который сам становился царем, по всей видимости, восходит к отдаленным языческим временам. Как предполагают некоторые исследователи, у русских в купальскую ночь приносили человеческие жертвы, которые позднее были заменены на жертвенных животных.

Можно предполагать также, что и у сарматов-аланов, обитавших в причерноморских степях в конце 1-го тысячелетия до н. э., был в ходу такой обычай, когда престарелого вождя или царя племени убивали и варили в котле. Его мясо использовали во время ритуальной трапезы. Этим мясом потчевали вновь избранного царя и царевну. Таким образом, процветал ритуальный каннибализм, культ которого был основан на убеждении, что душа царя реинкарнирует после такой процедуры и возрождается в роду нового царя. Похожий обряд был отмечен и у осетин — потомков аланов.

Наши далекие пращуры верили в реинкарнацию души, и для них подобные ритуалы являлись способом вернуть душу благого царя в материальный мир, обеспечив ей рождение в царском роду. У ариев также, по всей видимости, были подобные ритуалы, которые, надо думать, восходят еще ко времени индоевропейского единства. Эти ритуалы связаны с так называемым культом предков.

Описание обряда ритуального каннибализма мы встречаем и у Сирано де Бержерака, французского мыслителя и писателя XVII века, в его произведении «Государства и империи Луны». В нем автор довольно подробно описал, как отправляют к праотцам престарелого лунянина с его добровольного согласия его же отпрыски. При этом они не просто помогают уйти из жизни своему патриарху, но и варят в котле его мясо и потчуют им молодых людей и их подруг во время то ли празднично-свадебного, то ли поминального пира. Отведав этого мяса, молодые люди предаются усладам любви. При этом считается, что в чреве какой-нибудь девушки обязательно зародится душа покойного. Родившегося младенца привечают, и ему по праву принадлежит имущество покойного, его империя, власть и слава.

Таким образом, Сирано де Бержерак в своем романе воспроизвел древний ритуал, распространенный у индоевропейцев. К тому же действие романа развертывается на Луне. Надо отметить, что именно Луна, по представлениям индоариев, является обителью предков, где пребывают души патриархов и их жен.

Похожие сюжетные линии мы можем видеть сразу в нескольких мифах. Некоторые из них весьма древние. Так, существует древний армянский миф об Аре Прекрасном, царе Армении. В него влюбляется вавилонская царица Шамирам. Она требует от него немедленной любви, не желая делить своего возлюбленного ни с одной женщиной. Однако Ара отказывает в этом царице. Оскорбленная царица идет войной на Армению и требует от своих воинов захватить в плен армянского царя. Но вавилонские воины убивают царя на поле битвы. Шамирам находит его тело после битвы и, призвав духов предков, просит их воскресить Ару. Что и было сделано. Таким образом, царица добилась-таки своего.

Известен еще более древний шумерский миф на ту же тему, относящийся к еще более древнему времени — к началу 3-го тысячелетия до н. э.

В богиню плодородия Инанну — дочь бога Куны и сестру бога Солнца — влюбляется пастух Думузи. Однако Инанне и Думузи не суждено быть вместе.

Инанна спускается в подземный мир, чтобы выполнить необходимые похоронные обряды по своему предыдущему мужу и дабы освободить себя для нового замужества. Однако, спустившись в царство смерти, богиня плодородия не может выйти назад. Инанна проходит

через семь ворот смерти. Стражи ворот за проход через них требуют от Инанны что-то взамен. Инанна последовательно снимает с себя сначала свои магические украшения, которые оберегают ее жизнь, а затем и одежды.

В конце своего пути Инанна предстает обнаженной перед богиней смерти и та направляет на нее «взгляд смерти», как на обычную смертную женщину. После чего Инанна превращается в труп, который богиня смерти вешает на крюк. С исчезновением и смертью богини плодородия земля перестает плодоносить. Обеспокоенный этим верховный бог Энки посылает к богине смерти своих послов. Спустившись в царство смерти, послы бога застают саму богиню смерти в плачевном состоянии — она никак не может разрешиться от бремени, поскольку после гибели богини плодородия прекратились роды не только на земле, но и в царстве смерти.

Послы Энки магическим путем помогают богине смерти разрешиться от бремени, но при этом берут с нее слово, что она выполнит их любое желание. Богиня смерти дает такое слово. Послы Энки просят труп богини плодородия и получают его. Они оживляют при помощи магических формул Инанну, но вывести ее из царства смерти не могут, так как в «стране без возврата» действуют единые правила для людей и богов. Умерший не может покинуть страну смерти, не оставив там себе замену.

После долгих и мучительных поисков замены Инанна решает отправить вместо себя в страну «вечного покоя» своего возлюбленного Думузи. Инанна отправляется за ним в страну живых в сопровождении демонов смерти. Она проходит все семь ворот смерти в обратном порядке и получает от стражников отданные им за проход свои платья и магические украшения. Облачившись в свои наряды, богиня плодородия вновь обретает магическую силу. Она выходит на поверхность и быстро находит своего возлюбленного сидящим на троне в царских одеждах. На него она без сожаления и устремляет «взгляд смерти».

Однако Думузи, не желая смириться со своей участью, бежит от своей бывшей любовницы к своей сестре, которая укрывает его. Инанна при помощи демонов смерти находит Думузи. Он бежит еще дальше, последовательно превращаясь в газель и ящерицу. Но в конце концов демоны смерти настигают его и разрывают его тело на части. Душа его под конвоем сопровождается в мир мертвых. Однако сестра Думузи, проникнувшись состраданием к участи брата, добровольно сходит в царство смерти и предлагает свою жизнь богине смерти в качестве выкупа за освобождение брата. Но последнее слово в решении этого спора остается за Инанной. Она изрекает: «Полгода ты будешь в царстве смерти, а полгода твой брат». Так и происходит по слову богини плодородия. Полгода в царстве смерти проводит пастух, бывший возлюбленный Инанны, а полгода его сестра. При этом брат и сестра могут встретиться друг с другом лишь на несколько мгновений, когда кто-то из них спускается в царство смерти, а кто-то его покидает.

В этом шумерском мифе мы можем угадать черты нашей славянской легенды об Иване да Марье. Брат и сестра не могут быть вместе, дабы не нарушать заповеди бога.

Кто такие были шумеры по этническому признаку, специалисты не знают, некоторые настаивают, что шумеры могли быть древними протоиндоевропейцами. Однако древняя шумерская цивилизация постепенно переходит под контроль семитских племен, перекочевавших из земли Древней Аравии. В позднем варианте этого мифа мы уже имеем дело с аккадско-вавилонским мифом о богине Иштар и ее женихе.

Считается, что имя этой богини восходит к более древнему имени Астар, что у восточных семитов означало «богиня» вообще; у западных семитов под именем Астарта понималось имя собственное. Так, в Уруке культ Иштар был связан с оргиастическими празднованиями, возможно, эти празднества изначально сопровождались принесением человеческих жертвоприношений и самооскоплением. Попытки уничтожить обряды Иштар делались с конца 2-го тысячелетия до н. э. Но окончательно Иштар в своей ипостаси Нанайи потеряла характер

богини оргиастического культа лишь в конце правления династии Ахеменидов (V–IV века до н. э.).

Наиболее распространенными эпитетами этой богини были «владычица богов», «яростная львица», «Иштар-воительница». В иконографии Иштар иногда изображалась со стрелами за спиной, что указывает на ее функцию богини охоты. В аккадской мифологии у Иштар более отчетливо, чем это наблюдалось у шумерской Инанны, проявляются функции богини — созидательницы жизни, помощницы при родах. Именно к ней обращались роженицы, дабы ускорить и облегчить роды.

В западносемитской мифологии Астарта была олицетворением планеты Венера, богиней любви и плодородия, а также богиней-воительницей. В Древнем Египте Астарта воспринималась как богиня — владычица коней и колесниц, богиня сражений. Она также связывалась с морем и водной стихией. Весьма интересно, что в русской сказке о Жар-птице Василиса-царевна также связана с морем и водной стихией; ее подвенечное платье хранится посреди моря под большим камнем. Море и водная стихия у славян является олицетворением царства мертвых. Это сближает «нашу» Василису-царевну с шумерской богиней Инанной, отправившейся в царство мертвых. Инанна, дабы попасть в страну, «откуда нет возврата», снимает с себя магические украшения и платья. Уж не за этим ли отправляется стрелец-молодец к морю, туда, где восходит солнце? Стрелец-молодец рискует, он может запросто сам остаться в царстве смерти. Но его верный конь находит способ, как достать подвенечное платье, не погружаясь в губительные воды.

При всем при этом, когда платье доставлено, Василиса-царевна прямым текстом требует от царя принести в жертву своего стрельца-молодца, бросив его в кипящий котел. Уж не является ли это выкупом за ее жизнь посреди людей?

В эллинский период Астарта отождествляется с греческой богиней Афродитой, которая полюбила Адониса и, когда он погиб, спустилась за ним в нижний мир. Дамасский летописец (VI век н. э.) приводит миф о том, как Астарта преследовала за своим возлюбленным Эшмуном и, когда он погиб, воскресила его вседарующим и всепорождающим теплом своей любви. Известны древние изображения Астарты в виде нагой всадницы, стреляющей из лука. Известно также, что в период становления иудейского монотеизма пророки вели с культом Астарты ожесточенную борьбу, всячески преследуя ее поклонников.

Умерший и воскресший спутник богини

Современный читатель наверняка затруднится дать оценку образу Инанны и Астарты. С одной стороны, мы видим влюбленную богиню, желающую сочетаться законным браком со своим избранником. С другой стороны, богиня без всякого сожаления отправляет своего любовника на смерть. Согласитесь, что образ Инанны и Астарты весьма противоречивый, как, впрочем, противоречивый образ и русской Василисы-царевны. Однако это противоречие лишь кажущееся. В былые времена люди верили, что они не умирают совсем и что смерть лишь временная пауза в череде жизней. Богиня без сожаления отправляет своего избранника на тот свет вместо себя, чтобы вновь обрести его в следующей жизни.

Этот весьма типичный для древней идеологии поворот событий мы видим и в мифе об Афродите и Адонисе. С Афродитой более или менее понятно — она богиня плодородия, попавшая в Грецию из Малой Азии. С Адонисом несколько сложнее. Изначально он является божеством финикийского происхождения с ярко выраженными растительными функциями. Считается, что он связан с периодическим умиранием и возрождением природы. В греческую мифологию Адонис попал, вероятно, из финикийско-сирийской мифологии. На финикийском языке имя Адон означает «господь», «владыка».

Миф об Афродите и Адонисе весьма напоминает миф об Инанне и ее возлюбленном Думузи.

Афродита, рассердившись на оскорбившую ее своей непочтительностью царскую дочь, внушает той страсть к родному отцу. Отец ее, не подозревая, что сексапильная девушка — его дочь, поддается соблазну и вступает с ней в кровосмесительную связь. Когда же он узнает, что его возлюбленная — его собственная дочь, он проклинает ее. Проклятие отца мигом осуществляется, и девушка превращается в Мировое дерево.

В положенный срок ствол дерева трескается и из расщелины вываливается ребенок. Афродита передает младенца в закрытом ларце на воспитание богине подземного мира. Когда младенец вырастает, то он превращается в прекрасного юношу Адониса. Афродита, воспылав к нему неземной страстью, требует у богини подземного мира вернуть ей Адониса. Однако не тут-то было. Богиня смерти сама влюблена в Адониса и не желает с ним расставаться ни при каких обстоятельствах. В спор богинь вмешивается сам Зевс. Он повелевает, что Адонис полгода будет проводить в царстве смерти — вместе с богиней подземного мира, а другую половину года в царстве живых — вместе с Афродитой.

Однако такое положение вещей не устраивает еще одну богиню — Артемиду. Она чувствует себя уязвленной. Когда Адонис пребывает в очередной раз на земле, она насылает на Адониса дикого кабана, который его смертельно ранит. Душа Адониса отправляет навечно в мир теней. Из пролитой крови Адониса вырастают розы, а из пролитых слез Афродиты анемоны. Красивая легенда.

Культ Адониса существовал в Финикии, Сирии, Египте, на Кипре и Лесбосе. В городе Библе в святилище Афродиты проходили ежегодные празднования, посвященные умирающему и воскресающему богу. Причем первый день праздника был посвящен плачу, а второй радости по поводу чудесного воскрешения Адониса из мертвых. Рассказывали, что в день всенародного плача воды реки Адонис окрашивались в красный цвет, происходило это якобы в тот момент, когда в горах Ливана в очередной раз погибал Адонис. Все это в значительной степени напоминает восточные культы Осириса, Таммуза и прочих богов.

В V веке до н. э. культ Адониса распространился в материковой Греции. В Аргосе женщины оплакивали Адониса в специальном здании, а в Афинах под погребальные песнопения и плачи

повсюду выставлялись изображения умерших. Поздней весной и ранней осенью женщины выставляли на окнах своих жилищ горшочки с быстро распускающимися и также быстро увядающими цветами — так называемые садики Адониса, которые свидетельствовали о быстротечности и непредсказуемости жизни.

В Александрии пышно праздновали священный брак Афродиты и Адониса, а уже на следующий день с причитаниями и плачем несли статую Адониса к морю и погружали ее в воду. Это действо символизировало возвращение Адониса в царство смерти.

Такая же сюжетная линия присутствует и в мифе о западносемитской богине любви Астарте. Угаритский царь Каратау проклинает своего взбунтовавшегося сына и призывает на его голову гнев богини Астарты и Харона — божества подземного мира. Очевидно, божества не поделили того, на кого должен был обрушиться их гнев. Вот и должен был проклятый сын пребывать полгода то в царстве живых, то в царстве мертвых.

Как считают, Астарта в Египте отождествлялась с богиней Сехмет (буквально «могучая»). Сехмет — богиня войны и палящего солнца. Обычно она изображалась в виде женщины с головой львицы. За грехи она истребляет людей первой, так сказать, допотопной формации. Во время битвы Сехмет охраняет фараона. Один ее вид повергает врагов в ужас. Пламя ее дыхания уничтожает все живое. Взгляд Сехмет обладает магической силой. Богиня запросто может погубить человека, даже того, в кого влюблена. Очевидно, в облике Сехмет нашел приют противоречивый образ губительницы и одновременно охранительницы и дарительницы благ. Очевидно, Сехмет, как и иные богини подобного ряда, могла бы собой символизировать самую первую роковую женщину, связь с которой опасна для мужчины.

Быть может, образы многих богинь плодородия обладают такими серьезными противоречиями именно потому, что рождение и смерть шествуют рядом? Любой рожденный человек должен умереть.

Роковая любовь богини-воительницы

Характерно, что во многих мифологиях образ богини плодородия расщепляется на образ богини-матери, дарующей жизнь, и богини смерти, жизнь отнимающей. Вот, скажем, в греческих мифах богине любви Афродите противостоит богиня Артемида, сестра Аполлона. Артемида позиционируется как «медвежья богиня», «владычица», «убийца». Есть у Артемиды и ее основная функция — она богиня охоты. Артемида проводит время в лесах и горах, охотясь в окружении нимф — своих спутниц и тоже охотниц. Она вооружена луком, и ее постоянно сопровождает свора злобных собак.

Богиня обладает решительным и агрессивным характером. Она часто пускает свой лук в дело, пользуясь им как орудием наказания. Перед Артемидой должен был оправдываться сам Геракл, без ведома богини убивший лань с золотыми рогами. Как считают, губительные функции богини связаны с ее архаичным прошлым владелицы зверей на острове Крит. Древнейшая Артемида не только охотница, но еще и медведица. В Аттике жрицы Артемиды надевали на себя медвежьи шкуры и исполняли ритуальные танцы. Святилища Артемиды часто располагались в чащобе леса, вблизи источников и болот. Артемиду так и называли Лимнатис — «болотной». Как тут не вспомнить о Царевне-лягушке из русской сказки, обладающей весьма несговорчивым характером и готовой даже погубить своего возлюбленного.

Артемида — это символ целомудрия. В Греции, согласно преданию, перед свадьбой Артемиде приносили искупительные жертвы. Царю Адмету, забывшему об этом обычае, Артемида наполнила брачные покои змеями. Юный охотник Актеон, нечаянно подсмотревший омовение богини, был за это превращен ею в оленя и растерзан псами. Артемида убила свою спутницу охотницу Каллисто, превратив ее в медведицу. Артемида прогневалась на нимфу за нарушение ею целомудрия. Артемида убила и Буфага — «пожирателя быков», который осмелился посягнуть на нее. К тому же Артемида Эфесская являлась покровительницей амазонок.

Как известно, племя амазонок обитало где-то в Скифии. Эти женщины-воительницы убивали мальчиков и оставляли себе только девочек, которых воспитывали в строгости, обучая их военному ремеслу. Девочкам прижигали правую грудь, чтобы было удобно стрелять из лука. Однако, согласно легенде, амазонок взяли себе в жены скифские юноши и таким образом появилось племя скифов-сарматов. Древнее представление об Артемиде связано с ее лунной природой, в то время как ее брат Аполлон ассоциируется с Солнцем.

Однако в образе Артемиды можно угадать древние черты богини-матери. Ее сближают с малоазиатской матерью богов Кибелой. В Малой Азии в знаменитом Эфесском храме почиталось изображение Артемиды много грудой, что указывает на ее изначальные функции богини плодородия. Артемида через свою помощницу Илифию помогает роженицам, что красноречиво свидетельствует о ее прежних предпочтениях. Только появившись на свет, согласно мифу, Артемида уже помогает своей матери принять родившегося вслед за ней Аполлона. Однако в то же время Артемиде принадлежит прерогатива приносить быструю и легкую смерть, что конечно же сближает образ Артемиды с хтонической необузданностью Кибелы.

Кибела появляется всегда на золотой колеснице, в короне, напоминающей зубчатую башню, в сопровождении безумствующих корибантов и куретов, диких львов и пантер. Она владычица гор и лесов, зверей и птиц, регулирующая их неиссякаемое плодородие. Она требует от своих подданных полного самоотречения и служения ей одной. Толпы ее поклонников в безумном восторге и экстазе следуют за ней, нанося себе кровавые раны и оскопляя себя во имя Кибелы.

Мифологема такого поведения базируется на легенде, согласно которой ее любимец и стаж ее храма Аттис нарушил обет безбрачия, увлекшись нимфой. Кибела губит нимфу, а на Аттиса насылает безумие. В состоянии аффекта тот сам оскопляет себя.

Как считают специалисты, в культе Кибелы объединены аскетическое самоограничение, экстаз и оргазм, а также функция плодородия. Впоследствии эти функции разделились и стали прерогативой разных богинь. Так, в Греции Артемида покровительствует целомудрию, а Афродита плодовитости. Отсюда и происходит их вечная вражда. В конце концов обе божественные дамы не поделили одного возлюбленного, что и явилось причиной его гибели.

Весьма интересно, что Аттиса, стража храмы Кибелы, убивает кабан, что сближает этого несчастного любовника с образом Адониса, также погибшего от кабана, посланного разгневанной Артемидой. Это указывает на общие истоки мифов о богине-матери, культ которой был распространен в древние времена у индоевропейцев, и не только у них. Культ матери идет бок о бок с культом богини смерти.

Недаром Баба-яга, которая может ассоциироваться в русских сказках с богиней смерти, является матерью Царевны-лягушки, или Василисы Премудрой, которая, не ровен час, готова сама погубить своего любовника. Очевидно, такое желание возникает у Василисы Премудрой от большой любви… а может быть, и ревности. Мертвый любовник уже не станет ухаживать за какой-нибудь другой царевной. Навечно он останется в памяти царевны ее преданным воздыхателем. Поэтому альтернатива, которую мы видим во многих мифах, выгодна для мужского персонажа — он часть времени проводит в царстве смерти, а часть времени в царстве жизни. Таким образом он удовлетворяет страсть и богини подземного мира, и богини жизни и плодородия. Удивительно, что обе богини смирились с таким положением вещей и больше не желают заполучить своего любовника в безраздельное пользование.

В русских сказках мы, впрочем, имеем иную коллизию: в них по большей части мы встречаем женский персонаж, похищенный демоном смерти — лютым Змеем или Кощеем Бессмертным. Так, в одной народной сказке Иван-царевич несколько раз безуспешно пытается увести Василису Премудрую из замка Кощея Бессмертного, когда самого Кощея нет дома. И всякий раз Кощей догоняет Ивана-царевича и отнимает у него Василису Премудрую. В последний раз он, устав от преследования, убивает Ивана-царевича, но его воскрешает Жар-птица, которая окропляет его изрубленное тело живой и мертвой водой; Иван-царевич оживает. Вместе со своим чудесным воскрешением он получает особую силу, и в очередной раз, похитив из замка Кощея Василису Премудрую, он уже сам расправляется с ненавистным Кощеем.

Таким образом, два мужских персонажа — демонический и благостный — поочередно стремятся завладеть царевной. Здесь мы видим ту же сюжетную линию, что и в случае с любовником двух богинь. Царевна символизирует собой свет и само Солнце, поочередно присутствующее то в земном, то в подземном мире.

Кто похитил молодильные яблочки царь-девицы?

Знакомый сюжет об исчезновении солнца и его возвращении на небосклон мы можем при желании увидеть и в весьма известной русской сказке «О молодце-удальце и молодильных яблоках». Мотивы этой сказки близки к германо-скандинавскому мифу о богине Идунн и ее молодильных яблочках, а также к древнегреческому мифу о путешествии Геракла в сад Гесперид за молодильными яблоками. Не исключено, что сюжеты этих мифов и русской сказки восходят к неким древним легендам индоевропейцев. Кроме того, в русской сказке отчетливо прослеживаются мифологемы, характерные для Скифии середины 1-го тысячелетия до н. э.

Судите сами: жил-был царь. Посылает он своих троих сыновей разыскать его молодость. Младший сын оказался самым удачливым. Он не стал искать молодость отца на земле, а, перепрыгнув на своем удалом коне через огненную реку, оказался в царстве смерти, где повстречал Бабу-ягу (царицу подземного мира). После некоторой заминки и выяснения отношений Баба-яга решила помочь царевичу. Она указала ему прямой путь к дворцу спящей царевны, которая ей сестрицей приходилась. У той царь-девицы молодильные яблочки под мышками растут. Рассказала Баба-яга, как ему тайно пробраться во дворец, который охраняет ужасный змей, рассказала ему, как войти в опочивальню царицы и сорвать тихонько яблочки, но строго-настрого наказала, чтобы на красу царевны он даже и не зарился, ибо жизни лишится.

Так царевич и поступил: под покровом ночи он пробрался во дворец царь-девицы, вошел в ее опочивальню и тихонько сорвал молодильные яблочки; да вот незадача — не удержался и взглянул на красу девичью. Взглянул и обмер: такой красы ненаглядной девичьей он в жизни и не видывал. Захотелось царевичу царь-девицу поцеловать, приобнять. Не удержался — поцеловал, приобнял. Пробудилась тогда царевна от своего сладкого сна да как закричит: «Слуги мои верные, кого вы ко мне допустили?» Всполошился весь дворец; тут молодец-удалец схватил молодильные яблочки, выбежал во двор, вскочил на своего ретивого коня и прочь, как ветер, поскакал. Однако царь-девица не успокоилась, криком кричит: «Лови, держи похитителя!» Погоню за царевичем снарядила; сама вскочила на своего вороного коня: вот-вот догонит — саблей зарубит. И было уже догнала, уже и руку с саблей подняла, да молодец-удалец изловчился и через огненную реку перепрыгнул. На другой берег — в царство живых не могла уже царевна вслед за ним перепрыгнуть. Лишь прокричала она молодцу напоследок: «Гляди, я до тебя доберусь! Жди меня через три года, я на корабле к тебе приплыву! Тогда ты от меня не уйдешь!»

Встретил царевич в царстве живых своих братьев, что без дела по миру шлындали, рассказал он о своих приключениях. Завидно стало братьям, что не они отцовский наказ исполнили. Подождали братья, как заснул царевич, и изрубили его на куски и по полю его белое тело разбросали. Вернулись братья к отцу, преподнесли ему молодильные яблочки и говорят: «Выполнили мы, отец, твое поручение, а младший брат все время от дела отлынивал, не захотел он и к тебе возвращаться». Осерчал царь на своего младшего сына и решил больше о нем и не вспоминать; а страже дал приказ, чтоб младшего сына пред его очи не допускали.

Меж тем в поле, где куски тела порубленного царевича лежали, прилетела откуда ни возьмись Жар-птица. Собрала она куски тела его белого, воедино сложила, побрызгала мертвой водой — тело и срослось, побрызгала живой водой — ожил царевич, лишь только молвил: «Как долго я спал!»

Возвратился царевич к своему батюшке-царю, а его стража у стен городских не пускает: мол, велено по царскому указу царевича прочь взашей гнать! Заплакал царевич, пригорюнился и пошел куда глаза глядят…

Меж тем уже три года прошло, и приплыла к тому городу царь-девица на многих кораблях с войском немереным, как и обещала. У царь-девицы той два сына взрослыми богатырями уже к тому времени стали, от царевича прижитые, росли они не по дням, а по часам. Окружила царь-девица со своим воинством город; требует от царя выдать ей виновника, что похитил у нее молодильные яблочки, иначе грозится город разорить, царя убить. Делать нечего, вышел к царь-девице старший царский сын. А царь-девица говорит: «Не тот это молодец, что у меня молодильные яблочки похитил». Приказала она своим сыновьям-богатырям отхлестать его плеткой и выгнать вон из своего шатра.

Вышел тогда к царь-девице средний царский сын, а она опять говорит: «Не тот это молодец, что у меня молодильные яблочки похитил»; и велела его сыновьям плеткой отхлестать и выгнать вон из шатра.

Пришлось царю срочно своего третьего, младшего сына разыскивать; насилу его разыскали и к царь-девице доставили. Как увидала его царь-девица, так сразу и кричит своим сыновьям: «Что ж вы стоите, аль не видите, идет ваш батюшка, берите его под белые ручки и ко мне ведите!» Взяли богатыри царевича под белые ручки и в шатер к царь-девице привели. Стал царевич с царевной обниматься, миловаться. Вскоре и свадебку сыграли. А своих старших сыновей выгнал царь прочь с глаз своих. И поделом им.

Как видим, в этой сказке и в самом деле присутствуют мотивы, характерные для других подобных сказок. Царевич путешествует за молодильными яблоками в царство смерти. Похищает у царь-девицы ее сокровище и умудряется доставить его в царство живых. Но гибнет от рук своих собственных братьев. Очевидно, это расплата за вероломство — никто не имеет права по своему желанию попасть в царство смерти и выйти оттуда по своей воле.

Однако царевича воскрешает неизвестно откуда взявшаяся Жар-птица. Вероятно, в облике Жар-птицы предстает сама царь-девица; ведь никто, кроме нее, не может считаться хозяйкой живой и мертвой воды и молодильных яблочек. В образе царь-девицы мы с вами угадываем черты если не богини смерти, то по крайней мере богини плодородия, оказавшейся в чертогах смерти. То, что царевна при этом спит, указывает на версию ее временной смерти, которую мы уже встречали в древнем шумерском мифе о богине Инанне, добровольно спустившейся в царство смерти, да там и оставшейся. Роднит русскую сказку с шумерским мифом и то, что Инанна является сестрой богини смерти, и то, что Баба-яга является сестрой царь-девицы.

Орлиная эпопея о сакральных яблочках

Сакральные молодильные яблочки, очевидно, являются символом вечно обновляющейся жизни и возрождающейся природы. То обстоятельство, что русская сказка похожа на шумерский миф, вызывает некоторые ассоциации. Быть может, древние шумеры, этногенез которых неизвестен, имеют некоторое отношение к русским, как и прочим индоевропейским народам? По крайней мере, аналогичные сюжеты мы встречаем и в греческой мифологии.

Так, в греческой мифологии хранят золотые яблочки не одна царь-девица, а три нимфы — Геспериды. Нимфы живут на краю мира у берегов реки Океан. Все они дочери Ночи. Имена трех нимф-сестриц: Айгла («сияние»), Эрефия («красная») и Геспера («вечерняя») — указывают на светозарное их происхождение. Не исключено, что три нимфы изначально символизировали три зари: утреннюю, дневную и вечернюю.

Во время прибытия аргонавтов во главе с Ясоном в сад Гесперид эти светозарные девы превращаются в деревья. Не содержится ли здесь намек на яблони, на которых растут золотые яблочки? Сад Гесперид охраняет дракон Ладон, которого и убил посетивший волшебный сад Геракл. В русской сказке город со спящей царевной также охраняет могучий змей — дядюшка царевны, который так велик, что свернулся кольцом вокруг города, так что голова с хвостом сошлась. Царевич хоть и не убивает змея, но проникает в город хитростью — перепрыгивает по наущению Бабы-яги через дородное тело змея на волшебном коне. Параллели здесь очевидны.

В скандинавской мифологии также есть женский персонаж — богиня Идунн, — весьма похожий на царь-девицу и на богиню плодородия. Само имя собственное Идунн, вероятно, переводится как «обновляющаяся». Идунн — обладательница чудесных золотых яблочек, благодаря которым боги сохраняют свою вечную молодость. Однако вечной молодости богов грозит серьезная опасность, так как великан Тьяцци хитростью завладевает богиней Идунн вместе с ее яблоками.

Боги срочно предпринимают меры к спасению, обнаружив у себя первые признаки старения — седину волос, дряблость кожи и прочие неприятности. Они учиняют расследование инцидента, в ходе которого выясняется следующая картина, достойная детектива. Один из трех главных богов, Локи, участвующий, между прочим, в оживлении людей, как-то жарил жертвенного быка. Но откуда ни возьмись прилетел огромный орел, который стал хватать самые лучшие куски жертвы. Локи схватил палку и попытался отогнать ненасытную птицу от жертвенной туши. Но палка удивительным образом срослась с хвостом орла и рукой Локи. Огромный орел взмыл в поднебесье, и Локи оказался в буквальном смысле между небом и землей. Это оказался не простой орел, а великан Тьяцци. За освобождение Локи он требует выкуп, чтобы бог сам доставил к нему богиню Идунн вместе с ее молодильными яблочками. Не иначе как Тьяцци таким образом намеревался сам стать бессмертным. Локи в награду за свое освобождение обещает великану украсть для него богиню.

Локи заманивает Идунн в глухой лес, где якобы он обнаружил другие молодильные яблочки, и отдает ее во власть Тьяцци. Очевидно, Локи легкомысленно полагал, что это ему сойдет с рук. Но он ошибался. Боги устроили Локи допрос с пристрастием и, пользуясь тем, что все боги, в том числе и сам Локи, потеряли бессмертие, стали угрожать ренегату расплатой — смертью. Локи обещает богам выкрасть богиню Идунн у великана. Он, прикрепив к своему телу оперение орла, взмывает вверх и похищает Идунн из ее темницы. Вслед за ним пускается в погоню великан, тут же сам превратившись в орла. Однако этого орла-великана боги подпалили и убили, воспользовавшись его уязвимостью. Ненастоящий орел Локи возвращает богиню и ее яблочки богам. Вся эта орлиная эпопея очень напоминает мотивы легенд о похищении и

возвращении с небосклона солнца. Быть может, этот мотив восходит к далекой вселенской катастрофе, когда с неба исчезло солнце?

Удивительны и другие параллели: в русской сказке действуют три брата, вознамерившиеся вернуть молодость своему отцу. В скандинавской легенде из Младшей Эдды о богине Идунн и ее молодильных яблочках действуют три бога, у которых пропала богиня вечной молодости. Один из братьев оказался ренегатом, за что остальные угрожают его убить. В русской сказке старшие братья расправляются со своим младшим братом, убивая его. Однако его оживляет Жар-птица — богиня, принявшая, вероятно, такой облик.

В скифо-сарматской мифологии мы также находим знакомую нам параллель о троих братьях: у самого первого бога и человека — царя Скифии Таргитая было три сына. Задумал царь разделить свое царство между сыновьями, но желал это сделать по справедливости. Послал он сыновей добыть священные золотые предметы: ярмо, секиру и чашу, что с неба упали. Нашли сыновья то, что искали. Решил старший сын по принципу старшинства сокровища себе взять, но, как только приблизился к ним, сокровища воспламенились — жар такой стоит, что близко не подойти. Тогда средний сын решил сокровища себе взять, но вновь предметы воспламенились. И лишь когда младший сын приблизился к сокровищам, огонь по знамению небес сам собой погас. Тем самым было указано, кто из братьев главный. Им оказался меньший брат — первый представитель жреческого сословия. Он взял золотую чашу себе, а секиру и ярмо вручил своим братьям в пользование. Таким образом, мы видим единство трех сословных групп древнего скифского общества: жрецов, воинов и землепашцев. Главный над всеми жрец — младший брат, уже по своему статусу он совершает постоянные путешествия в мир мертвых и в мир богов.

Возникает, однако, закономерный вопрос: что же такое золотые яблочки?

Вероятно, это символ солнца, обновления. В свое время Афанасьев высказывал мысль, что идея обновления природы нашла свое выражение в образе полногрудой небесной девы, источающей небесное молоко. Это небесное молоко обладает чудодейственной силой обновления, оно дарит испившему его герою вечную молодость. С другой стороны, в некоторых мифологемах мы встречаем образ царицы с золотой грудью. Золотая грудь, вероятно, это — не только метафора солнечного света, но и весьма притягательный образ, отличающий богиню от смертной женщины. Молодильные яблочки — это метафора богини-кормилицы, чье молоко обладает омолаживающей силой.

И таким образом бог Солнца наказывает того, кто посмел украсть с небосклона богиню зари — царскую дочь?

Космическая катастрофа и магический способ ее предотвращения

Во многих русских сказках мы встречаем сюжет о том, что старшие братья, завидуя удачливости младшего, решаются его убить и, приведя в исполнение свой преступный замысел, разбрасывают части его тела по полю. При этом они завладевают добытыми младшим братом царевной и волшебными вещами, которые он вынес из подземного мира. Странный сюжет, не правда ли? Однако он может казаться странным лишь отчасти, если иметь в виду, что он может символизировать собой реальную природную катастрофу, которая некогда произошла на Земле.

Когда именно эта катастрофа произошла — это большой вопрос. Некоторые указывают на 1400 год до н. э., когда случилось извержение вулкана Санторина, что в Средиземном море. По некоторым данным, это извержение было столь сильным, что уничтожило, буквально стерло с лица земли крито-микенскую цивилизацию. При этом сам остров Крит накренился на один бок, подобно тонущему лайнеру. Следы невиданного пожара были обнаружены в Миносском дворце. Этот пожар случился как раз в 1400 году до н. э.

Впрочем, вселенских катастроф могло быть и несколько. Наиболее масштабная, вероятно, случилась тогда, когда около 13 тысяч лет назад стал катастрофически таять северный ледник, эпицентр которого находился над Скандинавией. Под многокилометровой толщей льда до этого находились огромные пространства не только в Скандинавии, но и в Северной Америке. По данным гляциологии — науки о льдах, ледник закрывал чуть ли не большую часть всей Северной Америки.

Отчего стал таять ледник — это наука выяснила не до конца. Некоторые ученые говорят о прецессии — смещении магнитного полюса Земли — и связанном с этим резком потеплении. Возможно, прецессия была связана с тем, что сместилась ось вращения Земли. Многокилометровая шапка льда оказалась в зоне действия прямых солнечных лучей, а в некогда благодатные области пришла холодная ночь. Как бы то ни было, ледник стал стремительно таять, и реки ледяной воды потекли по всему северу Европы и Сибири, превратив некогда обитаемый и населенный край в непроходимые болота. Если в конце палеолита — каменного века — на севере Евразии археологи находят стоянки с крупными строениями, то в мезолите — более позднем, среднекаменном веке — удается обнаружить лишь жалкие, отдельно стоящие шалашики. Складывается впечатление, что люди исчезли из этих мест, гонимые резким поднятием воды.

И в самом деле, как обнаружили японские исследователи, уровень Мирового океана поднялся в связи с резким таянием ледника на 150 метров! При этом были затоплены огромные территории на шельфах материков, и не только в Евразии и Северной Америке, но и по всему миру.

Но при чем здесь сказочный сюжет о двоих братьях, убивших третьего?

Дело в том, что похожие сюжеты мы встречаем в различных мифологиях. Взять хотя бы древнеегипетскую легенду об Исиде и Осирисе. Брат Осириса Сет убил своего брата, расчленил его тело на 14 кусков и разбросал их по всему Египту. Что за нелепая прихоть? Дело в том, что Древний Египет делился на 14 провинций. Вероятно, в таком поведении Сета был какой-то магический умысел. Каждой провинции досталась какая-то часть тела Осириса.

У ираноязычных скифов мы встречаем легенду о разделении своей вотчины — Скифии первым богочеловеком Таргитаем между своими троими сыновьями. Это как-то напоминает легенды о Пуруше. В древнерусской Голубиной книге мы также встречаем упоминание, что из

тела первозданного Адама были изготовлены Богом цари, дружинники, земледельцы и скотоводы. По всей видимости, древнее индоевропейское общество и в самом деле делилось натри варны. Это, в частности, опровергает тезис некоторых индологов о том, что варны у ариев возникли уже после того, как они прибыли в Индию. Четвертая варна — шудры, или неприкасаемые, которая обозначала млечхов — местное аборигенное население Индостана, — была добавлена брахманами позже, дабы включить млечхов в орбиту своего общества. Поправка заключалась в том, что млечхи произошли из ног великана Пуруши.

У древних иранцев изначальное кастовое деление на три сословия оказалось во многом стерто реформами Зороастра. Пророк осуждал воинов-грабителей (туранцев) и отказывал им в степени родства. По Зороастру, трудовой народ (мирные земледельцы и оседлые скотоводы) должен был объединиться вокруг своего царя и всем миром оказать грабителям-кочевникам достойное сопротивление. Таким образом, из орбиты древнеиранского общества исключалась каста профессиональных воинов, которые, по мысли пророка, резко деградировали и стали носителями зла и исчадием ада.

Провозглашенные Зороастром «общечеловеческие ценности» вошли в противоречие с кастовым устройством общества у древних ариев. В этом смысле Зороастр являлся предтечей Христа, призывавшего к вселенской любви к

ближнему независимо от сословного деления. Впоследствии иудеи, а также первые христиане и мусульмане переняли этот тезис Зороастра. В монотеизме новых религий как бы не оказалось места для деления на варны. Впоследствии этот тезис привели к логическому знаменателю коммунисты, провозгласившие равенство и братство всех людей, независимо от их происхождения и имущественного положения.

Между тем у древних язычников, несомненно, соблюдалось деление на касты, или варны (по Ленину, это признак классового общества. Ленин пытался увидеть в существовании классов в первую очередь экономическую целесообразность). И это не была какая-нибудь необычная прихоть, а вполне сформированная идеология мифологизированного сознания древних людей. Именно поэтому мы встречаем деление на сословия (классы) и в Древнем Египте, и в Шумере, и у индоевропейцев, и у кельтов, и у индоариев.

Классовое общество своими корнями обращалось к мифологеме единого праотца всех членов этого общества. Именно поэтому из тела первородного великана Пуруши вышли три сословия индоарийского общества. Все три касты были тесно друг с другом связаны. Трудно себе представить жрецов без земледельцев и скотоводов, а также воинов без жрецов. У всех представителей варн, входящих в древнее государственное образование, был единый прародитель. Чужаки воспринимались как чужие, не принадлежащие к данному обществу.

Вероятно, деление на касты должно было обеспечить линию преемственности и охранить общество от вторжения в его структуру чужаков. Особенно это актуально в условиях враждебного окружения. Именно поэтому современные индусы по сей день не могут пережить рудименты кастового сознания. Согласно арийской вере, арий будет рождаться в той касте, в которой он жил и к которой принадлежал в предыдущей жизни. Такое положение дел позволяло сохранять стабильность общества в условиях внешней нестабильности — природных катастроф и постоянной миграции.

Однако в связи с этим может возникнуть закономерный вопрос: для чего же старшие братья — символизирующие собой сословное деление на воинов и земледельцев — так несправедливо обошлись со своим младшим братом-жрецом?

Дело в том, что арии верили, что недостаточно раз и навсегда установить степень родства от богоподобного мифологизированного предка. Нужно постоянно воспроизводить древний сакральный акт убийства Пуруши и расчленения тела Пуруши на сословия. Этому должен был

способствовать обряд пурушамедха — ритуальное жертвоприношение человека с последующим расчленением его на части и отождествление этих частей с различными элементами космоса и теми или иными сословиями. В результате этого ритуала, как считали брахманы, единое становилось многим. Этот ритуал позволял сохранять единство общества и стабильность существования варн.

Основываясь на этом, мы можем предположить, что в русских сказках и в иных мифологических легендах на ту же тему мы встречаем упоминание о древнейшем ритуале жертвоприношения, которое, по мысли древних людей, обеспечивало благосостояние всего общества. Тогда становится понятно, почему старшие братья, убив своего младшего брата, разбрасывают по полю части его тела. Тем самым они воспроизводят древний магический обряд благоденствия. Однако доселе обряд не полный — требуется воссоединение частей в одно целое. Обряд завершает Жар-птица — символ Солнца, — она воскрешает младшего брата, собрав куски его тела воедино. Воскресший младший брат берет в жены по праву принадлежавшую ему светозарную деву и изгоняет братьев.

Похожую мифологему мы видим и в Древнем Египте. Сет, убив своего брата Осириса, разбросал части его трупа в каждой из провинций Египта. Тем самым он намеревался обеспечить благоденствие этих провинций, действующих в рамках одного целого — единой страны. Исида, сестра Осириса, собрала части тела вместе и провела специальный обряд над трупом, магическим образом оживив убитого Осириса. Исида зачала от брата сына Гора, который явился своего рода реинкарнацией самого Осириса и убил Сета. Круг замкнулся. Осирис ожил. Согласно мифологеме, Осирис стал первым царем в царстве мертвых. Ритуал оживления Осириса, ежегодно проводившийся в Египте, должен был символизировать его возвращение в царство живых.

Несомненно, и в русской сказке, и в древнеегипетском мифе мы видим некое ситуативное упоминание об обряде пурушамедха. Благодаря проведению этого обряда обеспечивается стабильность миропорядка. Космическое целое (трансцендентное тело Пуруши) расчленяется на части, затем оно собирается вновь, оживляется и воскресает для новой жизни. Ежегодное воспроизводство обряда человеческих жертвоприношений должно было обеспечить воспроизводство всей природы и всего мира.

Именно поэтому и существовал древний шумерский миф о богине Инанне и ее женихе Думузи. Он обслуживал существующую в Шумере практику человеческих жертвоприношений. Богиня сама направляет на своего жениха «взгляд смерти», убивает его, но затем благодаря божьему провидению и ее воле он воскресает и вновь становится женихом богини. Таким образом, постоянно воспроизводится сакральный акт убийства и воскрешения из мертвых. Этот акт обеспечивал воспроизводство плодоношения у растений, животных и людей. Душа человека возвращалась в мир, который она покидала во время смерти.

Пословица «Время разбрасывать камни, время собирать камни» оказалась сакральной

Существует интересное выражение «Время разбрасывать камни, время собирать камни». Быть может, оно восходит к неким сакральным смыслам, которые недоступны для современного человека; быть может, оно воспринималось раньше в ином контексте, нежели сейчас. Весьма интересно, что расчлененное тело Пуруши, как и скандинавского мифологического великана Имира, отождествлялось с элементами земли и космоса, с социальными группами населения — кастами. Так, из тела Имира была изготовлена земля. Его кровь стала реками, его кости — камнями, а волосы на его теле — лесами. Похожий ассоциативный ряд встречается и в других мифологиях; например, в китайской мифологии говорится, что горы возникли из костей первородного великана Пань-гу. Боги, принеся его в жертву, изготовили из частей его огромного трупа землю, горы, долины, а паразиты на его теле стали людьми.

С другой стороны, мы знаем, что брахман, участвующий в обряде пурушамедха, отождествлял расчлененное тело человека с теми или иными земными и космическими объектами. То же самое происходило при жертвоприношении коня, когда брахман в своем сознании отождествлял глаз коня с солнцем. В этом и состоял сакральный смысл происходящего — задача главного жреца состояла в отождествлении объектов разного порядка. При этом жрец внешне выглядит совершенно пассивно. Он просто стоит и наблюдает за происходящим. Он не произносит никаких слов, не предпринимает никаких действий, его помощники занимаются физическим исполнением обряда пурушамедха. Вся сакральная работа главного жреца заключалась в ассоциативной работе его ума.

Однако можно предположить, что отождествление частей трупа с теми или иными объектами материального мира — это еще полдела. Обряд был неполный. Требовалось затем вновь собрать части трупа и сложить их вместе и путем последующих магических манипуляций оживить их. В этих магических манипуляциях, согласно русской сказке, принимали участие живая и мертвая вода, а также огонь.

Что такое Жар-птица, которая появляется неизвестно откуда и оживляет царевича? Можно предположить, что это жертвенный костер, разведенный подле алтаря.

Примерно такую последовательность событий мы видим и в египетском мифе об Исиде и Осирисе. Сет убивает своего брата и разбрасывает части его тела по всему Египту. При этом, вероятно, с каждой провинцией Египта отождествлялась та или иная часть его тела. Весь Египет был огромным метафорическим телом первого бога-человека, коим и являлся Осирис согласно египетской мифологеме. Однако затем требовалось собрать все части воедино. Это проделала уже Исида — сестра Осириса. Она собрала части трупа и оживила тело путем магических манипуляций. Вероятно, при этом она также использовала священную животворящую воду и небесный огонь. После чего Исида зачала от ожившего тела брата и похоронила тело Осириса в особом саркофаге. Осирис становится первым царем мертвых. Он ежегодно оживает, когда разливается Нил, благодаря жреческому ритуалу. Очевидно, Осирис оживает для того, чтобы дать жизнь. Здесь он выступает в качестве умирающего и возрождающегося бога плодородия.

Рожденный Исидой сын Гор являлся реинкарнацией Осириса. И его образ во многом смыкается с самим Осирисом. Он преследует Сета и вступает с ним в схватку, в результате которой Сет погибает. Таким образом, брат убивает брата, а сестра порождает новую жизнь.

Детали древнего египетского мифа помогают нам лучше понять русскую народную сказку. Иван-царевич возвращается из царства смерти, пройдя огонь, воду и медные трубы. Здесь мы

видим отголоски обряда жертвоприношения с последующим магическим возвращением к жизни. Таким образом, можно предполагать, что у русских, как и у всех евразийцев, в древности существовал такой обряд, долженствующий обеспечить процветание народа и единство общества.

Кроме того, обряд закреплял за тем или иным народом территорию, на которой он жил, — эта территория являлась сакральным телом первопредка, из частей трупа которого она была изготовлена. Манифестация обряда жертвоприношения сакрализировала мифологему самого первого обряда жертвоприношения, в результате которого первопредок принес себя жертву ради наделения своих потомков «богом данной землей». Пословица «Время разбрасывать камни, время собирать камни» приобретает новый смысл в этом контексте.

Где искать благодатную прародину ариев?

Весьма интересно, что древние арии, мигрировавшие в Индию, стали считать ее Арьявартой — страной ариев. Согласно мифологеме, любой ариец, пересекавший границы «новой обетованной земли» — Арьяварты, автоматически терял свою принадлежность к арийскому обществу. Вероятно, согласно обратной логике, те неарийцы, которые являлись аборигенами Индостана и жили на его территории до прихода арийских племен, согласно реформе брахманов, были интегрированы в арийское общество. Они получили новый статус и стали называться шудры. Согласно реформированному мифу, они происходят из первоначального великана Пуруши. Таким образом, арийское общество пополнилось четвертым сословием. Однако брахманы особо подчеркнули и сохранили степень родства: члены изначальных арийских каст являлись дважды рожденными, в то же время млечхи — шудры, оказавшиеся на территории «новой благословенной прародины», оставались лишь единожды рожденными.

Для индоариев все остальные арийцы, проживавшие за территорией Арьяварты, включая иранских ариев, утеряли свой статус и превратились в млечхов — чужаков. Эта ситуация проявилась гораздо позже — во время завоевательных походов Александра Македонского. Для индусов Македонский и его воины являлись млечхами — чужаками. Индийские жрецы отказывали грекам в установлении степени родства. Шудры, состоящие из дравидов и веддов — аборигенов Индостана, напротив, обрели хоть и низшую, но все же степень родства. Ведь согласно новой мифологии они были «изготовлены» из ног все того же Пуруши. Воины Македонского не были связаны ни с какой частью тела богоподобного великана-первопредка.

Дравиды, согласно антропологической классификации, являются переходной расой, возникшей в зоне древнего контакта евразийцев и экваториалов. Ведды вообще относятся к австралоидам и не имеют никакого отношения к евразийцам. Веддоиды считаются наиболее древними аборигенами, жившими на юге Индостана. Ныне ведды локально проживают на Шри-Ланке в горных недоступных районах в количестве тысячи человек.

Очевидно, в Индии в еще более отдаленные доарийские времена проживали и негроиды. Небольшого роста чернокожие негритос сегодня локально проживают в некоторых районах Андаманских островов, Индонезии и на Филиппинах. Можно предполагать, что в былые времена негритос были более распространены и что они проживали в Индии. По крайней мере, сохранились легенды о том, как теснимые белыми пришельцами с севера ведды и дравиды сами вытесняли с привычных областей обитания и подвергали гонениям «маленьких негров» — негритос. Согласно рассказам, записанным в XVIII веке, ведды загнали последних низкорослых чернокожих аборигенов Индостана в глубокую пещеру, завалили ее хворостом и подожгли. Поступили так жестоко ведды с низкорослыми чернокожими аборигенами, потому что те, согласно легенде, были каннибалами и постоянно убивали веддов, набрасываясь на них из лесных засад.

Таким образом, миф об «обетованной земле» предков у ариев сильно изменялся с течением времени. Мигрирующие на юг племена индоариев стали считать своей новой прародиной Арьяварту.

У иранских ариев сохранились предания об Арйана Вэджа — благодатной стране ариев. Первое упоминание о ней можно найти в книге «Видевдат». Дословно с авестийского Арйана Вэджа означает «арийский простор». Уже по одному этому ясно, что арии, прибывшие в Иран в начале 2-го тысячелетия до н. э., не считали Иран своей прародиной; хотя в самом слове «Иран» сохранилось до наших дней название древней страны ариев — Арйан.

И в самом деле, в начале 2-го тысячелетия до н. э. в Иране жили племена, заметно

отличающиеся от ариев по своей культуре, религии и антропологическому типу. Арии для аборигенов Ирана были захватчиками. Отголоски противостояния аборигенов и арийских захватчиков можно найти в авестийских мифах и легендах. Вероятно, аборигены Ирана воспринимали арийских переселенцев как оккупантов. Быть может, образ борьбы аборигенов и захватчиков запечатлелся в легендах о борьбе доблестного светозарного «драконоборца» Ахурамазды с трехголовым драконом Ажи. Согласно этим легендам, арийские племена можно отождествить с трехголовым драконом, а аборигенов с верховным божеством зороастрийского пантеона Ахурамаздой. Буквальное значение имени Ахурамазда — «Господь премудрый». Первоначально имя Ахурамазда выступало в качестве запретного имени божества. Ахурамазду в Авесте изображали как жреца, который творит мир усилием воли посредством мысли. И это его основное хгггличие от верховного божества прочих индоевропейцев: греков, латинян, хеттов, балто-славян, индусов. Там в качестве верховного божества выступал воин-громовержец: Зевс, Индра, Перун и т. д.

Имя Ахурамазды известно с VIII века до н. э. Очевидно, возвышение культа Ахурамазды связано с религиозной реформой Зороастра. Не случайно, что Ахурамазда жрец, а не воин. Очевидно, в этом отразился глубинный конфликт, расколовший былое единство индоевропейцев. Как мы понимаем, это единство строилось на сотрудничестве трех варн: жрецов, воинов, земледельцев и скотоводов, на которые делилось древнее индоевропейское общество. Это противопоставление, расколовшее индоевропейцев, мы видим и в русских сказках о конфликте младшего брата со старшими, о вероломстве старших братьев по отношению к младшему — жрецу, завладевших его имуществом.

Однако в образе Ахурамазды мы видим древние арийские мотивы: видимым его телом буквально назван огонь.

Итак, светозарный (огненный) богатырь сражается с трехголовым змеем, также испускающим огонь и дым, и побивает его. Нелегко приходится богатырю-жрецу в этом поединке: вместо отрубленной змеиной головы вырастает новая. Вероятно, в этом важном эпизоде с трехголовым змеем содержится намек на постоянное воспроизводство трехзвенного, трехварнового арийского общества. И лишь после того, как богатырь стал прижигать отрубленную змеиную голову огненным пальцем или головней, дело пошло на лад.

Очевидно, действительно серьезная борьба велась между кочевниками, все новыми и новыми волнами прибывающими на юг из евразийских степей и ставшими уже оседлыми выходцами из тех же степей. Зороастр постоянно жалуется на вероломство кочевников с севера; он говорит о том, что они угоняют стада, разрушают жилища и чинят всяческое зло мирным крестьянам. Зороастр призывает объединиться трудовой народ вокруг власти царя-жреца нового культа Ахурамазды и дать отпор агрессору, при этом борьба с кочевниками должна быть беспощадная, до полной победы! Древний эпос о бесконечных войнах Ирана с Тураном (землей тура) дошел до нас в изложении иранского поэта X века Фирдоуси. Очевидно, «мирные» поселенцы Ирана рубили кочевников под корень, платя им той же монетой, истребляя «малых детушек» — «малых змеенышей». Помните, как матушка в русской былине «Добрыня и Змей» отчитывает Добрыню, что он вновь поехал в поле малых змеенышей потоптать? Быть может, строки этой былины: «Стал молоденький Добрынюшка Микитинец на добром коне в чисто поле поезживать, стал малых змеенышей потаптывать» — как раз и сохранили свидетельство о превентивных походах древних иранцев в северные степи? Вполне очевидно, что религия Зороастра оказала сильное влияние на формирование и русской культуры.

В некоторых русских сказках богатырь, разрубив на куски поверженного змея, разбрасывает эти куски в чистом поле. Вероятно, здесь мы видим некое упоминание о древнем культе жертвоприношений. Земля, окропленная кровью и таким подношением, рожает богатырей. Это,

кстати, корреспондируется с греческой легендой об аргонавтах, когда герой засевает по требованию царя поле зубами дракона и тут же из земли вырастают не знающие страха воины. Избавиться от несметной вражьей силы помогает герою его будущая невеста, которая посоветовала кинуть в стан воинов камень. «Дети дракона» передрались друг с другом.

Реформа Зороастра базировалась на важном принципе — идее борьбы вселенских сил добра и зла. Эта идея привела к единобожию, с одной стороны, а с другой — разделила древние народы на приверженцев добра и зла, света и тьмы, на своих и чужих. Зороастр первый заявил о необходимости беспощадной борьбы с социальным злом, и его идею блистательно сумели довести до логического конца коммунисты.

Что касается благой прародины иранцев — страны Арйана Вэджа, то в Авесте эта страна открывает список стран, созданных Ахурамаздой на благо человечества. Вероятно, эта страна располагалась где-то в евразийских степях. И в самом деле, название современных стран, расположенных в этом районе, недвусмысленно указывают на арийское прошлое. В них, в частности, присутствует слово «стан», которое может быть интерпретировано как остановка, кочевье. Так, известен по источникам Монголистан, а также страны, сохранившие свое древнее название: Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан, Афганистан, Пакистан и даже Палестан (нынешняя Палестина; слово «пале» на латыни означает «древний» — все вместе: «Древний стан»). Все эти страны расположены в зоне предполагаемого движения на юг арийских племен. Таким образом, можно полагать, что Арйана Вэджа — «арийский простор» была расположена в обширном поясе евразийских степей, что вполне объяснимо. Арии были кочевниками и скотоводами. Миграции могли быть очень значительными.

Может показаться, что, отождествив арийские племена с трехглавым драконом, мы тем самым невольно бросили тень на светлое арийское прошлое. Ведь в русских и европейских сказках с драконом борется богатырь, образ которого всегда положительный. Дракон же выступает как исчадие ада. Но в том-то и дело, что такая трактовка более поздняя. В былые времена трехликое божество, вспомним славянского Триглава, олицетворяло три мира: небесный, земной и подземный, а также являлось олицетворением трех сословий древнего арийского общества: жрецов, воинов и земледельцев. Вероятно, вести родословную от дракона было престижно и почетно. Вспомним китайских императоров, которые, согласно древней легенде, вели свою родословную от желтого дракона. Не исключено, что эту мифологему китайцы заимствовали у индоевропейцев, кочевавших в поясе евразийских степей не одно тысячелетие.

Очевидно, самый первый «благой драконоборец» был Зороастр, а впоследствии новая мифологема перекочевала в мифологию европейских народов и индусов. Некий вариант этой мифологемы мы видим и в образе Георгия Победоносца, восседающего на белом коне, сражающегося со змеем. Однако сила арийцев была в том, что они не делили мир на вселенское добро и зло. Арийское общество сохраняло трехзвенную социальную структуру У каждого представителя своей варны была своя функция, которая не противоречила занятиям иных каст.

Мифы о разделенных близнецах

В мифологии индоевропейцев присутствуют два бога-близнеца, каждый из них имел свои вотчины: один правил в мире теней (подземном мире), другой в небесном мире. В земном мире правил жрец-царь, который воздавал и творил молитвы, отдавая должное обоим творцам. Ибо не может быть мир без иного мира (антимира); свет без ночи, а земля без подземелья. Не может быть человеческая биологическая оболочка без души. Светозарная дева — олицетворение Солнца — по очереди переходила от одного демиурга к другому. Она поочередно гостила то в подземном мире, то в мире света. Что, впрочем, немудрено в мире богов: ведь дева-прародительница являлась к тому же еще и сестрой близнецов-демиургов. По крайней мере, так следует из древнего индоевропейского мифа.

Согласно мифологемам разных индоевропейских народов, можно реконструировать общеиндоевропейское название близнеца — Йемо. Мифологического первочеловека у древних ирландцев звали Емаин, а у древних исландцев — Имир. Это весьма похоже на индоарийское имя первочеловека Ману. К тому же, согласно индуизму, пеэвочеловек Ману являлся братом-близнецом царя подземного мира Ямы. У близнецов была сестра Ями, которая пыталась соблазнить своего брата. Это также похоже на русские легенды об Иване да Марье. Аналогичный мотив обнаруживается и в среднеиранском предании о браке Йи мы, приведшего древних ариев на территорию современного Ирана с севера, и его сестры Йимак. Этот брачный мотив послужил своеобразным прецедентом для подобных браков у зороастрийцев.

Латышское божество, связанное с культом плодородия и с культом близнецов, звали Юмис, что переводится как «сдвоенный плод». Здесь мы видим упоминание о первопредке как об андрогине, сочетавшем в себе мужское и женское начало. Древний исландский первочеловек Имир также предстает в мифах как гермафродит. Само слово «Имир» этимологически означает двуполое существо. Такое же значение имеет и имя западногерманского земнородного бога Туисто.

Согласно скандинавской мифологеме, из тела Имира был создан мир. Легенда сообщает, что под мышками у Имира родились мальчик и девочка, а ноги породили мальчика. Один и его братья принесли в жертву Имира. Они расчленили его тело и создали из него мир. Плоть Имира стала землей, кровь — морем, кости — горами, череп — небом, волосы — лесом. Сходные мотивы мы встречаем и в индийской мифологии — великан Пуруша, а также в китайской — Паньгу и в вавилонской — Тиамат. Таким образом, первородный великан породил не только мир, но и первых мужчину и женщину.

В индийской мифологии этот образ первого человека — «господина потомства» восходит к Праджапати — творцу всего сущего. Впоследствии Праджапати отождествляется с Брахмой. Согласно Махабхарате, Брахма рождается в золотом яйце, плавающем в водах. Проведя в нем год, Брахма силой мысли разделяет содержимое яйца на две половины: небо и землю, между ними создается воздушное пространство. Далее в Махабхарате говорится, что Брахма порождает смерть в виде женщины (образ Бабы-яги). Люди появляются в результате инцеста Брахмы с его дочерью. В «Шримад-Бхагаватам» утверждается, что Брахма разделяет свое тело на две половинки: мужскую и женскую, таким образом порождая первочеловека Ману и его будущую супругу. Этот последний мотив также весьма сходен^с иными трактовками первочеловека у индоевропейцев, который, согласно мифологеме, имел андрогинную природу.

Как мы уже отмечали, к древнему индоевропейскому названию близнеца Йемо этимологически приближается имя индийского царя мертвых Ямы. По-видимому, изначально этимология этих похожих имен означала «близнец». В Ригведе приводится весьма

примечательный гимн-диалог Ямы и его сестры Ями. Сестра уговаривает брата вступить с ней в кровосмесительную связь. Мотивировка такая: нам необходимо иметь потомство, чтобы продолжился род людской на земле. Однако Яма отказывается, ссылаясь на кровное родство со своей сестрой и на недопустимость кровосмешения. Поскольку инцест отвергается как действенное средство продолжить род, то Яма становится «царем мертвых»; согласно Ригведе, он стал «первым, кто умер». Его смерть оплакивает безутешная Ями, и так как в то время еще не существовало ночи, то Ями все время повторяла: «Только сегодня он умер». Боги сжалились над Ями, и специально для нее они создают ночь, чтобы даровать безутешной сестре забвение. Однако Яма преодолел смерть. Сражаясь с богами, он получил бессмертие. И в конце концов боги вынуждены были признать, что «он стал таким, как мы».

Весьма интересна родословная близнецов: Ямы, Ями и Ману. Согласно ведийской мифологии, их отцом является Вивасват — солярное божество и родоначальник людей. Вивасват родился уродом — без рук, без ног, гладкий со всех сторон. Его старшие братья: Митра, Варуна, Бхага и другие — отсекли от Вивасвата все лишнее, превратив его тело в идеальный светозарный шар. Они поместили светозарного Вивасвата на небо, определив для него небесный путь. Таким образом возникло Солнце и возник прародитель людей.

Здесь мы видим все тот же мифологический мотив с расчленением тела первопредка людей его братьями. Впоследствии Вивасват взял в жены Саранью, которую иногда изображают в виде кобылицы. Согласно легенде, Саранью являртся дочерью Тваштары (от древнего слова «тваш» — «творить», «производить»). Уже по имени Тваштара мы отчетливо видим творца, создателя всего сущего. «Тваштара» — это скорее эпитет, чем имя собственное. Это слово имеет лингвистическую параллель и в русском языке — «Творец».

Саранью-кобылица родила Вивасвату трех близнецов: мальчиков Яму и Ману и сестру Ями. Но, не желая жить с нелюбимым мужем — «гладким со всех сторон», испускавшим неимоверное сияние, она бежит от него. Но Вивасват, Обнаружив отсутствие жены, принимает облик белого коня и настигает беглянку. Он покрывает ее и склоняет к возвращению. Саранью примиряется со своей участью, возвращается к солнечному богу и рожает ему еще двух близнецов-мальчиков Ашвинов.

Согласно мифологеме, Вивасват совершает первое жертвоприношение и дарует людям огонь, что сближает его образ с образом греческого Прометея, грузинского Амирани и иных подобных персонажей, принесших людям божественный огонь с небес. Весьма интересна и другая этимологическая и смысловая параллель: согласно ведийской легенде, Вивасват является отцом Ямы, а согласно авестийской легенде, Вивасват является отцом Йимы — предка иранских ариев. Это указывает на единый мифологический источник.

Бегство Саранью от мужа не могло не сказаться на воспитании первых близнецов, двоих братьев Ямы и Ману и их сестры Ями. Согласно легенде, их воспитывает служанка Саранью, которая называется «тенью своей госпожи». Мачеха плохо обращается с приемными детьми. За что Яма, разгневанный ее нелюбовью, поднимает на нее ногу. За это мачеха проклинает приемного сына. Согласно проклятию, нога у Ямы должна была отпасть. Однако Вивасват смягчает наказание для своего сына: нога лишь усыхает, лишается мяса и сухожилий. Здесь мы видим объяснение появления хромоты у будущего «царя мертвых». Хромота сопровождает и царей и цариц подземного мира и в других индоевропейских мифологемах. Достаточно вспомнить хромого кузнеца-колдуна, хромого лешего и Бабу-ягу костяную ногу из русских сказок.

Яма становится первым царем мертвых, в то же время его брат Ману становится первым царем людей.

Здесь мы видим довольно внятный миф о происхождении первых людей. Согласно

индийской мифологеме, отцом «живых и мертвых» является солнечное божество. При этом Солнце берет себе в жены кобылицу, оседлав которую солнечный бог может путешествовать по небосводу.

Быть может, образ кобылицы — это отголосок представления о том, что изначально жена солнечного божества — Саранью — не принадлежала к роду богов. Дело в том, что отцом Саранью назван Тваштара — «творец». Это статус весьма впечатляющий, но, согласно легенде, Тваштара имел жену-демоницу из асурского рода, которая родила ему Саранью в облике кобылицы и Вишварупу в облике трехголового дракона. От вида этих ужасных порождений Тваштара пришел в бешенство, но что родилось, то родилось…

Весьма интересна дальнейшая судьба трехголового демона. Он тайно встал на сторону асуров в их борьбе с богами-девами и похитил у Индры-громовержца коров. Воин Индра возмущен этим до крайности. Он сначала подсылает к трехголовому дракону апсар — водных дев неизъяснимой красоты (прямая аналогия — русские русалки), при помощи которых пытается соблазнить дракона и заключить с ним перемирие. Однако Вишварупа отвергает соблазнительные танцы и речи искусительниц и не идет на мировое соглашение с богом-воином. При этом статус самого трехглавого дракона довольно четко определен: он является жрецом богов. Тогда Индра, получив отпущение грехов, вступает в единоборство с драконом и последовательно срубает все три его головы. При этом Индра освобождает коров, а также плененных драконом людей.

Статус Вишварупы довольно высок — Индра должен за убийство дракона замаливать грехи. О высоком статусе Вишварупы говорит и то обстоятельство, что его имя используется как эпитет самого Вишну, входящего наряду с Брахмой и Шивой в тройку главных богов индуизма.

Как видим, здесь могли запечатлить реальные мотивы противостояния между кастами воинов и жрецов, некогда составлявшими единое арийское общество. Вероятно, этот конфликт имел место между иранскими ариями (жрецами) и индийскими (воинами) во времена разделения их общности. Как мне представляется, трехголовый дракон — это метафорическое обозначение трехголового божества древних ариев.

Арийское провидение Пушкина

Легенду о драконоборце, богатыре-воине мы хорошо знаем и из русской мифологии. Этой легенде соответствует древнерусский миф о змеевидном Велесе — царе подземного мира и его противнике громовержце Перуне. Перун поражает Велеса своей палицей-молнией и отправляет его в «ссылку» в подземный мир, где Велес становится «царем мертвых». При этом освобождаются похищенный Белесом скот и люди. В иной трактовке Велес похищает солнечную деву и уносит ее в свой подземный мир, Перун-богатырь борется с драконом и освобождает солнечную деву.

В общем, ведийские мифы о Тваштаре — творце, Вишварупе — трехголовом змее, Вивасвате — солнечном божестве, Саранью — небесной кобылице, близнецах — Яме, Ману и их сестре Ями, Индре-громовержце — очень похожи на древнерусские сюжеты. Эти сюжеты встречаются и в гораздо более поздних русских народных и авторских сказках. Так, в сказке Ершова «Конек-горбунок», написанной по мотивам русских народных сказок, присутствует Иван-дурак, который, изловив кобылицу и оседлав ее задом наперед, пускается на ней в небесное путешествие. Кобылица родила Конька-горбунка, который служит Ивану-дураку верой и правдой и на котором Иван-дурак отправляется к солнцу. Здесь считывается явная параллель с мифом о Саранью — небесной кобылице, супруге Солнца.

В ведийских мифах Индра подсылает к трехголовому дракону прекрасных дев — апсар, которые призваны служить своеобразным выкупом за похищенных змеем небесных коров. И чего это ради доблестный воин Индра стал заискивать перед змеем, предлагая ему сделку? Очевидно, все дело в том, что трехголовый змеи — это религиозная метафора арийских племен, состоящих из трех варн. Крылатый змей этот объемлет все три мира: небесный, земной и подземный. Он может летать под облаками, может передвигаться по земле и под землей. Змей постоянно изрыгает жертвенный огонь. Три сословия арийского общества: жрецы, воины, земледельцы и скотоводы — связаны этой религиозной метафорой воедино. Противостоять арийскому с оциуму — дело непростое, даже для такого славного и бесстрашного бога-громовика, как Индра.

Можно предполагать, что арии, обитавшие в бескрайней степной зоне Евразии, часто совершали дерзкие набеги на своих соседей, отнимая у них скот, имущество и жен. Это и послужило сюжетной линией для создания мифа. Дерзкая арийская молодежь отправлялась в поход за невестами во владения соседей — таких же, как и они, арийцев. Очевидно, с этим связана легенда о том, что трехголовый змей похищает прекрасных женщин. Для многих европейских мифологий характерны мифы о том, что оседлые жители сопредельных с арийскими кочевниками стран, дабы обезопасить себя от разрушительных набегов, сами отдают молодых девушек ненасытному змею, платя ему ежегодную дань. Можно вспомнить хотя бы мотив древнегреческого мифа о Персее и Андромеде. Подобный мотив мы видим в более позднем мифе о Георгии Победоносце, который освободил жителей некоего ливанского города от ежегодной дани.

Очевидно, в ведийском мифе речь идет о том же — Индра-воин предлагает змею прекрасных девушек, дабы тот не угонял его скот. Однако эта сделка не обезопасила соседей от вторжения, и скот был в очередной раз угнан. Вот тогда Индра, подобно Зороастру, восстает против существующего порядка. Он не желает больше платить ежегодную дань и преисполняется решимостью убить вероломного змея. Он, подобно Зороастру, обращается с просьбой к богам об отпущении грехов. Ибо сам Индра-воин — выходец из того же самого арийского общества.

Можно предполагать, что различные племена кочевых ариев предпочитали брать в жены девушек евразийского происхождения. Существовавшие у ариев кастовые законы запрещали заключать брак с неарийцами. Ведь арии верили, что им предстоит самим, согласно культу предков, родиться в том же сословии, в котором они находились при этой жизни. Жрец должен был родиться в сословии жрецов, воин — в сословии воинов, а земледелец или скотовод — в своем сословии. Очевидно, разные арийские племена придерживались этих суровых кастовых законов. Вероятно, с этим связан миф о кровосмесительной связи братьев-близнецов со своей сестрой. (Отголоски этого евразийского мифа, кстати, сохранились и в мифологии финно-угров, длительное время живших с ариями бок о бок. В этом мифе рассказывается о трех близнецах-братьях Финн, которые по очереди ухаживают за своей сестрой.)

По крайней мере, можно предполагать, что близнецовый миф, распространенный у индоевропейцев и сопредельных народов, закреплял существующий порядок вещей, когда молодые люди брали в жены лишь представительниц своего сословия, пусть даже из соседнего племени. Судя по всему, похищение невест являлось своеобразным спортом, своеобразной инициацией для молодых людей. Отголоски этого можно найти в обычае умыкания невесты, сохранившемся у горцев Кавказа. Очевидно, на излете арийской цивилизации была в ходу такая практика: умыкали не одну, а сразу несколько невест. При этом они все могли стать женами одного мужчины. Невестами торговали. У кого было много золота и скота, тот мог выкупить себе изрядное количество невест и создать большой гарем. Это впоследствии утвердилось как практика многоженства, которая до недавнего времени была распространена в Средней Азии, на Кавказе и в других местах.

Понятное дело, что такое положение вещей уже свидетельствовало скорее о деградации арийского общества. К тому же это не могло не вызвать активные протесты соседей, у которых постоянно воровали молодых девушек и жен. Индра возмутился не зря; задумав убить змея, он все-таки его убил.

В русских сказках мы также порой можем встретить отраженные в виде сказочных образов уклад жизни и бытовые подробности арийской жизни, дошедшие до нас через века. Так, в авторской сказке Пушкина «Золотой петушок», написанной по мотивам народных сказок, все сюжетное повествование весьма напоминает древнее мироустройство арийского общества. В сказке идет речь о некоем царе Додоне, которого постоянно донимали соседи своими грабительскими набегами. И вот некий скопец, по-видимому жрец культа, предложил царю верное средство. Он подарил ему золотого петушка, которого водрузили на спицу. Как только враг замышляет свой грабительский набег, в тот же миг петушок, встрепенувшись, поворачивается в ту сторону, откуда грозит беда, и кричит:

«Кири-ку-ку, царствуй, лежа на боку!»
«И соседи присмирели.
Воевать уже не смели.
Таковой им царь Додон дал отпор со всех сторон».

В образе золотого петушка мы можем угадать иной образ — Жар-птицы или вечного священного огня, который поддерживался жрецами постоянно. По характеру горения пламени жрецы культа предсказывали, откуда придет беда. Это позволяло вовремя подготовить рать и дать отпор врагу.

Но помните, чем закончилось дело у Пушкина? Петушок неожиданно встрепенулся, обратился на восток, стал кричать и биться. Царь немедленно шлет туда рать, которую ведет

старший сын. Никаких, однако, вестей оттуда нет: было или нет сражение — царь не знает. А через неделю петушок кричит опять. Опять шлет царь рать на Восток, которую теперь возглавляет средний сын. И вновь проходит неделя, и петушок кричит опять. Тогда уж сам царь отправляется на Восток, собрав многочисленную рать. И что же он видит после восьми дней пути: в горах стоит шатер, рать вся побитая лежит, а перед шатром его два сына мертвые лежат, мечи вонзившие друг в друга. Вдруг шатер распахивается, и «…девица — Шемаханская царица, вся сияя, как заря, тихо встретила царя. Как пред солнцем птица ночи, царь умолк, ей глядя в очи, и забыл он перед ней смерть обоих сыновей…».

Царь с триумфом возвращается в столицу… и в толпе встречает скопца-жреца, который неожиданно говорит царю: «Подари ты мне девицу, Шемаханскую царицу!» Царь отвечает с возмущением: «Что ты? Или бес в тебя вернулся? Или ты с ума рехнулся? И зачем тебе девица?.. Ничего ты не получишь! Сам себя ты, грешник, мучишь!» «Царь хватил его жезлом по лбу; тот упал ничком, да и дух вон. Вся столица содрогнулась; а девица — хи-хи-хи! Да ха-ха-ха! Не боится, знать, греха…» Тут неожиданно петушок вскочил со спицы, сел к царю на темя, клюнул и взвился… «С колесницы пал Додон! Охнул раз и умер он. А царица вдруг пропала, будто вовсе не бывало…»

Таким образом, завершилось славное царствие Додона. Додон отказался уважить просьбу скопца-жреца — убил его. И в тот же миг умер сам. В этом сюжете, быть может, Пушкин гениально показал конец арийского общества. И гибель этого общества от Шемаханской царицы-чужестранки. И в самом деле, арийские жрецы не просто так настаивали на том, чтобы молодые люди брали в жены девушек из своей касты. Речь идет о вещах более тонких — о реинкарнации. Кастовые устои защищали арийское общество от социального вырождения. Недаром индусы и по сей день, верные заветам предков, стремятся соблюдать кастовые законы.

Другое дело, что в Индии из-за необходимости постоянных контактов с аборигенами Индостана с течением времени эти законы все-таки размываются, и даже в Варне брахманов — наиболее консервативной из всех варн — уже давным-давно можно встретить смуглых дравидоидов и в 5ддоидов. Среди современных индусов преобладают метисные типы, которых антропологи относят к индосредиземноморской расе. Обычно у индусов, если рассматривать в целом, смуглая кожа, темная пигментация глаз и волос, волнистые волосы, узкое лицо.

Побитая рать и два брата, убившие друг друга, — это метафора того конфликта, который разгорелся перед самым закатом арийского общества. Этот конфликт вспыхнул и между индоарийцами и ариями Ирана, а также между иранцами и кочевниками, остававшимися в евразийских степях. В результате социальное разделение на варны утратил о силу и древнее общество просто прекратило свое существование. Царь Додон не послушал жреца, предвидевшего такой исход, и отказался отдать ему Шемаханскую царицу — девушку-чужестранку, привезенную из военного похода. Жрец был убит — царь хватил его жезлом по лбу. Да и сам царь не надолго пережил скопца — его царство развалилось, лишенное жреческой поддержки.

В «Золотом петушке» мы видим образ все того же арийского общества, символизируемого трехглавым драконом: царь — светская власть, народ — земледельцы и скотоводы, два убитых царских сына — воины, скопец — жрец культа, своими магическими прозрениями оберегавший общество от напасти. Золотой петушок — это жреческий огонь, постоянно горевший в капище, глядя на который жрицы предсказывали будущее.

Пушкин гениально и совершенно провидчески отразил закат и гибель арийской кастовой империи.

Как выглядели арии?

Некоторые специалисты стесняются называть ариев ариями. Вероятно, это связано с тем, что во время Второй мировой войны слова «ариец», «арийцы», «арийское наследие» активно использовались идеологами Третьего рейха. Однако обвинять истинных ариев в расизме было бы непростительной модернизацией. В науке утвердился термин «индоевропейцы», который иногда используется как синоним слова «арийцы». С другой стороны, если рассматривать вопрос о происхождении ариев в историческом контексте, то мы должны признать, что те народы, за которыми бесспорно утвердилось самоназвание «арийцы»: индоарии и арии Ирана — считали, что истинная родина ариев лежала к северу от их местопребывания. Так, в Авесте идет речь об Арйана Вэджа — дословный перевод «арийский простор». Говорится, что эту страну Ахурамазда создал на благо всего человечества первой.

Индоарии называют свою страну Арьявартой — дословно «путь, страна благородных». Несмотря на то что реальная Арьяварта — это зона расселения ведийских ариев в Индии, прототип Арьяварты также располагался на севере. Индийская Арьяварта имела четко очерченные границы. Она занимала Великую Северо-Индийскую равнину от западного моря до восточного и от Гималаев на севере до гор Виндхья и Сапура на юге. На южных рубежах Арьяварты находилась чуждая ариям страна Дакшинапатха (современный Декан). Слово «Дакши» может быть истолковано как сакральное обозначение правой стороны, в противовес левой стороне. В ведийскую эпоху арийские племена не переходили границу Дакшинапатхи, населенную неарийскими племенами дравидов и коренными народами Индостана.

Арьяварта противопоставляется не только неарийскому югу, но и арийскому Ирану, расположенному на северо-западе. Этим самым индоарии стремились уберечь свою идентичность.

В древнеиндийской мифологии есть божество Арьяман. Это имя переводится как «дружественность», «гостеприимство». Кроме того, можно увидеть в самом слове «Арьяман» обозначение этимологического смысла: Арья — арий, ман — человек. Это божество упоминается в Ригведе около ста раз. Арьяман дарует богатство даже без просьбы людей. Вместе с богами Митрой и Варуной Арьяман объединяет людей. Арьяман — покровитель девиц. Его молят о счастливом браке. Кроме того, Арьяман отождествляется с солнцем и огнем. Нередко солнце впрямую называют Арьяманом. Нетрудно увидеть, что это божество покровительствует ариям. От имени этого божества происходит и название страны ариев.

Таким образом, если мы будем называть ариями народы, жившие до начала 2-го тысячелетия до н. э. в евразийских степях, то мы ничуть не погрешим против истины.

Может возникнуть вопрос: но как же выглядели арии? В Авесте говорится о том, что на благодатную страну ариев пала внезапная ночь и ее сковал холод. Все это, очевидно, связано с природной катастрофой, разразившейся в начало тысячелетия до н. э. Быть может, это было связано извержением Санторина в 1400 году до н. э. Однако, кроме того, в Авесте говорится о том, что на землю Арйана Вэджа напал змей рыжеватый. Кто это был? Не исключено, что авестийские жрецы называют так племена индоевропейцев, тех же арийцев, вторгшихся на территорию локального проживания предков иранских ариев. Этим самым было положено начало межарийской вражды.

Известно, что кельты имели рыжие волосы. Как считают антропологи, рыжие волосы были у представителей палеоевропейскоготипа. Этот тип сохранился и поныне в некоторых горных убежищах Балкан и Кавказа. Например, осетины, потомки аланов, имеют большой процент рыжеволосых.

Некоторые антропологи связывают палеоевропейцев с так называемым динарскнм типом. Этот антропологический тип получил свое название от Динарских Альп. Впервые сам термин был введен французским ученым И. Деникером.

Среди современных европейцев достаточно ясно фиксируются антропологические типы, близкие к древнему европейскому населению, жившему в верхнем палеолите и мезолите. Ареал обитания этого исходного типа сегодня разорван. Он встречается на Британских островах, в Скандинавии, Бельгии и Центральной Германии, в горных районах Европы и Северной Африке. Особенно ярко этот тип представлен среди современных ирландцев.

Характеристики этого типа таковы: высокий рост, широкие плечи, крупная грудная клетка, большая голова, надбровье умеренное или сильное, лоб широкий и высокий, лицо широкое и несколько уплощенное (не путать с монголоидным лицом), рот большой со средней толщиной губ. Носогубные складки сильно выражены, вся нижняя челюсть широкая и высокая, с выступающим вперед подбородком. Нос крупный, с прямым или вогнутым профилем и приподнятым кончиком. Волосы темно-русые, волнистые, часто рыжеватые. Глаза светлые (голубые) или смешанных оттенков. Цвет кожи очень белый с наклонностью к образованию веснушек.

Надо также отметить, что в некоторых горных районах Кавказа и Черногории встречаются популяции весьма близкого облика, но они обычно более пигментированы и имеют выпуклую спинку носа. Очевидно, в этих горных убежищах сохранился физический облик древних европейцев. В 3—2-м тысячелетиях до н. э. близкий по общей морфологии вариант физического типа был широко распространен в степной зоне Евразии от Днепра до Алтае-Саян. Именно этот тип еще в советской антропологии получил название палеоевропейского. Нетрудно увидеть, что арийцы, обитавшие в степной зоне Евразии как раз в это время, и являлись типичными представителями данного антропологического типа.

Кроме всего прочего, надо отметить, что в западной антропологии утвердилось иное название европеоидов — кавказоиды, или кавкасионский тип; по древнему грузинскому названию Кавказа — Кавкасиони. Впервые название «кавказский тип» дал белой расе немецкий ученый, живший в XIX веке, И.Ф. Блуменбах. Он описал обнаруженный на Кавказе ископаемый череп, который в целом, по его мнению, соответствовал параметрам идеального палеоевропейца. В свою очередь, отечественный антрополог В.В. Бунак считал, что среди ингушей в большей степени сохранился процент древнего населения Кавказа.

Таким образом, сложилась парадоксальная картина: когда Историки рассуждают об арийцах, они в первую очередь понимают под этим названием индоариев и ариев Ирана; меж тем антропологи уверены, что антропологический тип ариев был в общем и целом присущ палеоевропейцам, жившим в Европе и Азии в верхнем палеолите и мезолите.

На вопрос, от кого же «сбежали» иранские арии в Иран из Евразийских степей, может быть получен такой ответ — от себе подобных. Парадокс состоит и в том, что иранские арии, как и индоарии, не смогли сохранить свой исходный антропологический тип. Но зато индоарии во многом сохранили до наших дней арийскую культуру и мифологию, которая претерпела не такое уж заметное изменение с ходом времени. Удалось это сделать благодаря кастовой системе, сохранившей традиции предков.

Если мы хотим узнать, как выглядели арии, то мы должны, пожалуй, в первую очередь обратить свой взор на современных ирландцев. Однако арийская культура у ирландцев сохранилась в гораздо меньшей степени, чем у индусов.

К сказанному можно добавить следующее: согласно реконструкциям древних событий, выполненных М.М. Герасимовым, конец 3-го тысячелетия и начало 2-го тысячелетия до н. э. характеризуется массовым переселением ряда пастушеско-земледельческих культур ранней

бронзы на территорию лесной полосы Восточной Европы. Герасимов признает, что все эти племена в период своего формирования имели единые истоки. Они обладали единством бронзовых и каменных орудий, общей формой керамики. Все они были полуоседлыми пастухами-земледельцами. Большинство исследователей объединяют эти племена в единую фатьяновскую культуру. Быть может, речь идет о все тех же ариях?

Вот что, в частности, пишет Герасимов в своей книге «Восстановление лица по черепу»: «Фактический материал свидетельствует о том, что на рубеже конца 3-го тысячелетия и начала 2-го тысячелетия до н. э. в междуречье Оки и Волги внезапно появились сильные, подвижные, воинственные племена скотоводов — носители новой, доселе неизвестной, бронзовой культуры. Натиск был настолько внезапен и силен, что неолитические племена, жившие на данной территории, исчезли».

Иногда фатьяновскую культуру именуют «культурой боевых топоров». Вполне понятно почему: одно из типичных орудий этих племен — так называемый вислообушный бронзовый топор и сверленый каменный топор. Пришельцы не были похожи на автохтонное население лесной зоны Европы. Как пишет Герасимов, «антропологический тип фатьяновской эпохи резко отличается от типа, бытовавшего на этой территории в неолитическую эпоху, а потому вопрос о генетической связи этих двух типов снимается». Далее Герасимов пишет, что данный антропологический тип «…обнаруживает сходство с неолитическим населением Прибалтики и средней части Германии во 2-м тысячелетии до н. э. Наибольшее сходство наблюдается с носителями ленточной керамики Средней Европы или мегалитическими культурами юга Швеции».

На основании этого можно предполагать, что у предков славян и других европейских народов были одни родовые корни. Однако Герасимов пишет: «Наличие монголоидной примеси в Балановском могильнике, может быть, объясняется смешением европеоидного населения с местным сублапоноидным». Здесь надо пояснить для читателя, что под сублапоноидным населением Герасимов понимал предков нынешних саамов (лопарей), с давних времен обитавших на севере Европы. Лапоноидная раса сегодня распространена на севере Фенноскандии. Как считают многие антропологи, лопари возникли в глубокой древности в результате смешения европеоидов и монголоидов.

Далее Герасимов пишет: «К началу 2-го тысячелетия юго-восточные племена степных скотоводов, до сих пор не подходившие к территории окских неолитических племен, вступили с ними в постоянный контакт. Вероятно, в результате контакта возникла новая культура — полтавкинская». Надо предполагать, что эта культура, так же как и другая культура — абашевская, явилась предтечей поздних культур.

Весьма интересно и другое — фатьяновцы по своему антропологическому облику мало чем отличались от племен, перемещавшихся в это время в лесной пояс Европы. Вероятно, арийские скотоводы, покинув степные просторы Евразии, начали в это время свою экспансию в Среднюю Европу и, впоследствии смешавшись с местным населением, явились основным антропологическим типом у современных европейцев.

В кого превратились арии?

Фатьяновские племена пришли в Европу. Некоторые исследователи видят в них прямых предков славян и балтов и даже германцев. Бывшие кочевники-скотоводы стали оседлыми жителями Европы. По своим антропологическим характеристикам эта весьма внушительная общность людей, постоянно мигрировавшая в степной зоне Евразии, мало чем различалась около четырех тысяч лет назад. Зато впоследствии, расселившись по Европе, эти пришлые племена смешались с автохтонным населением. С течением времени заметно изменилась их культура и антропология.

Так, антропологи выделяют среди прочих евразийцев атланто-балтийскую малую расу. Представители этого типа проживают ныне в Скандинавии, на Британских островах, в северных районах Западной и Восточной Европы. Данная раса является важным антропологическим элементом норвежцев, шведов, шотландцев, исландцев, датчан, русских, белорусов, прибалтийских народов, частично встречается в популяциях северных районов Франции, Германии и у финнов. В основном это люди со светлыми волосами и глазами, с крупным лицом и головой, с прямым и узким носом с высоким переносьем, массивным подбородком. Некоторые считают, что данный тип возник отчасти благодаря смешению пришлых скотоводов и местных еще остававшихся в Европе потомков кроманьонцев. Надо иметь в виду, что и потомки кроманьонцев были весьма разнородны и представляли собой уже смешанный антропологический субстрат.

Беломоро-балтийская раса распространена примерно в том же ареале, что и атланто-балтийская. Однако представители этого типа наиболее часто встречаются в зоне от Балтийского до Белого моря. Это самая светлопигментированная раса, особенно это касается цвета волос. Более светлые волосы и светлая кожа — не единственное отличие от предыдущей расы. У беломоро-балтийцев прослеживается тенденция к брахикефалии (короткоголовости). Очевидно, что брахикефалия была отличительной чертой палеоевропейцев. По крайней мере, резкая короткоголовость отмечена у жителей Кавказа и Черногории, которых считают прямыми наследниками палеоевропейцев.

Одно из главных физиогномических отличий беломоро-балтийцев от атланто-балтийцев — это более короткий нос, который сравнительно часто имеет вогнутую спинку. Кроме того, у беломоро-балтийцев лицо шире и ниже. Как предполагают специалисты, этот тип прямой наследник древнего населения Средней и Северной Европы. Можно также предполагать, что это прямые потомки фатьяновских племен, пришедших в Европу свыше четырех тысяч лет назад. Иными словами, если мы захотим представить себе, как выглядели арийцы, то, вероятно, должны будем вообразить именно этот тип со светлой кожей, светлыми глазами и волосами. Белизна кожи и светлые пшеничные волосы навевают определенные ассоциации. Недаром у арийцев был распространен культ огня, а в мифах и легендах индоевропейцев можно часто встретить утверждение, что люди — потомки солнечного божества.

Другой малой расой, распространенной по всей Европе, является среднеевропейская раса. Основной ареал распространения этого типа — Северо-Европейская равнина от Атлантики до Волги. Чаще всего этот тип встречается у немцев, словаков, чехов, поляков, австрийцев, северных итальянцев, украинцев и русских. Эта раса характеризуется более темной пигментацией волос и кожи. Ареал ее распространения еще называют «поясом шатенов». Пропорции лица имеют среднее значение. Нос с прямой спинкой и высоким переносьем. Многие специалисты предполагают, что эта раса имеет смешанное происхождение.

В различных классификациях к балкано-кавказскому типу относят альпийскую, динарскую,

арменоидную и иные расы. Пропорции лица у балкано-кавказцев варьируют. Голова резко брахикефальная. Очевидно, такая форма головы соответствует древнему евразийскому населению. Нос обычно крупный, с выпуклой спинкой. В некоторых вариантах встречается опущенное основание и кончик носа. Альпийская раса на западе имеет относительно небольшой нос, а его спинка может иметь вогнутую форму, как и у некоторых беломоро-балтийцев. Горцы Памира и Гиндукуша также имеют менее крупный нос. У них третичный волосяной покров[1] развит меньше, чем у кавказцев.

Еще одной малой расой евразийцев является индосредиземноморская раса. Она распространена в некоторых южных районах Европы, Северной Африке, Аравии и в других южных районах Евразии вплоть до Индии. Достаточно часто этот тип можно встретить у испанцев, португальцев, южных итальянцев, марокканцев, алжирцев, ливийцев, египтян, различных арабских и семитских групп, у иранцев, афганцев, иракцев, народов Средней Азии и индусов. Цвет кожи смуглый, за редким исключением. Цвет волос темный. Волосы волнистые. Глаза по преимуществу темные, светлые глаза очень редки. Нос обычно прямой и узкий, с высоким переносьем. Складка верхнего века (эпикантус) — типичная черта монголоидов — развита слабо. Глазное яблоко широко открыто, что может свидетельствовать о некоторой негроидной примеси. Внутри этой малой расы есть локальные варианты. Так, атланто-средиземноморский тип — проживающий на крайнем северо-западе ареала, и ирано-афганский — проживающий на крайнем северо-востоке, имеют высокий рост, а у последнего типа часто встречается выпуклая спинка носа и сильный рост бороды.

Таким образом, все перечисленные современные евразийские расы в той или иной степени имеют отношение к палеоевропейскому типу, из которого они, собственно, и происходят. В зависимости от местных условий существования и благодаря смешению с местным населением эти расы и возникли за последние несколько тысяч лет.

Основываясь на сказанном, можно предполагать, что арийские племена, расселившиеся в Индии, Иране, Афганистане, Пакистане, а также в Европе, Северной Африке и в других местах, явились основой для формирования многих современных антропологических типов евразийцев. Быть может, в большей степени сохранили исходные антропологические особенности, характерные для индоевропейцев, современные представители беломоро-балтийского типа. У них более светлая кожа и волосы. Однако по антропологии лица все же ближе к индоевропейцам некоторые представители балкано-кавказского типа. Так или иначе, все расы евразийцев сохранили антропологические особенности своих предков. Кто-то в большей степени, кто-то в меньшей. Все евразийцы являются также наследниками древней индоевропейской культуры, что нашло свое отражение в многочисленных мифах и легендах; в типологическом сходстве повествовательных сюжетов.

Загадка происхождения евразийцев

Таким образом, палеоевропейцы, обитая на обширной территории Евразии от Атлантики до Тихого океана, в разное время вступали в постоянный контакт с местным монголоидным и негроидным населением Евразии. В зонах этого контакта в разное время образовывались так называемые переходные расы. Наиболее поздняя из них — южноуральская раса — образовалась в 1-м тысячелетии до н. э., именно тогда, когда началась массовая миграция гуннских племен и иных монголоидов на Запад. Южноуральский расовый тип присутствует в большом количестве у казахов, киргизов, узбеков, туркмен, турок и иных тюркоязычных народов.

Гораздо раньше, вероятно в мезолите — неолите, в зонах контакта европеоидов и монголоидов образовалась уральская переходная раса. Этот антропологический тип присутствует у финно-угров.

Вероятно, еще раньше возникла лапоноидная раса. Судя по ископаемым черепам, представители этой расы обитали уже в мезолите в северной части Европы. Сегодня этот расовый тип встречается у саамов (лопарей), проживающих на севере Норвегии, Финляндии, Швеции, в Карелии. Многие антропологи считают эту расу также возникшей в результате смешения европеоидов и монголоидов в древности.

На Дальнем Востоке в древности обитала айнская (курильская) раса. Эта раса еще более древняя. Айны сегодня проживают на острове Хоккайдо. Сегодня айны сильно смешаны с японцами. Очень может быть, что айнская, или курильская, раса возникла в результате смешения монголоидов и европеоидов еще в верхнем палеолите. Этот вопрос до конца не ясен. По крайней мере, можно предполагать, что айнская культура сохранила древние самобытные черты, которые в свое время были восприняты и японской культурой.

Таким образом, европеоидов, издавна обитавших в степном поясе Евразии, окружали различные переходные расы, имеющие смешанный состав.

Ядро палеоевропейского антропологического типа также с течением времени менялось, особенно сильно в последние тысячелетия. Благодаря этому возникли малые расы евразийцев. Исходный тип европеоидов сохранился в большей степени, пожалуй, лишь у ирландцев.

Однако менялись и монголоиды. Герасимов в свое время восстановил по черепу лицо древнего жителя Забайкалья. Этот древний череп был найден в плиточной могиле

А.П. Окладниковым на реке Селенге. Оказалось, что лицо этого древнего монгола очень плоское, более плоское, чем у современного бурята. Современные буряты из Забайкалья, а также тувинцы и монголы относятся к сибирской ветви большой монголоидной расы. Их внешность весьма характерна. Можно сказать, что они наиболее монголоидны из всех современных монголоидов.

Герасимов склонялся к тому, что реконструированный им ископаемый череп, а также другие похожие черепа из неолитических гуннских погребений Забайкалья относятся к древнему палеоазиатскому типу. Как предполагал Герасимов, гунны пришли в Забайкалье из каких-то иных местностей, и они являлись носителями исходного типа монголоида. Однако парадоксальность ситуации состоит в том, что Герасимов обнаружил у этого «исходного типа монголоида» некоторые особенности европеоидов, например, реконструированный им череп имел довольно высокое переносье, и эта деталь отличает его от современных бурят и монголов. Быть может, «исходный монголоидный тип» уже успел отчасти испытать на себе влияние европеоидов?

Среди современных монголоидов максимальной монголоидностью лица обладает североазиатская малая раса. Этот антропологический тип часто можно встретить как раз среди

бурят, якутов, эвенков. Однако парадокс состоит в том, что у бурят максимальная монголоидность сочетается с минимумом пигментации. Байкальский тип, часто встречающийся у бурят, самый светлый среди монголов. Кто знает, может быть, осветление кожи как раз является свидетельством европеоидного влияния?

Что касается гуннов, то они, несомненно, испытали на себе культурное влияние европеоидных кочевников Сибири. Надо было кому-то научить их справляться с военным снаряжением, прекрасно держаться на лошади и стрелять излука. Кто-то вложил в них страсть к перемене мест. Гунны впоследствии дошли до Европы.

Иные малые расы монголоидов с течением времени изменились в большей степени, в том числе под воздействием среды обитания и благодаря более явно прослеживаемому смешению с европеоидами.

Среди монголоидов выделяют арктическую малую расу, проживающую в арктических широтах. Этот тип представлен у эскимосов, чукчей, коряков, американских индейцев. Эскимосы хорошо приспособились к обитанию в северных широтах; и изменение их облика по отношению к исходному типу, вероятно, связано с этим.

Тихоокеанские монголоиды включают в себя две малые расы: дальневосточную — к ней относят население Китая, Кореи, Японии; и южноазиатскую — эта раса представлена у жителей Южной и Юго-Восточной Азии. Можно предполагать, что эти расы формировались при некотором участии европеоидов. То же самое можно предположить и в отношении американской расы. Для большинства популяций американских индейцев характерен крупный нос, иногда с выпуклой спинкой. У индейцев уплощенность лица умеренная, а эпикантус редок. Это может быть расценено как наличие в морфотипе индейцев заметной европеоидной примеси.

Таким образом, можно сказать, перефразируя классика: «Все смешалось в евразийском доме». На сакраментальный вопрос — откуда взялись сами евразийцы-европеоиды — до с их пор нет внятного ответа. По существующей эволюционной традиции антропологи выводят палеоевропейцев из европейских кроманьонцев. Но кроманьонцы сильно отличаются как от палеоевропейцев, так и от носителей современного евразийского антропологического типа.

У кроманьонцев очень широкие лица, массивные челюсти, у них иной формы мозговой череп, иной формы глазницы, иная конфигурация грудной клетки, иное строение кисти руки… Очень может быть, что те ископаемые черепа и костяки, которые антропологи принимают за переходный тип от кроманьонцев к палеоевропейцам, на самом деле являются метисными типами, соединившими в себе признаки палеоевропейцев и кроманьонцев. По крайней мере, Герасимов описал несколько таких ископаемых черепов из могильника на острове Южный в Онежском озере.

Так откуда же взялись палеоевропейцы на этой Земле?

На этот вопрос нет ответа в рамках существующей научной парадигмы. Если от этой парадигмы отступить, то можно предположить, что они прилетели «от Солнца». Кто знает, может быть, правы создатели индоевропейских легенд и мифов, утверждавших, что белые люди, цивилизационные герои и потомки богов были созданы бессмертными солнечными богами.

Лица и быт фатьяновцев-пришельцев

Итак, фатьяновские племена. Кто они? Имели ли они какое-нибудь отношение к арийцам?

Фатьяновская культура получила свое название по первому раскопанному могильнику возле села Фатьянова в Ярославской области. Эта культура известна археологам и антропологам уже более ста лет! Однако споры не утихают и поныне. И это несмотря на то, что за сто минувших лет ученые обнаружили и раскопали несколько десятков могильников, сотни погребений. Написана масса статей и книг, однако вопросов от этого не стало меньше.

Антропологи настаивают, что в основном это были люди европейской внешности — с высоким крутым лбом, с несколько массивным черепом, с тонкими чертами лица, с выступающим носом с высоким переносьем и широким подбородком. Этот тип можно, в частности, увидеть на скульптурных портретах древних римлян и даже греков.

Этот тип сохранился у жителей Центральной Европы и Восточной Прибалтики, Дунайской провинции и отчасти у населения Балканского полуострова.

М.М. Герасимов полемизировал с теми учеными, которые считали, что фатьяновская культура имела северно-лесной характер. В частности, антрополог много изучал балановский вариант фатьяновской культуры, названной так по раскопанным могильникам возле деревни Баланово в 12 километрах от Волги, что на территории современной Чувашии. Вот что он писал об этой культуре в своей книге «Восстановление лица по черепу»: «Напомним основные элементы этой культуры. Сверленые топоры — очевидно южного типа; вислообушные топоры, несомненно, степного типа; керамика по своим типичным формам не лесная; глиняные колесики от модели повозки указывают на кочевно-степной, а не оседлый образ жизни пришельцев — балановцев. Кости домашних животных, найденные в балановских могильниках, тоже служат доказательством степного происхождения балановцев.

Мы не видим в материальной культуре балановцев ни одного элемента, указывающего на северно-лесное ее происхождение».

Герасимов считал, что пришлые племена имеют южное происхождение и относятся к средиземноморскому типу. Однако Герасимов критиковал тех, кто, как Трофимова, считал, что балановцы пришли из Закавказья. Если говорить в целом, то вопрос этногенеза и прародины балановце в маститый антрополог считал открытым.

Герасимов, основываясь на данных раскопанного могильника у деревни Баланово, выделил среди пришельцев три типа. Первый тип, А, он назвал «основным европеоидным балановским типом (пришельцы)». Для этого типа был характерен череп с удлиненными пропорциями, сильно выступающий нос, слабо профилированные орбиты, общая ортогнатность лица — прямые лица, утопленность челюстей под скулы, мелкие зубы, резко очерченный подбородок, прикус чуть ножницеобразный.

Второй тип, Б, он назвал «метисным балановским типом». В основе этого типа прослеживается большая или меньшая примесь негроидной расы. Герасимов полагал, что этот метисный тип возник в результате скрещивания пришельцев-европеоидов с псевдонегроидным типом лесного неолита Волго-Окского междуречья. Под псевдонегроидами Герасимов имел в виду автохтонное население этих мест. Мало кто сегодня догадывается, что еще четыре тысячи лет назад в лесах на территории Московской области обитали негроиды, или, как их называл Герасимов, псевдонегроиды.

Вот как Герасимов описывает метисный тип Б: «Лицо всегда прогнатное (выступающее вперед), нос всегда средневыступающий, широкий, орбиты высокие, но ниже, чем у типа А, альвеолярный отросток выпукло-прогнатный, высокий, массивный; зубы верхней челюсти

всегда большие, прогнатные, образующие карнизообразный или крышевидный прикус, подбородок направлен книзу». Из этого описания хорошо видно, то негроидные признаки даже у метисов были ярко выражены. Этот тип представлен пятью черепами из могильника.

Весьма интересно было бы предположить, что местные негроидные племена, которых Герасимов условно называл еще дравидоидами, вполне могли послужить основой для возникновения легенд у европейцев о враждебных пришельцам — темнокожих коренных жителях леса. Быть может, они явились прообразами леших, чертей и иных отрицательных мифологических персоналий, в коих нет недостатка в европейской мифологии. Если это было действительно так, то в этом мифологизировании чужаков вряд ли мы сможем сегодня усмотреть проявление расизма, как его понимает современное политкорректное общество. Мифологизирование чужаков было типичной чертой древнего человека. Достаточно вспомнить легенды об албасты. Светловолосую и белокожую деву потомки монголоидных гуннов — тюрки наделяли всякими чудовищными аксессуарами, когтями и копытами, ее обвиняли в злокозненности и злонамеренности. Между тем, вероятно, для европеоидов-кочевников албасты первоначально являлась белой златовласой богиней.

Но вернемся к типологии балановцев. Третий тип, В, антрополог Герасимов назвал «метисным типом В». Этот тип представлен двумя мужскими черепами. Вот что писал Герасимов по этому поводу: «В основе этого смешанного типа лежит балановский тип А (пришлые европеоиды); вторым компонентом являлся сублапоноидный тип, характерный для волосовской культуры». Сублапоноиды — это представители лопаноидной расы — нынешних саамов, локально проживающих сегодня на севере Фенноскандии. Эта раса, вероятно, возникла благодаря смешению монголоидов и европеоидов в глубокой древности. Вот что пишет Герасимов по поводу метисного типа В: «Все лицо Чуть прогнатное (слабо выступающее вперед), нос слабо выступающий, орбиты ниже, чем у типа Б, лицевой скелет, в отличие от типов А и Б, грацильный (изящный), альвеолярный отросток короткий, чуть прогнатный, зубы мелкие, ортогнатные (прямые), прикус щипцеобразный».

Таким образом, по этой классификации Герасимова уже видно, что-балановцы вступали в брачные отношения с местными жителями лесного пояса Европы.

Весьма характерно, что Герасимов стал описывать могильник. Целый череп можно найти именно там. Могилы фатьяновцев обычно не отмечены какими-либо надмогильными сооружениями. В глубоких прямоугольных ямах, выкопанных в слоях гравийного песка, лежат скелеты фатьяновцев: на боку или на спине. Но всегда в скорченном положении — с согнутыми в коленях ногами и руками, поднятыми к лицу. Вокруг скелетов стоят шарообразные сосуды с вертикальным венчиком, сделанные из тонкой, тщательно очищенной глины, покрытые полировкой, на которую был нанесен чрезвычайно изящный узор. Рядом с ними возле скелетов лежат костяные орудия — долота, кочедыки, лощила, кинжалы, а также различные украшения в виде молоточкообразных булавок, подвесок, изготовленные из костей животных, ожерелий из трубчатых костей птиц. Здесь вместе с покойником находится каменное оружие. В основном это топоры. Топоры двух видов: сверленые, изготовленные из тяжелых кристаллических пород, напоминающие томагавки индейцев, но только более тяжелые, а также рабочие — плоские, из кремня. Эти топоры для работы вставляли в костяные муфты, соединенные рукоятками. Даже маленькие мальчики имели игрушечные боевые топорики. В одной из могил рядом с ребенком обнаружена игрушечная глиняная повозка, напоминающая колесницу.

Как оказалось, фатьяновцы были знакомы с металлом. В их погребениях находят бронзовые топоры, копья и даже литые формы, в которых отливались металлические предметы. Кроме того, фатьяновцы были скотоводами. Куски домашних животных — свиней, овец, коз — были положены рядом с умершими, дабы, отправляясь в иной мир, умерший мог отведать знакомой

пищи.

Такое убранство могил отчетливо свидетельствует о заупокойном культе. Вероятно, фатьяновцы верили в реинкарнацию, в то, что они вновь смогут родиться на этой земле. Облегчить новое рождение должна была особая ритуализированная поза эмбриона, в которую укладывали покойного. В Чувашии кроме могильников были обнаружены и укрепленные городища. Аналогичные городища найдены у родственников фатьяновцев в Швеции, Чехословакии, Германии, Польше, Дании и Прибалтике. Всю эту обширную местность, занимаемую пришельцами, специалисты объединяют в мегакультуру «боевых топоров». Аналогичные топоры обнаружены и в различных частях Европы.

Фатьяновцы верили в лучшую долю: их повседневная утварь изготовлена довольно грубо, а вот предметы заупокойного культа выглядят новыми, с тщательной отделкой. Помимо могильников в Европе найдены обширные поселения с наземными домами легкого типа, загонами для скота и амбарами. По большей части их сооружали из жердей и кольев, переплетенных ветками и обмазанных глинами. Получался знакомый нам плетень и мазанки, кои можно встретить и сегодня в южных областях России, Украины, Молдавии.

На вопрос, поставленный в начале этой главы: были ли фатьяновцы арийцами? — мы не можем ответить определенно. Детали заупокойного культа указывают на некоторое родство с арийцами, появившимися в Индии и Иране. Лица пришлых фатьяновцев, еще не вступивших в брачные отношения с местным населением лесной зоны Европы, весьма напоминают лица индоевропейцев. Однако сам факт наличия метисных типов, скрещивания между пришельцами и автохтонным населением Европы указывает на то, что у фатьяновцев вряд ли были кастовые ограничения, которые мы видим в ярком своем проявлении у индоариев. Хотя, конечно, если сказать наверняка, то кто его знает… дело давнее.

Афанасьевцы и андроновцы — арийцы?

Примерно в то самое время, когда степные жители фатьновцы очутились в лесах Восточной Европы, за тысячу километров от них, в евразийской степной зоне на юге Сибири, обитали высокие, статные европеоиды. О них впервые стало известно, когда в 1920 году под горой Афанасьевская на реке Енисей С.А. Теплоухов обнаружил группу могил. Эти могилы представляли собой плоские, выложенные камнем круглые площадки от 2 до 7 метров. Что само по себе, очевидно, указывало на культ Солнца, распространенный у этих племен. Чаще всего скелеты лежали позе эмбриона, в скорченном положении, примерно так, как это наблюдалось в фатьяновских захоронениях. Скелеты были обильно посыпаны кровавиком, красный цвет которого являлся дополнительным подтверждением культа Солнца и, возможно, символизировал материнскую утробу, в которую предстояло войти душе покойного.

Впоследствии выяснилось, что афанасьевские могильники разбросаны в среднем течении Енисея и в горах Алтая (река Катунь). Вот что пишет по поводу убранства могил Герасимов: «В могилах часто удавалось обнаруживать глиняные светильники, курильницы, их формы чрезвычайно близки формам светильников катакомбной культуры волжских степей и Северного Кавказа». Аналогичные светильники были обнаружены и в могилах в степном Крыму. Вероятно, эти светильники клали зажженными в могилы. Делали это не просто так. Душа покойника должна была взять в руки светильник и отыскать дорогу на тот свет, ведь блуждать без огня по незнакомой местности было делом опасным. Кроме того, светильник, положенный в могилу, и сам по себе являлся свидетельством культа огня, развитого у афанасьевцев. В могилах находили кости домашних животных: коров, овец, лошадей. Это также свидетельствовало о развитом заупокойном культе. С собой на тот свет брали и живность.

Археолог Г.Ф. Дебец, анализируя черепа афанасьевцев, отмечал, что все черепа представляют собой однородную серию и они резко отличаются от неолитических монголоидных черепов Прибайкалья. Все афанасьевцы, несомненно, принадлежали к европейскому расовому стволу. Быть может, однородность черепов может свидетельствовать в пользу того, что у афанасьевцев был в ходу культ предков и связанная с этим кастовая система родства, аналогичная арийской?

Однако вот что писал сам Дебец в своей книге «Палеоантропология СССР»: «От современных европейцев афанасьевцы отличаются, однако, значительно более широким лицом. В этом отношении они сходны с верхнепалеолитическими черепами Западной Европы, то есть с кроманьонским типом в широком смысле этого термина». Герасимов, однако, полемизирует с Дебецем по этому важному вопросу о внешнем облике афанасьевцев. В своей книге «Восстановление лица по черепу» он приводит графические реконструкции лиц афанасьевцев и на основе их доказывает, что европейцы-афанасьевцы имели некоторую монголоидную примесь. Этим дело и ограничивалось.

Афанасьевцы были не единственными европеоидами, жителями Сибири в столь далекие времена. Обширные пространства лесостепи и степи от Урала до Енисея, от реки Исети до Средней Азии на грани 2-го тысячелетия до н. э. были заселены племенами андроновцев. Согласно Герасимову, андроновцы контактировали с афанасьевцами, но не контактировали с жителями лесной зоны Сибири — местными монголоидами. Быть может, это является доказательством наличия у андроновцев культа предков и кастового деления? Вступать в брачные отношения с «чужаками» запрещали религиозные воззрения. Как пишет Герасимов, «многочисленные могильники, разбросанные по низинам, распадкам, поймам этого громадного пространства, долгое время были единственными известными памятниками этой поры бронзы».

Андроновские племена рассматривались и рассматриваются многими исследователями как пастушеско-скотоводческие. У андроновцев были практически все домашние животные: лошади, коровы, козы, овцы, свиньи, собаки. В их рационе были мясо, продукты переработки молока: сыр и творог. Они знали ткачество и вязание шерсти, обработку кожи. На голове одного из скелетов в погребении была обнаружена вязаная шапочка из крученой шерсти с ушами (прообраз шапки-ушанки).

Однако, как показали недавние исследования, у андроновцев, вероятно, была каста оседлых земледельцев и скотоводов, а также металлургов. Об этом свидетельствуют остатки пшеницы, бронзовые серпы и мотыги, зернотерки, обнаруженные в большом количестве. Были андроновцы и искусными металлургами. Они добывали руду, дробили ее в специальных ступках, жгли на древесном угле в ямах-печах простой конструкции. Они изготовляли неоднородные сплавы. Местное производство бронзового инвентаря и вооружения подтверждается многочисленными находками литейных форм из мягкого камня. Как известно, для изготовления твердого сплава бронзы нужно соединить в определенных пропорциях два мягких металла: олово и медь.

У андроновцев было богатое вооружение: бронзовые кинжалы с ручкой и двусторонним лезвием, наконечники стрел и копий, узкие, вислообушные топоры, примерно такие, которые встречаются у фатьяновцев. В большинстве случаев орудия литые, а лезвия их кованые, штампованные и гнутые. Таким образом, металлургия была хорошо развита. Это предполагает наличие касты металлургов-кузнецов, передававших секреты своего ремесла от отца к сыну.

Как полагал Герасимов, у андроновцев был в ходу культ Солнца. По крайней мере, об этом свидетельствует семантика орнамента: изгибы (меандры) и прочие затейливые геометрические элементы.

У андроновцев известно по крайней мере шесть женских антропоморфных изображений, вероятно, это фигуры богинь. Одно из таких изваяний найдено в окрестностях улуса Маркова (Хакасия) и изображает женскую фигуру с тщательно отделанными волосами. Оно хранится в Эрмитаже. Это может свидетельствовать о развитом у андроновцев культе матери-прародительницы. Впоследствии мы этот культ встречаем и у греков, и у других европейских народов, а также у индоариев и древних иранцев.

Единство материальной культуры, общность системы хозяйства, а также единство элементов духовной культуры позволяет объединять андроновцев в единую этническую общность.

Однако если в Минусинской котловине — на востоке обитания андроновцев — больше был распространен обряд захоронения, то на западе — в Приуралье — отмечен обряд трупосожжения. Примерно такой обряд мы видим в Крыму, Древней Греции и у индоариев. В Индии сжигание трупов по сей день является обычным явлением. По всей видимости, его принесли в Индию индоарии, покинувшие степные просторы Евразии.

В Греции кремация получила распространение во времена Гомера (VIII век до н. э.). В степном Крыму на рубеже 2-го и 1-го тысячелетий обнаружены грунтовые могилы прямоугольной формы, в которых небольшой кучкой лежат насквозь прожженные и сильно поломанные и измельченные человеческие кости. Трупосожжение явно происходило не на могиле, а в каком-то другом месте. Подобный погребальный обряд был в то время широко представлен у племен андроновской культуры в Южном Зауралье, откуда он, очевидно, и попал в Крым.

Для раннего времени андроновской культуры типичны одиночные могилы с кольцевой оградкой, которая свидетельствует о связи заупокойного культа с Солнцем. Позже могилами сооружают насыпи, наподобие скифских курганов. Обычно насыпи небольшие, но некоторые могилы покрыты громадными курганными насыпями. Это захоронения племенной знати.

Нередко в андроновских могилах мужское погребение сопровождается женским. Причем, как считают антропологи, женщины были насильственно или по добровольному желанию погребены вместе с мужем. Такой обряд встречается и в Индии. По сей день вдова в некоторых районах Индии по своему желанию может последовать вслед за умершим мужем в царство смерти, взойдя на погребальный костер.

Герасимов делает важный вывод, производя обзор андроновской культуры: «Предполагать возможность возникновения древнейшего этапа андроновской культуры в Минусинской котловине на базе местных культур, как мы уже говорили, вряд ли возможно». По характеру культуры и религии, своему этническому и расовому составу андроновцы не имеют отношения к местному неолитическому монголоидному населению.

Герасимов считал, что андроновская культура могла сложиться южнее, где-то в районе современного Казахстана, а затем переместилась на восток, потеснив афанасьевцев. Герасимов подтверждает это допущение тем, что андроновские ножи, кельты и ступки найдены на юге, в районе Семиречья и в бассейне Иссык-Куля. Герасимов высказал мнение, что андроновцы целиком поглотили племена более ранней афанасьевской культуры. Он также говорит о том, что ему известны черепа метисных типов между андроновцами и афанасьевцами. Очевидно, можно предположить, что юноши-андроновцы брали в жены девушек из афанасьевских племен, совершая «рейды» на их территорию.

Анализируя черепа андроновцев, относящихся к разному времени, Герасимов делает такой вывод: «Совершенно очевидно, что андроновцы расселились в Минусинской котловине на Алтае и в Казахстане из какого-то единого пункта, где уже в какой-то мере сложилась их этническая общность. Эта общность сохранялась различными андроновскими племенами на протяжении долгого времени в разных пунктах их расселения. Неизбежно возникающие местные варианты культуры в результате воздействия соседствующих племен не устраняют своеобразной специфики андроновской материальной культуры в целом и, что бывает чрезвычайно редко, некоторого единства антропологического типа». Далее Герасимов поясняет, что андроновский тип был распространен чрезвычайно широко, вплоть до предгорьев Тянь-Шаня, где найдены андроновские могильники, и Средней Азии.

Таким образом, мы можем сделать главный вывод: андроновцы по времени, по культуре и по антропологическому типу вполне подходят на роль арийцев, проживавших в степях Южной Сибири и Средней Азии.

По-видимому, впоследствии андроновцы-арийцы разделились: часть из них ушла в Европу, а часть через горные перевалы Ирана и Афганистана в Индию.

Какая-то часть андроновцев-ариев осталась в местах своего проживания и смешалась с монголоидным населением. На основе пришлого элемента и некоторой части базового андроновского и афанасьевского элемента возникла карасукская культура полуоседлых скотоводов, оставивших свои многочисленные памятники в минусинских степях.

Эта культура получила свое название от реки Карасук неподалеку от села Батени в Хакасии. Именно там были раскопаны первые могилы этой пришлой культуры бронзы. На эту культуру сильное воздействие оказала китайская культура. Что вполне объяснимо. В конце 2-го — начале 1 — го тысячелетия до н. э. карасукские племена перешли через Алтай из Северо-Западного Китая на просторы Хакасии.

Карасукские могилы представляют собой небольшие курганчики и насыпи, из которых выступают вертикальные четырехугольные оградки из вертикально поставленных плит. Основной антропологический тип, по Герасимову, характерный для карасукского времени, обладает чертами дальневосточной монголоидной расы, и в нем уже незаметно сколько-нибудь ощутимых европеоидных черт. Рассматривая один из карасукских черепов, Герасимов

утверждает, что это уже даже не метисный тип, а типичный представитель монголоидной дальневосточной расы, встречающийся у китайцев. Он считает, что афанасьевская культура предшествовала приходу карасукских племен и прекратила свое существование под их непосредственным воздействием. Иными словами, карасукские племена, а также впоследствии гунны и иные монголоидные пришельцы с востока полностью поглотили арийский европеоидный элемент Южной Сибири.

Быть может, небывалое пришествие монголоидов началось гораздо раньше, чем об этом принято думать. И оно послужило толчком для «бегства» ариев в Иран и Индию, где, отделенные от захватчиков горами Ирана и гигантской Гималайской грядой, они и укрылись. Другая часть ариев, желая сохранить свою культурную и этническую самобытность, укрылась в Европе, войдя в леса.

Можно также предположить, что «сбежали» из степей Южной Сибири отнюдь не все европеоидные племена. Некоторые из них вполне счастливо дожили до скифского времени и затем смешались с теми же гуннами и иными монголоидными племенами, начавшими свою экспансию с Востока. Благодаря этому смешению и образовалась так называемая южносибирская переходная раса, которая является антропологической основой для казахов, киргизов, узбеков, туркмен и иных тюркоязычных народов.

Куда ездили арии на своих колесницах

Весьма интересную мысль высказал академик А. П. Окладников в своем послесловии к книге «От Скифии до Индии» Г.М. Бонгард-Левина и Э.А. Грантовского: «…мир в те далекие времена, когда древние арии пасли свой скот на просторных долинах своей прародины, когда они мчались на своих колесницах, сбитых медными гвоздями, был уже тесен».

В этой связи мне вспоминаются колесницы, выбитые на скалах нашего Алтая и Гобийского Алтая — в самом центре Монголии, в колыбели кочевых цивилизаций бронзового века Евразии.

Нельзя не вспомнить в этом плане также и то, как неожиданно и, можно сказать, эффектно появляется металл, а вместе с ним и колесницы в далеком Китае иньского времени… И.Г. Андерсон написал интересную работу: «Путь через степи» — от Черного моря до Тихого океана. И нет никакого сомнения, что по этому пути в бронзовом веке действовали предки индоевропейцев, в том числе, очевидно, отдаленные предки славян… Параллельно со степным путем пролегала другая — таежная «магистраль» древних, культурных и этнических контактов, имевшая особо важное значение на раннем этапе развития бронзовой металлургии меди и бронзы, во втором тысячелетии до нашей эры».

Таким образом, по Окладникову, зона действия древних европеоидов распространялась на огромные расстояния от Черного моря до Тихого океана. Окладников знал, о чем писал, он лично руководил работами по раскопкам многих могильников и поселений в Сибири и Монголии.

А вот что пишут в своей популярной книге «Евразийская империя скифов» Ю.Д. Петухов и Н.И. Васильева: «Уже в 3-м тысячелетии до н. э. Южная Сибирь была заселена народами арийского происхождения, носителями афанасьевской земледельческо-скотоводческой культуры. На смену афанасьевцам пришли другие арии, андроновцы; андроновская культура XVII–IX вв. до н. э. заложила в этом регионе основы последующих культур железного века. Восточный Туркестан (провинцию Синьцзян), по крайней мере, уже в 1-м тысячелетии до н. э. населяли люди европеоидной расы…

Китайская цивилизация формировалась почти одновременно несколько южнее — в бассейне Хуанхэ. От арийского Туркестана и Монголии, вернее, тогда еще Турана ее не отделяли никакие естественные границы. Можно предположить, что эти цивилизации взаимодействовали. Следы взаимодействия обнаружены археологами. Уже первые исследователи древнейших земледельческих культур Китая обратили внимание, что они имеют… западные, «европейские» черты… К примеру, керамика Яншао обнаруживает поразительное сходство с керамикой очагов древнего земледелия — Анау в Средней Азии и Триполья на Украине… В эпоху Инь в Китае появилась технология изготовления бронзы. Причем в готовом виде. Она была принесена из развитого центра металлургии в районе Тянь-Шаня и Алтая, где, по-видимому, и был открыт способ ее изготовления. Другое новшество иньской эпохи — колесница. Ей не предшествовали местные формы колесного транспорта».

То, на что лишь намекал академик Окладников, Петухов и Васильева не побоялись выразить открытым текстом. Они прямо говорят о том, что китайская цивилизация была создана белыми пришельцами с Запада. Исследователи развивают дальше свою мысль так: «Антропологический тип древнего населения берегов Хуанхэ был в общем тот, что и у китайцев. Однако в бассейне Вайхэ люди отличались более высоким и широким лицом… тем, чем и теперь отличается европеоидная раса от монголоидной.

О том, что люди белой расы были непосредственными соседями царства Инь, свидетельствуют захоронения в гробницах его столицы, «великого города Шан».

Все дело в том, что у иньцев в ходу был обычай приносить в жертву всех военнопленных, которых им удалось захватить на поле боя. В погребениях города Шан обнаружены останки европеоидов. Исследователи полагают, что это военнопленные евразийцы, захваченные китайцами и принесенные в жертву. Однако можно выдвинуть и иную версию, которую, кстати сказать, высказывали и другие ученые, что в городе Шан открыты погребения европеоидов, принадлежавших к правящему классу — к местной родовой аристократии. Тогда становится понятно, каким образом в иньский Китай попали секреты выплавки металла, колесницы и иные изобретения индоевропейцев.

Таким образом, основываясь на этом тексте, можно предположить, что первыми императорами Китая были белые люди.

Вот к какому общему выводу приходят Петухов и Васильева: «В Центральной Азии 5—2-го тысячелетий до н. э. существовала цивилизация, созданная народом белой расы, индоевропейской языковой семьи. Эта цивилизация освоила земледелие и скотоводство, колесный транспорт, производство бронзы и позднее — железа; имела собственную письменность. Все эти достижения были принесены ею в район верхнего и среднего течения реки Хуанхэ. Там центральноазиатские арии вступили в контакт с местным населением, говорившим на языках сино-тибетской семьи…»

Исследователи подводят итог: «Финал древней цивилизации Центральной Азии был таков. После захвата в веке до н. э. чжоусцами царства Инь правящая династия быстро растворилась в местном населении». Иными словами, европеоидный элемент правящей династии бесследно растворился в китайской общности.

А вот что писали по поводу происхождения китайцев три гора: Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. своей работе «Древние китайцы: проблема этногенеза»: хотя принадлежность всех китайцев к тихоокеанским монголоидам, аборигенам Восточной Азии не вызывает сомнения, можно было бы предполагать, что на северо-западных рубежах расселения протокитайских племен в их состав вошли какие-то европеоидные расовые компоненты».

И в самом деле, вся дальневосточная малая раса, к которой принадлежат и китайцы, и японцы, и корейцы, выглядят нестоль уж монголоидно, как представители североазиатской малой расы, к которой принадлежат эвенки, якуты, буряты, монголы и иные современные народы Сибири и Монголии. Самый монголоидный из всех современных типов, пожалуй, байкальский антропологический тип. Есть основания предполагать, что представители этого типа являются прямыми наследниками древних палеоазиатов.

Как известно, Герасимов восстановил лицо по черепу, найденному А. П. Окладниковым в 1947 году в одной из плиточных могил в среднем течении реки Селенги в Забайкалье. Эти могилы относятся к финальной стадии сибирской бронзы, то есть к первой половине 1-го тысячелетия до н. э. Поскольку для определения расовой принадлежности по черепу имеет большое значение его лицевой скелет, то Герасимов сосредоточил свое внимание именно на степени выступания носовых и скуловых костей. Антрополога заинтересовали необычные пропорции лица.

Он пишет: «Лицо черепа еще более плоское, чем у современного бурята… ширина лица особенно разительна при его небольшой высоте… такая высота лица — не редкость у европейских черепов… Сильно развитые надбровные дуги в равной степени характерны как для монголоидов, так и для европеоидов… Очень узкий лоб указывает скорее на монгольский тип, как и в равной степени и малая высота свода черепа. Это также редко встречается у типичных европеоидных черепов, зато весьма характерно для монголоидов Центральной Азии… Таким образом, описываемый череп по большинству признаков сходен с черепами монголов, забайкальских бурят, тувинцев и родственных им народов. Некоторое влияние европейской

примеси на тип черепа из плиточной могилы возможно, но не доказано».

Далее Герасимов пишет весьма интересную фразу: «Попытки Г.П. Сосновского сопоставить материал из каменных могил Забайкалья с материалом из карасукских могил в лесной полосе Красноярского края… антропологически не подкрепляются; черепа людей карасукской культуры хоть и монголоидны, но имеют иное, дальневосточное происхождение». Таким образом, антрополог утверждает следующее: люди из Забайкалья, захороненные в плиточных могилах, являются представителями североазиатской малой расы, к коей относят эвенков, бурятов, якутов, монголов и т. д., а вот черепа представителей карасукской культуры принадлежат типичным китайцам. Это утверждение антрополога является весьма важным. Ибо оно проливает свет на то, кем в действительности были карасукские племена, на 200–300 лет захватившие Минусинскую котловину, а также кем были гунны.

Череп из плиточной могилы на реке Селенге Герасимов сопоставляет с черепами гуннов. Он также высказывает мысль, что гунны пришли на территорию Забайкалья из каких-то других мест и они не являются коренными жителями Минусинского края и Алтая, где в то время обитали представители европеоидного типа. При этом сами гунны сохранили древний палеоазиатский тип.

Таким образом, приобретает новые краски предположение Герасимова, что афанасьевская европеоидная культу фа дожила до времени вторжения карасукских племен и прекратила свое существование под натиском китайских завоевателей. Гунны же, вероятно, пришли на смену еще: остававшимся в Южной Сибири потомкам андроновцев и других европеоидов, обитавших еще в степях Евразии.

О чем молчат каменные стелы минусинских степей

Новая индустриальная эра началась тогда, когда по всему бескрайнему пространству Евразии вместе с секретами выплавки металла распространилась единообразная форма вооружений. Вместе с топорами, кинжалами, орудиями труда, разнообразными украшениями и утварью, котлами скифского типа, удилами и псалиями широко распространяются также кони и колесницы. По правде сказать, конь на Урале был одомашнен задолго до появления металла, но после появления металла возникают настоящие скотоводческие общества, постоянно мигрирующие в великом степном поясе Евразии. Происходит это, по мнению специалистов, на рубеже 2-го и 3-го тысячелетий до н. э.

Поскольку месторождения меди и олова находятся в определенных метах, например на Алтае и за Байкалом, то металлурги и литейщики должны поневоле входить в контакт друг с другом, дабы, соединив два мягких металла, создать твердый сплав — бронзу. Это способствует формированию особой касты металлургов, передающих секреты мастерства от отца сыну.

Металлические украшения, доспехи, защищающие всадника и лошадь, рукоятки оружия, ножны и прочее выполняются в особом художественном стиле, который у историков получил название «степной скифо-сибирский звериный стиль». Для этого стиля характерны наполненные борьбой и страстью позы, необычная стилизация, сочетаемая с реалистической точностью изображаемых животных. Сами животные порой фантастичны.

Зарождение и развитие этого стиля наблюдается в недрах медно-каменной культуры афанасьевских племен. От них этот стиль переходит к карасукцам, во многом носителям иной китайской культуры. От них и к тагарцам, строителям громадных, поражающих своей монументальностью курганов. Тагарцы уже были современниками скифов. Как полагает А.П. Окладников, тагарцы говорили на восточноиранском языке. О связи тагарцев с современными таджиками говорит, например, такой факт: одна из крупнейших рек Северной Азии, на которой стоит город Новосибирск, называется Обь. «Объ» у таджиков означает воду. На общность тагарцев и таджиков указывает принадлежность и тех и других к переходной южноуральской расе. В состав данного антропологического типа вошли древние европеоиды Сибири и пришлые монголоидные племена китайцев и гуннов.

Интерес к культуре Сибири проявился особенно ярко в петровское время. Царь Петр послал в Сибирь собирать минералы и неведомые растения и животных для своей Петербургской кунсткамеры Д. Мессершмидта. Ученого, впервые оказавшегося в Сибири, поразило то обстоятельство, что посредине широкой Минусинской долины то здесь, то там встречаются огромные каменные, нередко антропоморфные стелы с вытесанными на них загадочными рисунками и письменами.

Очередная такая стела, которая привлекла внимание ученого, была вытесана из огромной глыбы гранита. Она была доставлена и вкопана посреди степи в былые времена из далекой горной гряды. На каменной стеле явственно проступали какие-то неведомые письмена. Эти письмена не были ни латинскими, ни греческими, однако чем-то напоминали руны, эти магические знаки, выбитые на каменных глыбах у могильных курганов варягов Скандинавии.

Однако из-под надписей проступали контуры антропоморфных изображений с некоторыми звериными чертами. Так, у людей этих были ветвистые рога, отчасти похожие на оленьи, острые, как у волка, у уши, а на их лицах можно было увидеть три глаза. Еще более интересны были изображения змей, выбитых у ног этих фигур.

Впоследствии тюрколог В. Томсен и академик В. Радлов установили, что эти надписи были нанесены на эту и другие подобные стелы тюркскими племенами Южной Сибири и Монголии.

Именно эти племена явились основой для создания во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. грандиозной, но недолговечной кочевой империи гуннов.

Однако прошло еще несколько десятков лет, пока ученые поняли значение древних изваяний, на которых тюркоязычные народы высекали свои эпитафии. Оказалось, что древние тюрки — енисейские кыргызы — не имели никакого отношения к создателям этих стел. Кроме того, удалось выяснить, что не были их создателями и древние тагарцы. Как считают ученые, тюркоязычные жители Среднего Енисея пользовались готовыми каменными столбами, чтобы мимоходом высекать на них свои эпитафии, воспевавшие вечную память павших героев.

Возник закономерный вопрос: может быть, создателями таинственных минусинских стел являются предшественники монголоидных тюрков — голубоглазые и рыжеволосые ираноязычные европеоиды?

Однако в начале 1970-х годов этот вопрос вроде бы счастливо разрешился. Ученые определили, что в начале 2-го тысячелетия до н. э., по крайней мере четыре тысячи лет назад, в минусинской степи процветала так называемая окуневская культура, получившая свое название по названию могильника около Окунева улуса на Енисее.

Окуневскую культуру в первую очередь отличали от других древних культур Сибири антропоморфные изображения и причудливой формы мифические звери. Очевидно, они и явились прототипами так называемого звериного стиля, получившего значительно позднее широкое распространение у царских скифов.

Помимо этого выяснилось, что стелы с изображением быкоголовых божеств — «минотавров», которые ученые до этого считали карасукскими, вовсе не карасукские, а старше по крайней мере на пятьсот, а то и на тысячу лет! Так был развеян грандиозный миф о происхождении теперь уже так называемой карасукской культуры с Востока. Именно окуневцы, люди ранней бронзы, воздвигли эти стелы с изображением человеческого тела со звериными головами. Разного рода сюжеты окуневских стел не похожи друг на друга. Однако их объединяет нечто общее: обычно это огромные изваяния, которые видно издалека в просторах степей.

Однако и это объединяющее свойство, гигантизм, не является определяющим. По всей видимости, в былые времена создавались и небольшие скульптурные изображения, которые со временем разрушались: специально или непроизвольно они погребались под слоями земли и потому в гораздо меньшей степени доступны для исследования. Одно из таких небольших изваяний, найденных в Хакасии, местные жители называли «ребенком каменной старухи». Его длина всего около полуметра. Другое такое изваяние было найдено не где-нибудь, а на территории новосибирского Академгородка. При строительстве здания бульдозерист вывернул его на поверхность земли. Это небольшой, похожий на сигару камень. Камень этот подобрал военный старшина и, как человек хозяйственный, приспособил в качестве гнета в кадку с кислой капустой. О находке узнали курсанты, которые заинтересовались необычными узорами на камне. Один из них стащил у старшины этот камень и принес археологам.

Если смотреть на этот необычный камень анфас, то видна рыбья голова с открытым ртом и двумя круглыми глазами. На спине этой длинной рыбы, похожей по своим пропорциям на сома, древний художник запечатлел человеческую фигуру с тремя круглыми глазами и кривым бычьим рогом на голове. Подобные изображения часто встречаются на минусинских стелах-монументах. Вторая человеческая фигура вырезана у хвоста рыбы. Ее отличают узкие ребра. На широкой нижней поверхности, на брюхе каменной рыбы вырезаны три очертания круга. В каждом круге расположен крест — символ космоса. Это солярные аки. Возле них изображена большая змея, свернутая семеркой, с головой гадюки. К тому же около трех солнц вырезана небольшая фигура оленя, очевидно марала.

Здесь надо пояснить, что олень был тотемом древних обитателей степной Евразии начиная

с Ордоса и скалистых нагорий Тибета на востоке и кончая Причерноморьем, долинами Днепра и Дуная.

Всюду, где кочевали скифы, можно встретить высокие курганы, похожие на сопки. В них часто встречаются изображения солнечного оленя, золотые рога которого, по поверьям, приносят счастье. Эти рога освещают землю днем. Именно поэтому в Крыму — на месте нынешнего Симферопольского водохранилища, на правом берегу Салгира в основании огромного кургана, раскопанного археологами перед затоплением этой местности, было обнаружено кольцо, выложенное камнем, диаметром 12 метров. В центре этого каменного кольца — кромлеха, символизирующего солнце, была обнаружена большая могила, заваленная камнями. Но в могиле, кроме черепа благородного оленя, ничего не было. Такая могила называется кенотаф. Она обычно сооружается в честь человека, убитого где-то в другом месте.

Позже в Крыму были найдены еще две могилы с погребенными в них останками оленя. Все они относятся к началу 2-го тысячелетия до н. э. Они свидетельствуют о культе светозарного оленя — солнечного божества. Вероятно, за этим стоит некая мифологема: благородный олень должен был доставить умершего вновь в страну живых из страны мертвых. Обычай ритуальных похорон тотемного оленя встречается в эпоху бронзы и в Сибири, и в иных местах Евразии. Это свидетельствует о единстве культуры.

Одним словом, окуневская стела сразу показала ученым многообразный символический культурный пласт, который является типичным для племен, обитавших на огромном расстоянии в тысячи километров и связанных друг с другом единством религиозного мировоззрения.

Помимо прочего, окуневская стела показывает трехчастное деление мира: на верхний мир, который символизировали собой благородный олень и солнечные круги, на средний земной мир, которые символизировали изображения людей, и на нижний мир, который символизировала змея. Такое деление типично для индоевропейцев. Весь космос был объединен дородным телом рыбы.

А.П. Окладников, исследовавший стелу из Академгородка, так пишет о ней и людях, ее создавших, в своей книге «Открытие Сибири»: «Примерно во второй половине 2-го тысячелетия до н. э. в степях Забайкалья и Монголии уже сложилось, должно быть, огромное по территориальным масштабам племенное объединение. Оно имело однородную внутреннюю структуру. Вело одинаковый образ жизни. Создало единую духовную культуру, свидетельством чего служит единство искусства, своеобразный звериный стиль с образом солнечного златорогого оленя в своей основе».

Вероятно, из этих мест отправилась в свой южный поход некоторая часть этого общества, названная нами ариями.

Кто принес в Европу руны и изображения диковинных зверей?

Однако во всю эту историю с окуневскими каменными стелами, рассказанной Окладниковым в своей книге «Открытие Сибири», может быть, вкралась некоторая неточность. Ученые определили, что на ранее созданных окуневских стелах тюркоязычные жители Среднего Енисея высекали свои эпитафии. Но кто именно были эти жители, как они выглядели? И потом, почему некоторые знаки на окуневских стелах так подозрительно похожи на скандинавские руны? Быть может, все-таки эпитафии выбивали белокожие, голубоглазые и рыжеволосые европеоиды, а не монголы-пришельцы?

Ему удалось вскрыть одно из плиточных захоронений, вероятно относящихся к гуннской эпохе. Плита в шесть квадратных метров оказалась абсолютно неподъемной. Пришлось вырывать своеобразный подземный лаз в могильник. В нем оказался скелет мужчины-европеоида очень высокого роста. Время погребения было ориентировочно установлено около трех тысяч лет назад. Где-то в том же районе были обнаружены наскальные «руны», высеченные предположительно в 1-м тысячелетии до н. э.

Основываясь на этих данных, изложенных самим Ефремовым, исследователь В. Щербаков скрупулезно сопоставил срисованные руны с настоящими исландскими рунами, обнаруженными на полях старинных рукописей. Это сопоставление выявило удивительное сходство, которое не объяснишь иначе как заимствованием. Но кто у кого заимствовал? К тому же Монголию и Исландию отделяют тысячи километров. Можно предположить, что для ариев, обитавших на этих пространствах, такие расстояния были преодолимы, ведь в их распоряжении были выносливые кони и быстроходные колесницы.

Это предположение Щербакова не исключает и не опровергает данные лингвистов, которые установили связь окуневских «рун» с тюркоязычным населением Южной Сибири и Монголии. Помните древнюю легенду возникновения племени тюрков? На некое доблестное племя вероломно напали захватчики; они уничтожили всех; но выжил один изувеченный мальчик, которого вскормила волчица. Волчица родила десять сыновей, которые взяли замуж девушек из горной гряды Гаочана — Восточного Тянь-Шаня.

Кстати, это не такая уж фантастическая легенда. По крайней мере, она имеет свой аналог у римлян. Помните легенду о капитолийской волчице, вскормившей двоих братьев Ромула и Рема?

Быть может, в легенде о происхождении тюрков отражены реальные события. В самом деле, тюркоязычные народы по своему антропологическому типу принадлежат к переходной расе. Если предположить, что их предками были европеоиды, обитавшие в степях Южной Сибири, и они в самом деле подверглись нападению, то можно предположить и другое — что выжившие вступили в брачные отношения с местными монголоидными жителями горного пояса. Таким образом образовалась эта южносибирская переходная раса, к которой и относятся тюрки.

Древнекитайские рукописи II века до н. э. рассказывают о высокорослых людях с рыжими волосами и длинными носами. Их называют бай. Другим свидетельством подобного рода являются фрески в пещерах Северо-Западного Китая. На них изображены рыжеволосые всадники. В этой связи можно вспомнить так называемые таримские мумии, обнаруженные в песках Таримской котловины. Эти захоронения по своему антропологическому типу и общности культуры похожи на захоронения на территории Казахстана женщин-кочевниц, относящихся к

VII–III векам до н. э. В районе Покровки на российско-казахской границе изучены свыше пятидесяти таких захоронений. Они принадлежали кочевникам-сарматам, жившим между Доном и Южным Уралом. Это в определенной степени схоже с сообщениями Геродота о воинственных амазонках. Таким образом, преемственность рыжеволосого европейского типа прослеживается в районе Южной Сибири, Монголии, на степных пространствах от Дона до Урала на протяжении нескольких тысячелетий.

И в самом деле, поневоле возникает ассоциация с рыжеволосыми кельтами.

Если допустить миграцию европеоидов из Сибири и Монголии в сторону Европы, тогда все встает на свои места: получает объяснение «необъяснимое» сходство ирландских рун и рунических знаков, выгравированных на стелах Минусинского края и на скалах Монголии.

О кельтах известно, что они первоначально жили в Центральной Европе, к северу от Альп. Во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. кельты расселились на Европейском континенте и британских островах. Однако остается неизвестным, как кельты оказались в Центральной Европе. Быть может, они мигрировали в Европу из Южной Сибири?

Античные авторы отмечают, что у кельтов развита вера в загробную жизнь и жизнь после смерти, а также практика жертвоприношений. В искусстве кельтов был распространен звериный стиль, аналогичный скифскому. На бронзовых котлах сохранились изображения чудесных крылатых зверей с клювами хищных птиц, что по виду похожи на скифских грифонов. Их окружают фигуры диких пятнистых кошек — по виду леопардов, а также змей. На этих же котлах можно видеть изображение бородатого жреца, воздевшего руки, и колесниц и воинов в рогатых шлемах.

На одном из кельтских котлов I века, хранящемся в национальном музее Копенгагена, мы видим изображение благородного оленя с ветвистыми рогами. Рядом с ним сидит в характерной позе индийских йогов некий человек, по виду жрец. В одной из его воздетых рук зажато магическое кольцо — символ Солнца, в другой зажата голова змеи. Длинное туловище этой змеи, свернувшееся кольцом, покоится у ног «йога». На голове у жреца возвышаются два оленьих рога. Вокруг этой центральной группы персонажей изображены козлы, бараны, волки, дерущиеся диковинные звери, лошади, а также небольшой человек, оседлавший плывущую рыбу.

До нашего времени дошло галльское божество в виде каменной антропоморфной стелы. На груди у божества выбито небольшое, но тщательно проработанное изображение священного кабана.

Все эти сюжеты весьма напоминают иные сюжеты окуневских каменных изваяний.

Весьма показательно, что кельтские предания о божественных животных рисуют нам мифологическую картину мира. Так, ядро ирландского эпического повествования похищение быка из Куальнге» составляет сюжет о борьбы двух быков: Финдбеннаха и Донна Куальнге. Донн Куальнге, победив своего противника, разбрасывает части его расчлененного тела по всей Ирландии. При этом он дает различные имена тем или иным местностям. Здесь мы видим в явной форме некий ремейк древнего ритуала жертвоприношения. Оба персонажа приняли облик быков, лишь пройдя серию чудесных превращений. Они последовательно превращались в ястреба, коршуна, водяных животных и рыб. Все это весьма напоминает шаманские обряды коренных жителей Сибири, а также русские сказки, в которых такие превращения героев весьма обычны. Среди особо почитаемых кельтских животных — кабан. Это животное тесно связано с потусторонним миром. Здесь можно привести аналогии из осетинского эпоса, в котором чудовищных размеров кабан является властителем царства мертвых и которому еженощно приносятся человеческие жертвы. Культ кабана был распространен и в Галлии. А в римское время он был связан с Меркурием. Сохранилась культовая заупокойная повозка с колокольчиками, типа колесницы, на которой изображен скачущий всадник, преследующий

кабана.

У кельтов также был особенно распространен культ лошади, связанный с солнечным культом. Сохранилось древнее предание о герое, который имел лошадиные уши. Богиня Эпона, жена владыки подземного мира, имела облик лошади. Очевидно, с этим культом был связан ритуал священного брака короля с лошадью. Этот ритуал аналогичен индийскому ритуалу ашмаведха.

Все эти священные звери в той или иной степени представлены и в русских народных сказках. Это позволяет увидеть мифологические параллели, которые связывают всех индоевропейцев.

Так, сохранилась русская народная сказка, записанная в XIX веке: «Свинка золотая щетинка». В ней Иван-дурак соперничает со своими умными братьями. Однако именно ему, «дураку», удается последовательно достать по приказу царя Свинку — Золотую щетинку, потом золоторогого оленя, а затем золотогривого коня. Все эти богатства Иван-дурак обменивает своим братьям на их отсеченные мизинцы на руках и ногах и вырезанные из их спины ремни. Когда доходит дело до дележки царского наследства и до женитьбы на Царевне неоцененной красе, умные братья Ивана-дурака предъявляют царю чудесных зверей, а сам Иван-дурак отрезанные мизинцы и ремни из спины своих братьев. В результате царь делает вывод, что это Иван-дурак, а не его братья добыли чудесных зверей. Ему по праву переходят и все царство, и Царевна неоцененная краса.

Здесь мы видим намек на древнее жертвоприношение, распространенное, по-видимому, у индоевропейцев. Свинка — Золотая щетинка, золоторогий олень и златогривый конь наверняка символизировали тотемных «солнечных» животных, которые в особых случаях приносились в жертву. У арийских племен, пришедших в Индию, была распространена практика жертвоприношений священных животных. Особой почитаемой жертвой считался белый конь, символ Солнца.

Индоевропейский огненный змей шествует по миру

У галлов божеством Солнца являлся Беленос. Само имя этого божества указывает на белый цвет. С Беленосом было сопоставимо другое солярное божество — Граннос. Имя ирландского женского божества Солнца Греине, вероятно, происходит от слова «гриан» — Солнце. Однако на кельтских котлах мы можем видеть странный трехголовый персонаж, который не имеет своего имени. Очевидно, этот персонаж восходит к глубокой древности, к периоду индоевропейского единства. У трехголового божества в руке зажата змея.

Другое изображение показывает нам группу из трех богинь-матерей, сросшихся телами. Очевидно, перед нами один из тех архаических божественных персонажей, о ком в последующее время не принято было распространяться.

В этой связи можно вспомнить славянских трехголовых тритонов и триглавов, о которых тоже мало что известно.

Вообще надо сказать, что древние славянские языческие божества отличает многоголовость. В этой связи можно вспомнить четырехликого Збручского идола. Как предполагают филологи, в образе этого четырехголового божества балтийских славян объединились четыре бога пантеона: Яровит, Руевит, Поревит, Поренут. Эти божества мало что могут сказать современному читателю. Однако в древности, вероятно, они обладали божественной волей и силой объединенного пантеона. В божество Триглав, как полагают, объединились божественные представители всех трех миров: горнего, земного и подземного. Аналогичным образом по той же схеме, быть может, образовано трехголовое божество индуистского пантеона Тримурти, в нем объединились три главных божества индуизма: Брахма, Вишну и Шива.

Славянское божество Семаргл олицетворяло собой семь главных божеств, объединенных одним телом. У Семаргла было семь голов. Весь божественный пантеон представлял собой двенадцатиголовое божество.

Косвенным свидетельством, что у древних ариев, обитавших в Южной Сибири в эпоху бронзы, были аналогичные многоголовые божества, являются данные из монгольской мифологии.

Так, в фольклоре монгольских народов существует Аврага Могой, многоголовый гигантский змей. Этот персонаж восходит к эпохе великих героев. Само имя змея напоминает по своему произношению словосочетание «Могучий враг». Согласно поверьям, этот змей некогда похищал людей и скот, воровал женщин. Однако побежденный богатырем змей был помещен внутрь горы, вход в которую богатырь предусмотрительно завалил камнями.

Другой аналогичный персонаж той же эпохи у монголов — это мангус. По устной бурятской версии древнего мифа, мангусы возникли из частей тела побежденного злого владыки неба Ата Улана. Этот восточный тенгри был побежден добрым западным тенгри, его тело было расчленено и сброшено вниз, на землю. Жилища мангусов — это кочевая юрта, укрепленная княжеская ставка, терем и дворец. У мангусов отсутствуют имена, которые заменяют весьма характерные описательные прозвища: Пятнадцатиголовый Атгар Желтый Мангус, Двадцатипятиголовый Хотгор Черный Мангус. При этом слова «атгар», «хотгор» переводятся как «свернувшийся», «переплетенный». По одному этому уже видно, что мангусы змееподобны. Их отличительный признак — множество голов. Причем некоторые прозвища мангусов указывают на их индоевропейское происхождение. Например, прозвище Асуранский желтый мангадхай, вероятно, образовано от древнеиндийского «асура» — демон.

Весьма интересно, что в бурятском фольклоре утроба мангуса вмещает толпы проглоченных

им стад и людей; при этом мангус считается хранителем «внешних душ», что указывает на изначальную связь чудовища с идеей реинкарнации и загробного мира. Чтобы окончательно одолеть чудовище, герой должен вызволить эти души из плена. Мангус не одинок. В эпосе часто фигурирует семья мангуса: его мать, старшая сестра и сын. Сын — это чудесный младенец, лежащий в железной люльке или выходящий из утробы матери. Его не берет ни меч, ни пламя, одолеть его можно, только прибегнув к волшебству.

Мангусы разоряют родину, семейный очаг, берут в плен подданных, угоняют скот, но чаще всего уводят жену и дочь. Похищение невест — это основная функция мангуса. Само имя «мангус» может быть истолковано как древнее «манн» — человек. В калмыцком эпосе действует многоголовый человекоподобный демон мусс, который после заката солнца появляется из камышовых зарослей и нападает на жилища и ворует женщин. Здесь угадываются реальные черты народа, длительное время жившего по соседству с монголами. У дунган фигурируют семиголовые антропоморфные мынгузы, одна из голов которых лошадиная и огнедышащая. Огнедышащий конь — это частый персонаж и русских сказок («Сивка-Бурка»).

У алтайцев мангус не так безобразен: Ай-Мангыс — это имя эпического богатыря. У тюркско-монгольских и тунгусо-маньчжурских народов слово «мангус» и иные похожие слова: «могус», «мое» и т. д. — предполагают и иную, положительную интерпретацию образа героя-богатыря. При этом нередко герой остается многоголовым.

В сказочно-эпических сюжетах монголов Аврага Могой нападает на гнездо гигантской птицы Хангарид, но эпический герой спасет ее птенцов. Это весьма напоминает древнеиндийский миф о борьбе гигантской птицы Гаруды со змеями, а также сюжеты тюркских народов о нападении дракона Аждарха на птенцов птицы Симург, с последующим спасением этих птенцов героем-богатырем. Все эти сюжеты могут свидетельствовать о единой мифологической основе этих преданий у монголов, тюрков и древних индусов.

Можно предположить, что образ многоголового змея некогда обожествлялся индоевропейцами, жившими в Южной Сибири. Недаром в мифологии уйгуров и китайцев существует такой персонаж — божественный дракон Лу. Он владыка вод и громовержец. Гром возникает, когда Лу скрежещет зубами и ревет; а молния возникает оттого, что Лу быстро свивает и распрямляет свой хвост. Громовержец Лу причисляется к небесным богам — тенгри. Отсюда его имя Лу-тенгри.

Согласно тибетской мифологии, Государь-владыка неба вылупился из змеиного яйца в виде дракона, но оставаться им не пожелал и был сделан богами управляющим водной стихией. Поэтому он активен лишь в летние месяцы. Зимой он спит в пещере под землей или на дне водоема и пробуждается весной. В бурятской мифологии седобородый старец в белых одеяниях Уха-лосон живет на дне моря в серебряном дворце. В китайской мифологии Лун-ван — царь драконов. У него семь братьев. Существовало представление о четырех главных Лун-ванах, которые являются хозяевами четырех главных рек Китая. В поздних верованиях Лун-ван рассматривается как «владыка стихий», которому подчинены бог грома Лэй-гун, богиня молний Дянь-му, бог ветра Фэн-бо и хозяин дождя Юй-ши. В поздней фольклорной традиции Лун-ван — это старец, который живет в хрустальном подводном дворце Лунгин (драконовом дворце). Он владелец несметных морских сокровищ. В его подчинении находится целое воинство: чёрепахи, каракатицы, креветки, которые обладают магическими способностями к оборотничеству. Мифы о Лун-ване весьма показательны. Земной герой спасает Лун-вана от беды. В результате старец приглашает его в свой драконовый дворец и отдает ему в жены свою дочь. Та, родив сыновей герою, вынуждена по настоянию отца вернуться назад в водную стихию. Эти сюжеты близки, например, к сюжету известной былины «Садко», где фигурирует Морской царь и его дочь, на которой Садко женится.

Культ Лун-вана был чрезвычайно распространен в Древнем Китае. Храмы, посвященные ему, стояли в каждом городе и каждой деревне, у рек, озер, мостов, переправ и ручейков. Его заступничества просили моряки и земледельцу. Во время засухи статую Лун-вана выносили из храма и ставили на солнцепеке, а во время наводнения ее носили, дабы показать Лун-вану масштабы разрушений. Если это не помогало, то статую топили в море. Китайские императоры присваивали Лун-вану различные почетные титулы, а иногда за неподобающее поведение понижали в чинах и подвергали остракизму, отправляя его изваяния в ссылку.

В буддизме существуют аналогичные персонажи — Наги. Главный Наг соответствует «царю змей» Лу или дракону Лун-вану. Со змеиной царевной должен был вступать в интимную связь и кампучийский правитель, спускаясь в опасное путешествие в преисподнюю. Эти соответствия указывают на древнейший культ дракона, быть может впервые зародившийся в степях Азии. Вероятно, первоначально хозяином водной стихии являлся дракон, впоследствии его «победил» драконоборец-герой, присвоивший его функции.

Помимо прочего надо отметить, что в образе трехголового дракона, особенно близкого по своей харизме русскому человеку, соединились божества трех миров, а также три тотема: птица (небо), конь (земля), змея (подземный мир). Такая трехчленная система сакрального мира соответствует модели Мирового древа: с ветвями, поддерживающими небо, стволом — средним миром и корнями — подземным миром. У корней Мирового древа, свернувшись, дремлет пернатый змей. У индоевропейцев длительное время сохранялись обряды почитания крылатого змея во время жертвоприношений. Позднее это нашло воплощение в ритуале вызывания дождя, когда жертвенных змей бросают в кипящий котел.

Негативное восприятие змей относится к поздним этапам индоевропейской мифологии. Это нашло свое выражение в многочисленных мифах о борьбе героя со змеем. Так, в древнегреческом мифе Геракл сражается с девятиголовой Лернейской гидрой. Голова греческой горгоны Медузы увенчана змеями. Именно эту голову отрубил Персей. Однако у скифов, вероятно, длительное время сохранялся положительный образ горгоны Медузы. По крайней мере, об этом можно судить по бронзовому панцирю, который был найден в одном из скифских курганов Причерноморья. На нем изображена голова горгоны Медузы. Имя русского Змея Горыныча также похоже на слово «горгона», что может свидетельствовать об их этимологической связи. Имя Горыныч, вероятно, образовано от прилагательного «горный»; все вместе «горный змей». И в самом деле, во многих мифологиях огнедышащий змей находится внутри горы, помещенный туда героем-богатырем, что рождает определенные ассоциации с вулканом. Быть может, образ огнедышащего змея и последующего потопа был связан с извержением вулкана Санторин в Эгейском море и с прорывом вод Атлантики в Средиземное и Черное моря.

На острове Крите, на Балканах, а также в Малой Азии, Сирии в 6—4-м тысячелетиях до н. э. был распространен культ змей. О чем, в частности, свидетельствуют находка на острове Крит статуэтки жрицы со змеями в поднятых руках, а также трипольские культовые сосуды и крашеная керамика с изображением змей. Позднее у славян также был распространен культ змей. Об этом свидетельствуют бронзовые украшения: браслеты, серьги и т. д. в виде свернувшихся змей.

Вероятно, аналогичный культ змей был распространен и у индоевропейцев Южной Сибири. Можно предположить, что тесно связанный с ним культ дракона распространился затем в Китай, Монголию и другие страны региона. Быть может, с образом трехголового змея ассоциируется запряженная тройкой лошадей колесница. Позднее это нашло свое отражение в свадебной «птице-тройке» славян.

Кроме всего прочего, можно предполагать, что из Азии культ змей и дракона вместе с

переселенцами из Старого Света попал и в Америку. В мифологии индейцев Центральной Америки существует божество Кетцалькоатль — «змей, покрытый перьями» или «драгоценный близнец». Это одно из главных божеств у тольтеков, бог — творец мира, создатель культуры, а также владыка близнецов и покровитель жречества. Первые изображения Кетцалькоатля относятся к VIII–V векам до н. э. В этот период это божество выступает как культурный герой, принесший местным аборигенам основы цивилизации.

Кетцалькоатль научил людей находить и обрабатывать драгоценные камни, строить, создавать мозаики из перьев, следить за движением звезд и вычислять даты по календарю. Кетцалькоатль также является покровителем жречества — он установил жертвоприношения, посты и молитвы. По мифу ацтеков, сделав все это, Кетцалькоатль отправился на плоту на восток через океан в заморскую страну Тлилан-Тлапаллан, обещав через некоторое время вернуться. Кетцалькоатль был высокого роста, имел белую кожу и окладистую бороду. Именно поэтому, когда бородатые и белокожие испанские завоеватели прибыли в Америку на своих кораблях, ацтеки приняли их за возвратившегося Кетцалькоатля.

Весьма интересно, что пернатый змей у американских индейцев выглядит как белый колонист. Вероятно, прототипом змея являлись реальные мореплаватели, достигшие Американского материка. Ступенчатые мексиканские пирамиды Луны и Солнца, заложенные по указанию Кетцалькоатля, странным образом похожи на аналогичные ступенчатые пирамиды из Юго-Восточной Азии.

Облик североамериканских индейцев из Дакоты также указывает, что в жилах этих индейцев течет и европейская кровь. У них выступающие носы с вогнутой спинкой и довольно светлая кожа, морфотип смешанный. У инков правящий класс был, согласно преданиям, белокожим, с рыжими или светлыми волосами. Все это указывает на вероятность древней миграции европейского населения в Северную Америку как через Северную Атлантику, так и через Берингов пролив, отделяющий Чукотку от Аляски. В пользу последнего предположения говорит и тот факт, что на Чукотке еще советскими археологами найдены древние города возрастом пять тысяч лет. Что интересно, в этих городах имелся даже водопровод, сделанный из обожженных глиняных труб.

Сердце красавицы склонно к измене?

Индоевропейский змей широко разошелся по миру. Так, у славян по сей день сохранились предания и обычаи, в которых прослеживается неразрывная связь змея с водной стихией. Согласно белорусскому поверью, чтобы вызывать дождь, нужно убить змею и повесить ее на березе. Чехи во время засухи вешают змею вниз головой на древесном суку, и при этом они уверены, что через несколько дней пойдет дождь. Эти представления восходят, вероятно, к тому времени, когда змей считался хозяином вод. Эти же представления нашли свое выражение в мифах индоевропейцев, когда герой-змееборец убивает змея и змеиная кровь-вода затапливает округу. Эти представления весьма похожи на древнеперуанские мифы о потопе: Великий змей, убитый троими сыновьями первого человека, изрыгнул воду, и она затопила весь мир. Такое сходство позволяет предполагать, что «змеиный миф» привезли на Американский континент белые колонизаторы задолго до Колумба.

В славянской мифологии Огненный крылатый змей являлся по ночам к вдовушкам. Согласно преданиям, влетая через печную трубу в избу, рассыпавшись искрами, он превращался в несказанного красавца, перед чарами которого вдовушка не могла устоять. Нередко Огненный змей принимал облик покойного мужа, соблазняя вдову. Очевидно, соблазненная змеем женщина рождает змея в человеческом облике. По крайней мере, об этом свидетельствует предание о Змее Огненном волке. Этот персонаж рождается от порочной связи женщины и змея «в рубашке из волчьей шерсти». Он обладает с рождения удивительной способностью превращаться в волкодлака, волка, птицу и других животных. Здесь мы видим некий эрзац того же самого дракона.

Древнерусское предание о Всеславе, князе Полоцком (XI век), и персонаж сербского эпоса — Огненный Вук, очевидно, восходят к единому общеславянскому мифу о чудесном герое змее-волке. Князь Полоцкий мог сам превращаться в волка и мог превращать в волков свою дружину, и в таком облике он и его дружина совершали разбойничьи набеги на русские селения, разоряя их, и похищали молодых девушек. Недаром змей в старинных русских говорах называется «хитник» — от слова «похищать». Своего рода ремейк этих легенд мы видим в русской сказке «Об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке». Серый волк, съевший коня Ивана-царевича, сам становится его конем. Мало того, он выкрадывает для него королевну Елену Прекрасную. При этом серый волк постоянно обращается то в коня златогривого, то в саму Елену Прекрасную и обманывает этим злого царя. В конце концов серый волк оживляет Ивана-царевича, убитого своими братьями и порубленного на куски, и возвращает ему отнятую жизнь, Жар-птицу и Елену Прекрасную. Несомненно, что этот персонаж — серый волк — восходит к еще более древнему персонажу — Огненному змею, хозяину загробного мира.

Весьма любопытная народная сказка дошла до нашего времени. Ее приводит Афанасьев. В ней отсутствует прямолинейность и рисуется неоднозначный образ змея. Связь змея с красавицей изображается не как насилие с его стороны, а как измена женщины своему материнскому долгу.

Жили-были мать да сын. До семи лет сын грудь у матери сосал и вырос в могучего богатыря. Отправился богатырь жилище себе и матери искать. Вот нашел он прекрасный замок, очистил его от змеев и поселился в нем вместе с матерью. Однажды спустилась мать в глубокий погреб. Видит — в нем огромный змей на цепях висит. Говорит змей ласково матери богатыря: «Не бойся меня, красавица, я тебя замуж возьму, только дай мне испить водицы колодезной!» И привиделся змей матери таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Поддалась искушению мать богатыря, дала змею водицы испить. Он, испив, почуял в себе силу превеликую

и порвал все цепи, его связывающие.

Стала мать богатыря к змею в глубокий подвал захаживать, когда ее сын на охоте бывал. Вместе они и порешили, как богатыря извести. По совету змея посылает мать своего сына за живой водицей. Должен сын матери принести поросенка от дикой свиньи, птицу волшебную и яблочки наливные молодильные. Совершая эти подвиги богатырские, путешествуя в далекие страны, подвергает богатырь себя смертельной опасности, но делает все, так как мать его велит. Помогает ему красная девица Неделька.

Вот вернулся он назад и принес матери то, что просила, лишь только воду живую и птицу волшебную прозорливая Неделька тайком подменила на обычную воду и обычную птицу. Тут мать своего сына шелковой нитью обвязала и змея лютого из подвала выпустила. Убили они богатыря, сердце его вынули и себе оставили, а тело его мертвое на куски изрубили и привязали к коню богатырскому, коня того на волю выпустили: беги, куда знаешь, с мертвым хозяином.

Конь прибежал с мертвым хозяином к Недельке. Неделька смочила тело живой водой, срослись все члены богатырские, и ожил богатырь. Но чует он, что сердце не бьется в его груди. Неделька и говорит ему: «Сердце твое у матери твоей хранится, что со змеем живет. Обрядись в лохмотья, измажь лицо сажей и иди к ним во дворец, поиграй на гусельках на их свадьбе, а в награду сердце свое богатырское потребуй!» Так и сделал богатырь. Обрядился он в платье нищенское, измазал лицо сажей, взял гусельки и под видом бродячего музыканта пришел во дворец на свадьбе змеиной-играть. Мать и змей его и не признали. Пили они и веселились, под его музыку три дня плясали не переставая, так устали, что мочи нет; а ноги сами в пляс пускаются, не слушаются. А богатырь знай себе играет не переставая. Взмолились тут мать со змеем, просят перестать играть. А богатырь в награду сердце свое требует. Отдели ему его сердце. Взял он его и пошел со двора. Пришел он к Недельке. А та птицу волшебную выпустила из клетки; взяла та птица в клюв сердце богатырское и вставила его в грудь богатырскую. Забилось оно в тот же миг.

«Пойди теперь во дворец и убей змея злосчастного!» — говорит богатырю Неделька. Взял богатырь меч и пошел во дворец. Вошел он в палаты прекрасные, увидел свою мать на ложе со змеем лютым. Отсек он змею голову без сожаления. Однако тут мать узнала его и просит пощады у сына, слезами обливается. Дрогнула рука богатырская. В груди бьется сердце ретивое молодецкое; не может богатырь руку на мать родную поднять. Вышел он с матерью в поле и говорит ей: «Становись, матушка, рядом со мной, пусть меч сам найдет виноватого!» При этих словах он метнул меч свой в небо, над головой своей. Мать же близко, близко к сыну прижалась, обняла его руками крепко, крепко. Меч назад полетел, острым лезвием сверкнул и мимо головы молодецкой пронесся и срубил он с лету матери его голову.

В этой сказке мы, несомненно, видим древнейшие мотивы, которые восходят к древнему индоевропейскому культу змея.

Похожее предание о сыне-богатыре и матери его, изменившей со змеем, мы встречаем и в старинной черногорской песне. Эту песню приводит А.Н. Афанасьев в своей книге «Древо жизни». Однако вместо змея мать богатыря встречается с царем дивов.

Семьдесят дивов жили на высокой горе в студеной пещере. Богатырь Йован всех перебил, а вот самый главный из дивов успел скрыться. Он вошел в доверие к матери богатыря и ласковыми речами очаровал ее. Хитрая мать связала своего сына тетивой и передала своему любезному диву на съедение. Змей выколол глаза богатырю, но есть не стал. Слепой богатырь был исцелен горной вил ой, которая сотворила ему два новых всевидящих глаза. Весьма интересно, что у сербов див — это злой великан, а у болгар дивом называют бурный вихрь. Вероятно, это имя восходит к древнему индоевропейскому имени бога Дьяус. Это божество у индоариев означало сияющее, дневное небо. Чаще всего Дьяус упоминается в связке с Притхиви — «мать-земля».

Некогда они были слиты воедино, но затем по закону Варуны были разъединены. Этот космологический акт означал создание Вселенной из единого целого.

Как дивы из хороших богов превратились в плохих дэвов-демонов

А.Н. Афанасьев отождествляет дивов с русскими Змеями Горынычами. В своей книге «Древо жизни» он пишет: «Старинные русские памятники говорят о поклонении богу Диву. И если в этом свидетельстве вероятнее видеть указание на светлое небесное божество, то все-таки не может быть сомнения, что уже в отдаленной древности со словом «дивы» связывалось понятие о драконах и великанах туч».

И в самом деле, в «Слове о полку Игореве» сохранилось упоминание о Диве: «Див кличет вверху древа», затем он спускается вниз, и говорится, что «уже врезался див на землю». Русское слово «диво» Означало чудо, чудище, в русских сказках оно отождествляется с Морским чудом — морским царем, владыкой вод и туч. Встречается также Лесное чудо — леший. Афанасьев считал, что от слов «дивокий», «дивий» было образовано прилагательное «дикий». Первоначально это слово означало «небесный», находящийся под открытым небом. Позднее к нему добавилось этическое и нравственное значение — «невоздержанный». Вероятно, это произошло уже после того, как предки славян перешли от кочевого образа жизни к оседлому.

У древних индоевропейцев-пастухов, кочевавших вместе со своими стадами под открытым небом на просторах степей, Див означал бога неба. В южнославянском тексте «Хождение Богородицы по мукам» упоминается «Дыево служение», которое является олицетворением языческого культа божества неба. К этому предположению ведет и упоминание Дыя в трех средневековых новгородских надписях, выполненных тайнописью. Специалисты не исключают, что имя Дый означало искаженное имя древнего божества Див.

Тождество дивов прослеживается и с девами. В индоарийской мифологии имя «дева» означает «божество»; у иранцев дэвы, благодаря реформе Зороастра, становятся демонами, противостоящими благим духам ахурам; очевидно, отсюда возникло имя главного бога авестийского пантеона Ахурамазды. Против дэвов направлена, в частности, «антидэвовская надпись» Ксеркса, иранского царя V века до н. э., который уничтожил святилище дэвов и насадил культ Ахурамазды. В этом смысле Ксеркс явился предтечей князя Владимира Красно Солнышко, который уничтожил языческие идолы на Лысой горе в Киеве и своим указом повелел служить русичам новым богам.

Среднеиранский «Кодекс против дэвов» — это собрание свода законов и религиозных предписаний, направленных против дэвов. Они объявляются порождением «злой мысли, лжи» и служат Ахриману — «дьяволу». Дэвов бесчисленное множество; легендарные иранские цари и богатыри выступают как дэвоборцы. Главным дэвоборцем выступает Рустам. Согласно фрагменту древнего согдийского сочинения V века, Рустам осадил дэвов в их городе. Дэвы предприняли вылазку, решив погибнуть в открытом бою. Вот как описывается эта вылазка: «Многие взобравшиеся на колесницы, многие на слонах, многие на свиньях, многие на лисицах, многие на собаках, многие на змеях и ящерицах, многие шли летая, как коршуны, а также многие шли перевернутыми вниз головой и ногами кверху… они подняли дождь, снег, град и сильный гром; они издавали вопли; испускали огонь, пламя и дым». Но, несмотря на все их ухищрения, Рустам одолел их всех.

Литературный иранский памятник Шахначе изобилует сюжетами о борьбе с язвами. Из этого сочинения ясно, что дэвы очень коварны. Они делятся на черных и белых.

Один иранский шах Кай Кавус попадает в плен к белому дэву. Тот ослепляет шаха. Но слепой Кай Кавус призывает на помощь Рустама-дэвоборца. Рустам появляется во всеоружии и

блеске своей славы. Он освобождает Кай Кавуса и преследует царя дэвов, тот, спасаясь от преследования богатыря, превращается в камень. Но мудрый Рустам распознает в камне главного дэва и убивает его. Он извлекает из тела поверженного врага печень, смазывает желчью глаза Кай Кавуса, и тот прозревает.

Представление о мерзких и коварных дэвах сохранилось в фольклоре и других иранских народов. Так, у таджиков дэйы — это безобразные великаны, покрытые шерстью, с острыми когтями на руках и ногах, с ужасными лицами, Дэвы живут в своих логовищах (дэвлох) внутри гор, на кне озер, в недрах земли. Там они стерегут сокровища земли: драгоценные камни и металлы. Дэвы славятся своим мастерством кузнечного дела и ювелирного искусства. Однако дэвы ненавидят людей. Они похищают их, держат в темницах и пожирают каждый день по два человека на обед и на ужин. Они бесчувственны к мольбам пленников о пощаде. Насмехаются над ними, а на заклятия именем бога отвечают жуткими богохульствами. Однако у таджиков сохранились наряду с резко негативным отношением к дэвам и позитивные отношения к ним. Так, Дэви Сафед — «белая богиня» является покровительницей прях.

Ее почитают по пятницам, при этом ей подносят лепешку и воздерживаются в этот день от работы. В образе Дэви Сафед, вероятно, отразились древнейшие представления, восходящие к индоевропейской общности. Дэви Сафед в чем-то аналогична албасты — златокудрой белокожей деве, покровительнице охотников.

В армянской мифологии и эпосе «Дэв» (от иранского «дэв») дэвы имеют антропоморфный облик, они великаны, умеющие по своему желанию превращаться в разных животных. Они обладают немереной силой и могут сдвигать горы и вызывать горные обвалы.

В грузинской мифологии дэвы рогаты и многоглавы. У них от трех до ста голов. Обычно в одном доме живут семь — девять братьев. Они занимаются скотоводством и охотой. Держат в неволе красавиц. В Грузии дэвы отождествляются с поработителями, с которыми успешно борются местные божества. Женщины дэвов менее злы. Они дают приют и огонь путникам и охраняют их от своих сыновей-людоедов.

У дагестанцев дэвы имеют примерно такой же облик и повадки, что и у других горцев. Они занимаются овцеводством. Согласно одному варианту мифа, один дэв жарил вместе с овцами и съедал людей, случайно забредавших в его пещеру. Но нашелся герой, который, попав в пещеру к дэву, выжег у спящего великана глаза. Проснувшийся дэв стал ощупью считать своих овец, надеясь таким образом найти уцелевшего человека. Однако тот, уцепившись за овечью шерсть, выбрался из пещеры вместе с овцами невредимым. Этот миф похож на греческий.

Однако у народов Средней Азии сохранились предания о былой благодетельной роли дэвов. Так, согласно узбекскому мифу Хорезмского оазиса, дэвы выступают как строители крепостей и городов. В шаманских мифах узбеков, киргизов, казахов дэвы являются помощниками шаманов. У казанских и западносибирских татар дэвы — злые духи. В мифологиях же тюркоязычных народов ясно проступают черты индоевропейского происхождения этих персонажей. Военизированные объединения молодых индоевропейцев Южной Сибири, совершавших дерзкие набеги на соседей и воровавших девушек, могли ассоциироваться с братьями. Это, вероятно, и породило культ близнецов, характерный для всей индоевропейской мифологии.

Многоголовый змей как объект почитания

Понятие «дев» в значении «небесный бог», вероятно, образовано от «див» — сиять. В древнеиндийской мифологии это все боги, которых насчитывается 33. Иногда класс богов разделяют на группы: васу — 8; рудры — 11, адитьи — 12. В Упанишадах эти три группы богов получают новые интерпретации. Васу — огонь, земля, ветер, воздушное пространство, солнце, небо, луна, звезды. Рудры — 10 органов жизнедеятельности и мировой дух Атман. Адитьи — 12 месяцев солнечного года. Адитьи по определению обнаруживают связь с солярными божествами. Их наделяют эпитетами «многоглазый», «далековидящий», «золотой», «бессонный». Адитьи являются владыками вселенной. Они наполняют воздушное пространство и именуются всевладыками, царями, повелителями неба. Для ведического периода характерно указание на «молодость» Адитьев — «юные всевладыки» — и на их поэтическую функцию.

Древний миф рисует нам картину разъединения единого целостного божества на громовержца и его супругу и рождения у них семерых сыновей — Адитьев. Эти семь божеств имеют точное соответствие в иранской мифологии. Известен миф о личном общении Зороастра с каждым из семи Амеша Спента — «Бессмертные святые». Это духи, за каждым из которых закреплены разные сферы применения. Так, Спента Манью — дух священной стихии, Амертат — дух растительности, Аурват — дух телесного здоровья, Воху Мана — покровитель скота, Аша В$хишта — божество огня, Хшатра Вайрья — создатель металлов, Армайти — хранитель земли. Согласно зороастрийскому мифу, поочередное явление каждого из Амеша Спента Зороастру предварило утверждение на земле зороастрийской веры.

В период раннего Средневековья Амеша Спента часто воспринимались как единый персонаж, как аллегория благих качеств Ахурамазды. Спента Манью — святой дух, творческая ипостась Ахурамазды; Воху Мана — благая мысль; Аша Вахишта — истина; Хшатра Вайрья — власть, царство Божье; Армайти — благочестие; Аурават — целостность физического существования, противоположная болезни; Амертат — бессмертие.

Быть может, аналогичные божества выведены в русских сказках под именем семиголового змея? По крайней мере, не исключено, что мы имеем дело с божественными духами-змеями, которые в былые времена известны под именами семиголовых, а также трехголовых, двенадцатиголовых небесных богов основного пантеона. Если это действительно так, то, вероятно, религиозная реформа Зороастра заключалась во многом в том, что пророк объединил семиголовые арийские божества в единого бога Ахурамазду. Таким образом, на смену многобожию пришло единобожие.

Вероятно, подобного рода объединения совершались и раньше. В древнеиндийском языке существует понятие «девата», которое означает «боги вообще», во множественном числе, в собирательном значении. Во многих сельских районах Индии и по сей день чтут грамадеват — группу божеств, охраняющих местных крестьян от болезней, неурожая, падежа скота, порчи, стихийных бедствий. По самому имени этих божеств уже видно, что в них заключена коллективная сила. Эти божества могут даровать потомство, богатство, силу, сделать счастливыми. Им посвящают культовые сооружения девагриха — от древнеиндийского — буквально «божий дом». Культ девата восходит к глубокой древности, где он был связан с коллективными божествами плодородия.

Очень может быть, что девата изначально были многоглавы, подобно славянским божествам они являлись олицетворением коллективной силы пантеона богов.

Многоголовость как признак присутствует у многих богов индуистского пантеона и сегодня. Брахма — создатель вселенной — по индуистскому мифу имеет четыре головы. Они

возникли оттого, что, породив своих сыновей, Брахма не получает удовлетворения и решает создать богиню. При помощи магических формул он создает из половины своего тела богиню Гаятри, в которую и сам же влюбляется. Гаятри отправляется на небо к своим братьям. Тогда Брахма создает пятую голову, обращенную вверх, чтобы непрерывно любоваться Гаятри. Шива отрубает эту голову, посчитав стремление к инцесту недопустимым. Вишну заставляет Брахму каяться за то, что тот не захотел сойтись с воспылавшей к нему страстью Мохиней. Кающийся Брахма последовательно вызывает к жизни десятиголового, стоголового и тысячеголового Брахм, которые посрамляют четырехголового Брахму.

В индуистских мифах тысячеголовый змей Шеша поддерживает землю и служит ложем для Вишну, когда тот спит в океане в интервалах между творениями мира. В некоторых мифах Шеша рассматривается как иллюзия Вишну и даже его часть. Шеша царь змей, живущих в подземном мире. Все другие змеи рассматриваются как его братья. В конце каждой кальпы Шеша извергает ядовитый огонь, который уничтожает вселенную. Один из эпитетов Шешы Ананта — «бесконечный»; под этим именем он является символом бесконечности.

В этих индуистских легендах, вероятно, запечатлелись древнейшие божества арийского пантеона.

У славян сохранился древний персонаж бадняк, которого сжигают в Новый год. Быть может, бадняк изначально олицетворял собой огненного многоголового змея. Сжигая в ночь под Рождество полено или ветку, имеющие антропоморфный или змееобразный облик, славяне ударяют ими, проговаривая магическую формулу, и вызывают появление множества искр. Считается, что эти искры предвещают удачу, умножение скота и детей в доме. Как считают лингвисты, бадняк тождествен индийскому «змею глубин», связанному с солнцем Ахи Будхнья, и греческому дракону Пифону.

Согласно исследователю и собирателю русских народных сказок А.Н. Афанасьеву, лужицкие крестьяне различали сразу трех огненных летучих змеев. Первый змей приносит тем, кто его почитает, золото, второй змей — хлеб и урожаи, третий — наделяет коров обильным и вкусным молоком. Примерно такие же предания существовали и у чехов. Красно-огненный дракон приносит деньги, синий зерновой — хлеб, а домовый драк — молоко и масло, которые похищает у чужих коров. Аналогичные предания были распространены и у белорусов. Все это указывает на тройственную природу летучих змеев и может быть истолковано как изначальная трехголовость одного огненного змея.

Согласно одной легенде, огненный змей повадился летать к хозяину дома, одаривая его золотом, за это хозяин каждую ночь выставлял на крыше своего дома сковороду с яичницей — такой был у них уговор. Но как-то хозяин забыл это сделать, и змей, прилетев в очередной раз, не найдя привычного подношения, обозлился и сжег все хозяйство. Здесь мы видим отголоски солнечного культа, символом которого является выставленная на крышу дома сковорода с яичницей. Змей является символом золота и богатства, а также счастья в доме.

Изначально со змеем были связаны и заговоры на защиту ратного воина от ран. Вот один из таких древних заговоров: «В моих узлах сила могучая, сила могучая змеиная сокрыта — от змея двенадцатиглавого, того змея страшного, что пролетал от окиян-моря, с острова Буяна, с медного дома; того змея, что убит двенадцатью богатырями и положен под двенадцатью муромскими дубами. В моих узлах сила могучая, сила могучая змеиная сокрыта — от змея двенадцатиглавого, того змея страшного, что пролетал от окнян-моря, с острова Буяна, с медного дома; того змея, что убит двенадцатью богатырями и положен под двенадцатью муромскими дубами. В моих узлах зашита — змеиные головы*. Как видно из этого заговора, у воинов на Руси был распространен обычай носить в амулетах (наузах) засушенные змеиные головы, которые оберегали от ран.

Заклятие против болезни скрепляется обращением к «змее медной медянице, закладенной в медный столб», очевидно, были и такие обереги. Русские крестьяне в предостережение от лихорадок носили на шее змеиную или ужовую шкуру или ожерелье из змеиных голов. Нетрудно видеть, что такой обычай существовал и существует в Индии. Так, на иконографическом изображении Шивы его шею украшает ожерелье из змей. Подобного рода обычай сохранялся у русских крестьян довольно долго, уже после принятия христианства.

Так, от защиты от чар и недугов сельские жители привязывали к нательному кресту голову убитой змеи, а в ладанках-привесках зашивали лоскут змеиной кожи, читалось, что того, кто носит такую привеску, все будут любить и желать ему всяческого добра. Со змеиной шкурой были связаны всякие рецепты спасительных средств, читалось, что если сжечь змеиную шкурку, превратить ее пепел и присыпать этим пеплом рану, то она скоро затянется. Если смешать этот пепел с водой и смазать им глаза, это верное средство против дурного глаза, и тогда тебя никто не очарует. Если же посыпать этим пеплом голову, враги будут бояться и обходить стороной. Считалось, о тот, кто носит при себе змеиный язык, отрезанный на Юрьев день, будет силен, страшен своим недругам и непобедим в речах. От падучей немочи больному дают лепешку, приготовленную на змеином яйце. Такая лепешка является и действенным средством утихомирить противника и очаровать свою суженую. Как видим, это нашло свое выражение и в народных сказках: Баба-яга кормит свою дочь — Василису Премудрую, или Царевну-лягушку, лепешкой, приготовленной на змеином яйце, и та мгновенно сменяет гнев на милость по отношению к своему суженому.

В одной русской народной сказке легенда о целительной силе змеи обыгрывается так: идет мать лесочком и несет тело изрубленного своего ребенка. Вдруг видит она сквозь слезы, как под кусточком лежит змейка изрубленная. К ней подползает большая змея и держит во рту какую-то травку. Прикоснулась змея этой травкой к изрубленному телу змейки, и та вмиг ожила. После этого обе змеи уползли. Тогда подняла мать эту травку, оброненную змеей, и прикоснулась ею к изрубленному телу своего младенца, и вмиг раны кровавые зажили, ребенок вздохнул и ожил.

Аналогичный сюжет можно встретить в народной немецкой сказке. В ней идет речь о сватовстве некоего юноши к прекрасной королевне. Однако прекрасная королевна поставила условие юноше, что выйдет за него замуж лишь только тогда, когда он даст обещание, что, если она умрет внезапно, он последует за ней в могилу. Юноша согласился на такое странное условие. Не прошло и нескольких дней после свадьбы, как прекрасная королевна умерла. Делать нечего, похоронили королевну в глубоком склепе и туда же опустили ее живого мужа. Сидит муж подле мертвого тела своей жены и горюет, свою долю несчастную проклинает. Вдруг видит он: ползет змея. Он выхватил меч и разрубил ее надвое. Смотрит он, через какое-то время опять змея ползет и держит в зубах какую-то травку. Он эту змею не стал трогать, а смотрит, что будет дальше. Подползла змея к разрубленной змее, приложила травку к ее телу, и разрубленное тело змеиное на глазах срослось, и ожила змея убитая. Уползли вместе змеи. Тогда взял юноша эту травку, змеей принесенную, и приложил ее к мертвому телу королевны; та вздохнула глубоко и ожила.

Эти сказки являются свидетельством, что в древности у индоевропейцев существовал культ змеи, которую наделяли целительными свойствами. По крайней мере, предание о «змеиной траве» зафиксировано у многих народов и вошло в старинные лечебники.

Подобного рода предания известны были еще в Древней Греции. Асклепий — бог врачевания изображался обычно с посохом, увитым змеями. Греческая легенда гласит, что как-то увидел Асклепий змею, которая неожиданно выползла откуда-то и обвилась вокруг его посоха. Асклепий убил ее без промедления. Тогда выползла другая змея с неведомой травкой во рту и, прикоснувшись к мертвому телу своей подруги, исцелила ее. Это был знак, данный

Асклепию свыше, о его предназначении исцелять немощных, возвращать им молодость и здоровье, что и стал делать бог врачевания, прикасаясь к телу немощных своим посохом, после чего они чудесным образом исцелялись. Посох Асклепия, увитый змеями, стал символом древней медицины. Этот посох тождествен жезлу Гермеса — хозяина мира мертвых, которым он прикасается к телам умерших, и те оживают и обретают вторую жизнь.

Дела и судьбы драконовы

Весьма интересный миф о происхождении дракона мы можем увидеть в шаманских преданиях балаганских бурят, предки которых, вероятно, длительное время контактировали с индоевропейцами. Вот как они описывают появление всех зол и болезней на земле. У Саган Себдега («белый хозяин») — здесь имеется в виду бог сверкающего дневного неба — была дочь — красавица Наран (Солнце). К ней посватались сразу два кавалера — сыновья западного (доброго) и восточного (злого) тенгри. Между кланами претендентов на руку и сердце Наран возникла распря. Состоялся поединок между Хан Тюрмасом — главой западных тенгри (небесных богов) и Ата Уланом — главой восточных тенгри. Победил Хан Тюрмас. Он разорвал своего противника на клочки и части его тела сбросил на землю. Из головы его возникло чудовище Архан, которое все время пыталось поглотить солнце, из ног возникли злые сестры Енхобой, из рук — дьявол Ширем Мината. Туловище превратилось в огненное многоголовое чудовище Гал Дулен.

Таким образом, мы видим, что зло умножилось.

Огромное множество злых восточных тенгри напускают на человека враждебные стихии. Они имеют весьма красноречивые имена, например Ехон Шухан-тенгри («десять кровавых тенгри»), Гурбан Маман-тенгри («три туманных тенгри»). Некоторые западные тенгри покровительствуют черным шаманам и черным кузнецам. В противоположность им, добрые восточные тенгри покровительствуют белым шаманам и белым кузнецам. Само разделение на белых и черных могло иметь в своей основе какие-то расовые признаки — цвет кожи.

Из западных тенгри наиболее популярен Эсеге Малан-тенгри — доброе божество ясного неба, Сахилгата Будал-тенгри («молниеиспускающий тенгри») — божество грома и молнии, защищающее людей от злых духов и поражающее их огненными стрелами, а также Долон Хухен-тенгри («семеро синих тенгри»), ведающий дождями, и Гурбан Эмершен-тенгри («трое тенгри восточного ветра»).

Таким образом, мы можем предположить, что тенгри, божества бурят, изначально были сезонными и ведающими погодой божествами. Числительные в именах тенгри могут указывать на их первоначальную многоголовость. Не исключено, что эти божества были заимствованы у индоевропейцев в стародавние времена и позднее получили собственные имена.

Быть может, предки бурят, контактируя длительное время с древними индоевропейцами, восприняли от них все эти мифологемы о добрых и злых тенгри, подозрительно похожих на драконов?

По поводу трехголовых, семиголовых, двенадцатиголовых змеев, изобилие которых мы встречаем в русских сказках, можно предположить, что изначально они были сезонными божествами. Так, трехголовый огнедышащий дракон, быть может, ассоциировался в стародавние времена с тремя летними месяцами зноя и засухи, когда на просторах степей выгорала трава. Тем самым скот лишался пастбища. Начинался падеж, бескормица. Поневоле представишь себе дракона — огнедышащего змея о трех головах, который похищает скот у мирных скотоводов.

Двенадцатиголовый огненный змей ассоциировался с солнечным годом. Вероятно, поэтому в новогоднюю ночь у потомков индоевропейцев-славян сохранились ритуалы сжигания бадняка. Бытовало поверье, что в этот момент на место старого двенадцатиголового змея бадняка заступает молодой Божич, только что народившийся змей. Само слово «Божич» недвусмысленно указывает на божественную природу молодого змея. Быть может, эти представления и нашли в последующем свое выражение в виде сказок о борьбе юного богатыря с двенадцатиголовым змеем. Весьма интересно, что сам богатырь-змееборец также оказался змеем, как и его

противник.

До наших дней дошла сербская песня «Царица Милица и змей». В ней обыгрывается ситуация, когда старого змея побивает змей молодой. Закручинилась царица Милица, стала лицом пасмурна. Спрашивает ее царь Лазарь: «Что ты невесела, царица моя? Чего закручинилась? Али что тебе недостает на нашем дворе?» Отвечает царица царю Лазарю: «Всего мне довольно, на твоем дворе, о великий царь, но полюбил меня змей Ястребца и повадился ко мне летать в терем». Царь Лазарь советует царице выведать у змея лестью и хитростью, кого из богатырей всей земли он боится больше всего на свете. Так и поступила царица Милица. Вот прилетал к ней змей в терем, пал он на мягкую постель, сбросил огненную одежду и лег рядом с царицей на подушках. Царица встретила его ласковыми речами, ублажила его, лютого, и промеж тем выведала у него, что в целом свете он боится больше всего на свете молодого богатыря — Змея-Деспота-Вука. Поутру дано было знать молодому богатырю Змею-Деспоту-Вуку, что приглашался он незамедлительно во дворец. Прибыл Змей-Деспот-Вук в тот же час и убил змея Ястребца. Стал он законным мужем царицы Милицы.

Семиголовый змей мог быть олицетворением недели. Недаром само слово «неделя» может быть истолковано как «неделимая».

Таким образом, мы можем предполагать, что странные многоголовые змеи были связаны с календарным циклом, который считался столь важным у древних скотоводов индоевропейцев. Кроме того, можно предположить, что с каждым из змеев или с его какой-то одной головой-ипостасью связывалось какое-то моральное, нравственно-этическое качество: доблесть, верность, любовь и т. д., а также материальное благополучие: счастье, достаток, добро, злато-серебро, недаром змей из русских сказок носит своему хозяину золото в обмен на почитание и жертву в виде яичницы, выставленной на крышу дома.

По всей видимости, все воздушные крылатые змеи ассоциировались в древности с солнцем, они либо проглатывали солнце, заволакивая небо черными тучами и вызывая потоп, либо, напротив, лишали людей влаги, обрекая на засуху и бескормицу. Именно поэтому змеям поклонялись, их задабривали, в их честь творили жертву. Многочисленные ритуалы вызывания дождя, связанные со змеями, дошли и до нашего времени. Они указывают на эти древние обряды. На Балканах по сей день живо представление о том, что сжигание убитых змеев и гадов в костре вызывает дождь. Это представление базируется на древнем предании о том, что огненные змеи сами слетаются со всех сторон и сгорают в жертвенном костре под звуки чудесной музыки, которая раздается с небес. По свидетельству русских сказок, многоглавые змеи, испускающие жгучее пламя, лежат у входа в Солнцево царство — вирий, царство вечного лета. Сюда отправляются герои за живой (змеиной) водой, молодильными яблоками и за златокудрой красавицей царевной. Позднее, когда были переосмыслены языческие сюжеты, эти змеи получили название лекальных, от слова «пекло».

Похожий мотив о сжигании змей и добывании неприступной царевны мы находим в русской народной сказке «Сила-богатырь». Сила-богатырь сватается к неприступной царевне, к которой повадился летать крылатый змей. Три дня и три ночи сражался богатырь со змеем, отсек все его головы, вместе с туловом сложил и сжег на огне, а пепел пустил по ветру в чистом поле. После чего он приступил к царевне; рассек ее тело белое пополам, и из чрева неприступной царевны поползли разные гады — плод незаконной любви ее со змеем. Богатырь порубил этих гадов и поджег их всех. После чего тело царевны сложил вместе и спрыснул живой водой. В тот же миг ожила царевна и сделалась краше прежнего и стала такой кроткой и покладистой, какой до этого была неприступной и злой. Взял Сила-богатырь царевну замуж за себя. И зажили они в счастье и согласии.

Она является воплощением весеннего солнца. Это видно из описания облика Марьи

Моревны — ее золотые локоны уподобляются солнечным лучам. Ее сказочная красота воспевается в этой сказке. Она уподобляется ненаглядной красе из других сказок. Но брак Ивана-царевича с Марьей Моревной непродолжителен. Она отправляется на охоту и оставляет своего мужа дома следить за хозяйством; при этом царевна строго-настрого запрещает ему спускаться в темный чулан. Не утерпел Иван-царевич, разобрало его любопытство, и, как только Марья Моревна на охоту отправилась, спустился в чулан. Видит он в нем прикованного змея — Кощея Бессмертного. Просит Кощей Ивана-царевича об одолжении: «Сжалься надо мной, Иван-царевич! Десять лет я не пил, дай мне водицы испить!» Иван-царевич подносит змею три ведра воды, и тот, выпив их до донышка, наполняется силой превеликой, рвет цепи и вылетает вихрем из чулана. Он похищает Марью Моревну и уносит ее в свой замок. Два раза пытается Иван-царевич вернуть свою супругу. И всякий раз Кощей настигает беглецов. Тогда Иван-царевич решает добыть себе такого коня, который был бы сильнее и быстрее Кощеева коня. Ему удается добыть такого коня, который несется сверху туч. В третий раз похищает Иван-царевич Марью Моревну у Кощея. Тот пускается за ними в погоню и уже готов сразить Ивана-царевича острой саблей. Но богатырский конь бьет копытом в лоб Кощея и убивает супостата насмерть.

В этой сказке Кощей и Иван-царевич, оседлав своих сказочных коней, словно соревнуются друг с другом. Эти летящие над облаками кони похожи на летящих змеев: дым из ноздрей валит, искры во все стороны летят. Вся округа трясется от их богатырского топота. Нередко в русских сказках змей выезжает на битву, экипированный, как вооруженный воин. Он восседает на славном богатырском коне; на его плече сидит вещий ворон — похититель живой

Старый бог-дракон был повержен молодым драконом

Таким образом, образно выражаясь, можно сказать, что дракон, красавица и герой-освободитель вылетели из одного гнезда. У всех трех персонажей прослеживается драконообразная родословная и харизма. Это верно по отношению к дракону, красавице, являющейся дочерью морского дракона — морского царя, и по отношению к герою, который представляет собой молодого, еще не оперившегося дракона.

Очевидно, этот обобщенный драконоборческий миф являлся достоянием степных воинов-европеоидов и отражал существенные для кочевого образа жизни реалии, связанные прежде всего со скотоводством. Если проследить родословную многоголовых драконов, то можно, вероятно, прийти к выводу, что все они являются отражением календарного солнечного цикла. Так, семиголовый дракон является воплощением семидневной недели; трехголовый — олицетворением трех месяцев.

Старый год завершен, и ему на смену приходит новый год, только народившийся. Быть может, с этим связан инфантилизм героя-драконоборца — Ивана-царевича из русских сказок, который сражается с драконом. Он вовсе не похож на закаленного воина, а скорее на младенца — он часто плачет, оказавшись в безвыходной ситуации. В одной сказке девяти дней от роду он отправляется на поиски царевны Золотые Кудри, о которой ему рассказал его отец царь. За него порой действует огненный быстроходный конь, летающий под небесами, — Сивка-Бурка (сивый, бурый) — символ того же дракона. Златокудрая невеста Ивана-царевича выглядит куда более приспособленной к военной, кочевой жизни. Она часто похожа на амазонку, вероятно, сказывается ее генетическое родство со своим папашей или дедом, морским царем.

Двенадцатиголовый змей, очевидно, был связан с культом близнецов, распространенным у индоевропейцев. По крайней мере, такая параллель выстраивается в русской сказке «Двенадцать месяцев», где месяцы являются братьями, живущими в одном доме. Похищение одного брата — Апреля злыми силами предотвращает наступление весны.

Весьма характерно также, что дэвы, согласно народным преданиям горцев, живут братскими общинами вместе со своей матерью. Они постоянно умыкают красавиц у соседних народов. Вероятно, дэвы иди дивы — это все те же многоголовые драконы, олицетворяющие собой сияющее ясное небо. Само имя этих божеств восходит к индоевропейскому корню «див», означающему «сверкающее небо». Это прослеживается и в иных персонажах народной мифологии, например у древних индусов Дьяус — отец Небо.

В балтийской мифологии Диевас — самый главный из богов. Он «отец Небо». У Диеваса есть два сына-близнеца, а в более древней трактовке сын и дочь, которые вступают друг с другом в кровосмесительный брак. В результате на свет появляется поколение новых богов. В латышских народных песнях сохранились фрагменты мотивов и символы, связывающие детей Диеваса с обожествляемыми близнецами других традиций — древнегреческими Диоскурами и древнеиндийскими Ашвинами.

Сыновья бога влюблены в свою сестру — дочь Солнца. Они, ожидая ее, зажигают на море два огня; катают ее по очереди по небу на яблоневой лодке; едут к ее дому на двух конях. Два коня олицетворяют собой культ близнецов. Это нашло отражение в изображении двух коньков на скате крыши. В прусской традиции один из двух близнецов старый, другой — молодой. Один связан со смертью, другой с жизнью. Молодой близнец отнимает у старого его жену — дочь Солнца. Эти мотивы могут быть связаны и с драконоборческими мотивами из русских, славянских и европейских сказок.

У кельтов сохранился миф о трех близнецах, которые символизировали собой три мира:

горний, земной и подземный. Сестра вступает по очереди в кровосмесительный брак с каждым близнецом. Этот мотив близок к финно-угорскому мифу о троих братьях-близнецах Финн, которых соблазняет их сестра.

Близнечный миф имеет отношение к культу плодородия, к вызволению из царства смерти людей и домашних животных — коров, коней, свиней, коз, овец и прочих. Согласно древней индоевропейской традиции, загробный мир представляется как пастбище с сочными травами. Нередко одному божеству — небесному Перкунасу — противостоит другое божество подземного мира — Велняс. Перун и Велес — в русской традиции. Их солнцеликая сестра по очереди находится то в гостях у одного брата на небе, то в гостях у другого под землей.

Как следует из славянских мифов, Велес и сходные с ним божества подземного мира имеют змеиное тело. Можно предположить, что и небесное божество громовержец Перун когда-то имел также змеиное тело. Однако хозяин нижнего мира выглядит более змеинообразным потому, что он проиграл схватку со своим молодым противником. Вероятно, это связано с годичным циклом, когда на смену старому двенадцатиголовому змею приходит только что народившийся змей, который выглядит как дитя. Однако это дитя проявляет все качества молодости и завладевает инициативой. Он прогоняет старого змея в подземный мир и освобождает красавицу — «дочь Солнца», на которой женится.

В других мифах драконоборец-богатырь последовательно отрубает все двенадцать голов змея, прижигая шею огненным пальцем, чтобы на месте старых не выросли новые головы. Затем он разбрасывает отрубленные головы и части изрубленного тела дракона по полю либо же собирает их в кучу и сжигает. Пепел он пускает по ветру. В этом, вероятно, отразилось представление о реинкарнации и жертвоприношении. Недаром в греческом мифе об аргонавтах Ясон запряг быков в плуг и идет за ним, бросая в пашню зубы дракона, из которых выросли бесстрашные воины.

Ритуальное расчленение тела дракона, связанное с культом плодородия и реинкарнацией, восходит к мифам о прародителе людей Пуруше, Пань-гу, Имиру и иным подобным персонажам. Например, из тела расчлененного первого великана Имира возникают два брата, которые впоследствии вступают в брачные отношения со своей сестрой, возникшей также из тела Имира. Можно предположить, основываясь на этом, что принесенный богами в жертву первочеловек изначально был драконом. Из частей его тела был создан мир и возникли первые люди. Обычай вступать в кровосмесительные отношения широко распространился в обществах восточного типа: в Египте, Шумере, Иране и т. д. Вероятно, это было характерно и для индоевропейцев. Наверняка этот обычай базируется на представлении о целостной природе прародителя. Змей-андрогин через кровосмесительный брак своих потомков обретает свою первоначальную целостность.

От неолита до бронзового века найдена масса многоголовых изображений из терракоты. Чаще это двухголовые антропоморфные существа. Обычно их идентифицируют как изображение близнецов мужского пола. Однако Б.А. Рыбаков в своей работе «Язычество древних славян» высказывает вполне резонную мысль, что эти изображения могут принадлежать двум богиням-роженицам. В доказательство своей версии Рыбаков приводит изображение типичных трипольских сосудов с четырьмя грудями.

Ученый рассуждает на тему того, что женское тело всегда рассматривалось как сосуд с жизненной влагой.

Среди терракотовых скульптур обнаружены и такие: два антропоморфных существа, соединенные ручкой у торса, в своем основании образуют жертвенную чашу на ножках. Рыбаков связывает это с культом вызывания дождя. Но среди изображений подобного рода есть и такие, как трипольский сосуд в виде «бинокля»: две чаши, соединенные перемычкой. При этом чаши-

фигуры предельно стилизованны и лишены каких-либо признаков пола. Можно предположить, что обе чаши-фигуры воспринимались как сосуды для священной влаги. Основываясь на этом, можно предложить и иную трактовку: перед нами стилизованные изображения первых близнецов: мужчины и женщины, брата и сестры, соединенных в священном коитусе. В пользу такой версии указывают и иные изображения подобного рода. Найден обломок скульптуры, изображающей двухголового человека с общим телом. При этом у человека этого две женских груди и два мужских соска. По крайней мере, так можно трактовать две пустые дырки, расположенные по бокам женских грудей. Не исключено, что перед нами культовое изображение двухголового и двухполого андрогина, прародителя людей. К сожалению, нижняя часть фигуры обломана, и, как выглядело это существо на уровне таза, мы никогда не узнаем.

Многие скульптуры неолита украшены змеиным спиралевидным орнаментом. При этом мы часто можем видеть переплетенные туловища змей с двумя головами. Уже в раннем неолите появляются жертвенники на ножках с двумя змеиными головами, а также чарки для воды с рельефным изображением змей. Хорошо известно, что змеиный спиралевидный орнамент в эпоху линейно-ленточной керамики продвинулся из области Балкан и Дуная далеко на север, за барьер центральноевропейских гор. Очевидно, это связано с миграцией пришлых скотоводческих племен в лесную часть Европы. В Скандинавии и Прибалтике по сей день сохранилось немало этнографического материала, свидетельствующего о некогда распространенном у индоевропейцев змеином культе. Рыбаков считает, что славяне и их предки изображали «безвредных» ужей и это было связано с культом плодородия. Но можно предложить и иную трактовку — перед нами стилизованные изображения крылатых змеев. Впоследствии «индоевропейские драконы» могли быть отождествлены славянами с реальными змеями, в том числе и с «безвредными» ужами. Драконам не было места в лесах Европы — не было где развернуться, не то что в степях.

Таким образом, подводя итог сказанному, мы можем предположить, что прародитель людей — Бог-дракон сияющего и безоблачного неба — изначально был связан с культом близнецов. Впоследствии, после того, как индоевропейцы покинули свою степную прародину, культ небесного дракона исчез. Ему на смену пришел культ коня и культ змеи. Змеи и кони являются спутниками божественных близнецов в мифологемах многих индоевропейских народов. Некогда почитаемый как божество, дракон превратился в отрицательного персонажа народных сказок и легенд.

Реалии арийской прародины в свете драконовой символики

Многие исследователи обращали внимание на то, что термин «индоевропейцы» не вполне отвечает существу вопроса; он мало что говорит о предках индусов и европейцев, а также об их предполагаемой прародине. И в самом деле, индоевропейцы еще каких-нибудь пять тысяч лет назад вряд ли могли назвать Европу и Индию своей родиной. Может, все-таки правильнее было бы говорить об ариях, когда речь заходит об общих предках европейцев и индусов? Но термин «индоевропейцы» вполне устоялся, и менять его, конечно, не представляется возможным. Хотя, наверное, не было бы ошибкой называть индоевропейцев ариями, как это делают некоторые исследователи. В конце концов, древние иранцы называли свою северную прародину Арйана Вэджа — «арийский простор». Речь идет, вполне очевидно, о евразийских степях; там есть где развернуться, а не о берегах крохотной речки Сарасвати в Пенджабе, куда помещают прародину ариев некоторые лингвисты. Да и реалии Пенджаба не очень-то соответствуют описаниям арийской прародины в Авесте.

Как считают многие исследователи, арии в начале 2-го тысячелетия до н. э. создали в евразийских степях две мощные культуры. Одна из них, срубная, располагалась от Дона до Урала, другая, андроновская, от Урала до Алтая. На середину и конец 2-го тысячелетия до н. э. пришелся пик многовековой засухи, охватившей степной пояс Евразии. Поневоле ариям пришлось переселяться. Часть из них отправилась на юг, другая вступила в леса Европы.

В Авесте говорится о «змее рыжеватом», который напал на некогда благодатные пастбища и похитил скот. Быть может, речь идет о природной аномалии — засухе? Метафорически это нашло свое воплощение в образе дракона. Выгоревшая степь представлялась результатом его деятельности. Логика здесь такова — если прежние многоголовые боги не защитили страну от бедствия, то это плохие боги и их надо отвергнуть. На смену многоголовым змееобразным божествам пришли боги-богатыри* которые вывели людей из плена и защитили их от дракона. По крайней мере, развитие такого сюжета мы встречаем в Авесте. Наверняка этот драконоборческий сюжет сформировался еще на просторах Евразии, прежде чем арии принесли его в Иран и Индию. Об этом говорит единство драконоборческих мифов у иранских и индийских ариев, а также у славян и европейцев.

О былом мифологическом единстве очень хорошо свидетельствует миф о Диоскурах и Ашвинах. Диоскуры — близнецы, сыновья Зевса, братья Елены. Они вернули на родину похищенную Тесеем сестру, воспользовавшись его отъездом из Афин. Это очень похоже на сюжет многих русских сказок, когда братья отправляются вызволять сестру, похищенную Змеем Горынычем. Можно предполагать, что основа этих русских сказок и греческого мифа о Диоскурах единая. Однако один из Диоскуров — Полидевк — был бессмертным, а другой, Кастор, — смертным. Согласно Гомеру, Елена во время Троянской войны напрасно высматривает братьев в Троянской долине. К тому времени смертный Кастор был убит, а бессмертный Полидевк был взят своим отцом Зевсом на небо.

Однако сострадательный Полидевк уделил своему брату часть своего бессмертия и добровольно спустился в царство смерти, дабы подменить собой брата-близнеца. В то время когда Кастор пребывает на небе вместо него, в царстве смерти находится Полидевк. Таким образом, близнецы поочередно пребывают то на небе, то в преисподней. Этот сюжет отчасти похож на шумерский сюжет о возлюбленном богини Инанны пастухе Думузи. Полгода в царстве смерти проводит Думузи, а полгода его сестра Гештинанна, добровольно спустившаяся в

царство теней, дабы выручить брата. По всей видимости, и сюжет о Диоскурах и шумерский сюжет о возлюбленном Инанны восходят к единому протомифу. И там и там фигурируют божественные близнецы.

Индийский сюжет о братьях-близнецах Ашвинах очень похож на греческий. Их отцом является Дьяус — Небо. Как утверждают филологи, имя Дьяус весьма похоже по своему произношению на имя греческого бога Неба — Зевс. Как раз нечто среднее в произношении этих имен мы можем услышать в произнесенном имени Диве — славянское «диво» или древнерусское «див». Таким образом, довольно элегантно подкрепляется гипотеза о едином индоевропейском (арийском) боге Неба Диве, у которого были братья-близнецы. Согласно балтийской мифологии, у литовского Диеваса есть два сына, а в более древнем варианте сын и дочь, которые вступают в кровосмесительный брак. Мотив этой небесной свадьбы широко распространен у славян; у русских это Иван да Марья, которые бегут от людей, дабы уберечь себя от позора и людской молвы.

Все эти лингвистические и этимологические параллели ясно указывают на единство происхождения мифа.

У индийских Ашвинов также есть сестра, богиня зари Ушас. Оба брата имеют отца Дьяуса — Небо, или Вивасвата — Солнце, их матерью является Саранью, имеющая облик кобылицы. Недаром само имя Ашвины переводится с древнеиндийского как «рожденные от лошади» или «дети кобылы». Вероятно, в этом можно угадать их первоначальную хтоническую природу. Ашвины тесно связаны с солярным божеством, сыновьями которого они и являются.

Имя их отца — Дьяус — подозрительно похоже на имя, ставшее нарицательным, — Дьявол. Этот отрицательный персонаж рисуется в иконографии обычно обладающим змеиным телом, а то и многоголовым. Быть может, это отголосок или перефразированный рудимент того самого первого божественного Дракона, который породил людей? Недаром змей в библейской картине мира назван змеем-искусителем, и ему отводится заметная роль в деле создания человечества. Ашвины, согласно древнеиндийскому мифу, родились из яйца. Их называют еще сыновья Мартанды — дословно «яйцо смертного». Это как-то соотносится с золотым яйцом Брахмы, в котором, согласно древнеиндийскому мифу, родился сам многоголовый Брахма. Это также можно соотнести и с Солнцем, и с яблоком раздора. Не забудем также, что всем нам известный отрицательный русский персонаж Кощей Бессмертный и царь Змеулан хранят свою смерть в яйце, которое сокрыто в утке, зайце, сундуке, зарытом у корней гигантского дуба — Мирового древа — на острове Буяне.

Ашвины — покровители воинов, певцов. Разбуженные своей сестрой, богиней утренней зари Ушас, они несутся по небу в огненной колеснице, запряженной конями и птицами: орел, лебеди, соколы в сопровождении божества Солнца Сурьи. Следуя этому образу из Ригведы, можно предположить, что сама колесница Ашвинов и они сами вместе с богом Солнца воспринимаются как трехголовый змей, летящий по небу.

В Ригведе упоминается миф об Ашвинах. Как-то раз братья увидели, как после купания из реки выходит несравненная Суканья. Братья мгновенно влюбились в красавицу. Дело чуть было не дошло до вражды. Но братья мудро решили предоставить выбор самой Суканье. Но Суканью не покорила красота Ашвинов. У нее уже был муж, дряхлый отшельник Чьявана. Она не захотела даже взглянуть на братьев. Тогда они пошли на хитрость. Превратив Чьявану в прекрасного юношу, ничем не отличимого от них, они вместе с ним вышли из реки, предложив Суканье выбрать наилучшего. Но Чьявана по уговору дал тайный знак Суканье, и она выбрала именно его. В этом мифе, вероятно, прослеживается древняя сюжетная линия соперничества братьев из-за сестры.

Весьма интересно также, что в мифологии финно-угорских народов, которые долгое время

являлись соседями скифов и ариев во время их обитания на своей сибирской прародине, мы можем встретить загадочный персонаж — Крылатый Каре или Небесный Каре. Это существо умело говорить по-человечьи. Оно часто является ездовым животным для героя, отправляющегося в далекие края. Среди культовых изображений Прикамья часто встречаются подобные крылатые существа с волчьей головой. Быть может, это тот самый «серый волк» или «огненный змей-волк», частый персонаж русских сказок и легенд, который помогает Ивану-царевичу добыть Елену Прекрасную?

На раскопках в Приуралье археологи часто обнаруживают металлические пластины с изображением крылатых существ, нередко многоголовых, часто трехголовых, на груди их вырезано человеческое лицо. Можно предположить, что трехголовое крылатое существо несет ездока через горы и веси. По данным средневековых источников известно, что угорские племена проживали некогда в областях к западу от Северного Урала. Формировались эти племена значительно южнее — у границы степи. Очень может быть, что подобного рода персонажи, как Крылатый Каре, были заимствованы у ариев Южной Сибири.

В Авесте достаточно полно описывается область распространения арийских племен в Арйана Вэджа. Там упоминается река Волга (Ранха), Амударья (Ардви), Сырдарья (Датья), Каспийское море (море Вадукаша), Аральское озеро (Чайчаста), горы Алтая, Памира, Тянь-Шаня (Хукарья, то есть «Высокая Хара»). Входит в страну ариев и «Страна Баври» («Бобровая страна»), расположенная, по всей видимости, в районе Камы. Если рассматривать в целом, это те области, которые некогда занимала андроновская и отчасти срубная культуры.

Как считают специалисты, становление кочевого скотоводства восходит в этих районах к 5—3-му тысячелетиям до н. э. Очевидно, в это время появились у южносибирских ариев и колесницы. Легкие, маневренные, запряженные двумя конями, они наводили ужас на врагов. Тяжелые быстроходные колесницы, влекомые четверкой коней, вклинивались в самую гущу неприятеля и, сметая все на своем пути, как вихрь проносились мимо. На высоких платформах, украшенных бронзовыми фигурами диковинных зверей и драконов, высились ослепительно сверкавшие на солнце закованные в бронзовые латы и шлемы воины. Они осыпали неприятеля градом стрел; орудовали длинными бронзовыми секирами и топорами. Кроме того, к высоким колесам колесниц были привязаны мечи и длинные острые лезвия, которые при вращении колес крушили вражье воинство. Возница правил, лучники стреляли, воины орудовали копьями и мечами, раздавая сокрушительные удары направо и налево…

Можно себе представить, какой ужас наводили эти колесницы на неприятеля. Не стоит удивляться, что огромное пространство степи Евразии оказалось под юрисдикцией воинственных европеоидов. Не исключено, что образ этих колесниц также ассоциировался с многоголовым драконом, сеющим смерть и разрушение, поднимавшим после себя облака пыли. На Ангаре перед последующим затоплением некоторых районов археологи обнаружили выбитые на скалах колесницы, запряженные конями с стоящими на платформах лучниками. Очень может быть, что эти колесницы выбивали на скалах не сами европеоиды, а их потенциальные противники, не смевшие выходить из зоны лесов. Подобные колесницы выбиты на скалах Алтая и Монголии.

Позднее колесницы исчезли, и им на смену пришли племена воинов-всадников. Быть может, эта коллизия и отразилась в мифологии как замена дракона на коня.

Прямыми потомками сибирских ариев следует, вероятно, считать саков и сарматов. По крайней мере, они унаследовали многое от своих предшественников ариев-андроновцев.

Шаманский культ древних индоевропейцев?

Как в свое время считал Окладников, параллельно степному пути, по которому постоянно мигрировали кочевники, существовал во 3—2-м тысячелетиях до н. э. второй, лесной коридор, по которому проходило взаимовлияние культур и традиций и миграция народов. Этот лесной коридор связывал берега Оби и Томи, сибирскую тайгу, Приуралье и европейскую часть России. На протяжении этого огромного пространства в лесах археологи находят отдельные бронзовые предметы, явно доставленные из степных металлургических центров. Это мечи и кинжалы, литые бронзовые втульчатые топоры-кельты, типично скифские котлы.

По свидетельству Окладникова, археологи не одно десятилетие внимательно вглядывались в многочисленные, но характерные бронзовые изделия из тайги, а также, например, в изображения, обнаруженные на скалах Саган-Зас в районе Байкала. И вот что они выяснили. Бронзовые топоры-кельты, найденные в тайге, имеют не карасукский облик, что в общем-то можно было бы ожидать, имея в виду военную миграцию из Китая. Они ближе всего к найденным на Урале и в Поволжье и, видимо, связаны с лесными культурами бронзового века. Можно вспомнить в этой связи о тех же фатьяновцах, так неожиданно появившихся в междуречье Оки и Волги. Однако все многочисленные лесные культуры получили по первым находкам наименование сейминских, а позже сейминско-турбинских, которые названы так по раскопанному археологами могильнику у деревни Турбиной на Урале. Такие же связи с лесными районами Западной Сибири и лесной полосы Восточной Европы прослеживаются в петроглифах Байкала.

Это как раз и доказывает, по мысли А.П. Окладникова, что в лесах Евразии существовал второй коридор взаимодействия родственных народностей и племен. Как считает А.П. Окладников: «Без учета такого взаимодействия не понять столь важное явление в духовной жизни лесных племен, как шаманизм. Не случайно же и в бронзовом литье, и на петроглифах-писаницах именно в этом направлении, вдоль пути «сейминских бронз», обнаруживаются образы шаманов и шаманских духов в характерном облачении, с рогами на головных уборах. Писаницы с шаманами встречаются на скалах Байкала, в низовьях Ангары, на реке Томи и в Приуралье. Такие же образы видны и в керамике: рогатые человечки с поднятыми вверх руками, адоранты. В бронзовом литье литые маски, личины». Об этом пишет археолог в своей книге «Открытие Сибири».

Как тут не вспомнить кельтские котлы, на которых изображены подобного рода фигуры, чьи головы венчают рогатые шлемы. Окладников высказывает по этому поводу весьма здравую мысль: «Как ни далек от нас бронзовый век, но и тогда мир был тесен для людей и идей. Иначе как бы могли появиться на скалах Ангары и Лены фигуры ряженых танцоров с длинными хвостами и воздетыми к небу в молитве руками, точь-в-точь такие, как на петроглифах далекой Скандинавии, Швеции и Норвегии!» Кроме этого, на скалах Ангары и Лены обнаружены караваны лодок, весьма живо напоминающие нам композиции с лодками в Скандинавии и Норвегии. Окладников называет клады, обнаруженные в тайге, многочисленные жертвенники и подобного рода изображения «ритуальным музеем лесных племен».

Таким образом, можно предположить, что действие древних кочевых племен европеоидов не ограничивалось степным поясом Евразии. Эти племена в разное время проникали в лесные массивы на всем огромном протяжении Евразии. Быть может, эти кочевники принесли в леса шаманизм? Быть может, именно им мы обязаны сохранившимся и по сей день у жителей Западной и Восточной Сибири, монголов, бурят, финно-угров, саамов, тюрков, тибетцев, китайцев, японцев, корейцев, культам вызывания духов предков?

Вероятно, сибирский шаманизм арии принесли в Индию и Иран. Быть может, с шаманскими ритуалами связаны такие персонажи индийского эпоса, как гандхарвы. Эти полубоги, связанные с солнцем, хранят напиток бессмертия — божественную сому; они вступают в интимные отношения с «женщинами вод» и небесными танцовщицами — апсарами. Апсары, согласно Ваю-пуране, родились из воображения Брахмы. Они являются хранительницами вод и отожествляются с русскими русалками. Апсары, согласно мифологеме индусов, могут менять свой облик как угодно. Их несколько тысяч, и иногда их можно увидеть кружащимися в воздухе в виде прекрасных девушек несказанной красы, украшенных цветами.

После того как самый первый Гандхарва — «блеском подобный солнцу», живое воплощение солнечного света, вступил в брак с первой красавицей, «хозяйкой вод» прекрасной Апсарас, у них родились близнецы первопредки людей Яма и Ями, а также Ману. От них и пошел род людей. По крайней мере, такой сюжет мы находим в Ригведе. С тех пор число гандхарвов и апсар увеличилось значительно. Их великолепный призрачный город реет в вышине бескрайнего неба. И счастлив тот из людей, кто увидит этот город. Небожители заберут его в свою обитель. Позднее, видимо, это сюжет утратил свою радостно-возвышенную окраску. Сейчас в Индии считается, что тот, кто увидит город гандхарвов, покинет свое бренное тело до срока.

Что касается гандхарвов и небесных танцовщиц апсар, они очень похожи на мужских духов инкубов и женских духов суккубов, которые, согласно средневековым представлениям, соблазняли мирно спавших граждан по ночам…

Исследователи отождествляли гандхарвов с греческими кентаврами, а апсар с кентаврессами. Вряд ли это можно считать убедительным. Скорее всего, эти духи солнца и вод изначально выглядели как драконы; быть может, их даже можно назвать драконами любви, приносящими людям любовь на своих крыльях. Они же, судя по всему, являются покровителями искусств, экстаза и шаманских провидений. Ныне индусы воспринимают гандхарвов и апсар как вредоносных духов. Отнюдь не всегда было так, об этом свидетельствует распространенное у индоариев отношение к ним как к светозарным и водным божествам, которым поклонялись и приносили жертвы. Оседлав этих змеевидных духов, можно было совершать астральные путешествия. Так, согласно Махабхарате, «божественные риши» — мудрецы совершали путешествие в лунные четверти к великой горе Меру, «в северную обитель блаженного народа». Это весьма похоже на полеты «наших» европейских ведьм на шабаш на Лысой горе, вы не находите? При этом ведьмы используют в качестве коня-птицы (тот же образ дракона) помело, кочергу или что-то в этом роде.

К священной горе Меру, оседлав волшебную птицу Гаруду, летал муни Галава, мудрец Нарада и йогин Шука. Хорошо известно, что определенные черты шаманизма можно найти и у божественного Шивы. С распущенными волосами он, подобно главному шаману, танцует в небе и наводит ужас на всех, кто его видит. Шива отождествляется многими исследователями с греческим Дионисом. Очевидно, истоки происхождения этих божеств были близки. Иногда Шиву называют Рудрой, что может указывать на его связь с подземным миром. Хозяином небес воспринимается Вишну, а творцом всего сущего Брахма. Таким образом, три главных божества индуизма делят между собой три мира: горний, земной и подземный. Отголоски такого мировоззрения мы встречаем сегодня у многих народов Севера. Шаман, влекомый духами, поднимается вверх, для осмотра горизонта, затем он спускается вниз под землю, потом он провидит дела земные. Шаман поет особые песни и ударяет в бубен (прообразом которого был конь). Таким образом он скликает духов, которые готовятся поднять его ввысь, подобно мифическим драконам. Потом духи-драконы уносят его в подземелье, а затем с их помощью он возвращается на землю.

Сходные представления исследователи отмечают и у саами, живущих на севере Скандинавии. Душа шамана, как олень, несется по земле, затем, как птица, она парит в воздухе, потом, как рыба, уходит во глубину мировых вод. В этом во всем прослеживается и довольно ясная параллель с драконом. В нем как бы слиты воедино образы птицы, рыбы-змеи и оленя или коня. Дракон — идеальное средство передвижения. Да и сама душа шамана, представ в виде дракона, может воспарять и опускаться куда угодно. Быть может, эти представления уходят корнями в глубокую древность, когда душа представлялась индоевропейцам в виде змеевидного дракона? Нелишне напомнить, что индусы близнецов Ашвинов представляли часто в виде двух птиц или птиц-коней, что само по себе очень близко к образу дракона.

С другой стороны, у нивхов на Сахалине и Приамурье по сей день прослеживается резко негативное отношение к близнецам. В недалеком прошлом мать близнецов хоронили в медвежьей клетке, считая, что она согрешила с медведем, а о самих близнецах говорили как о «зверях». Быть может, это пережитки давнего негативного отношения к культу близнецов, распространенному у индоевропейцев Сибири?

Однако культурное заимствование, несомненно, было. По всей видимости, ритуальным вознесением и опусканием в подземный мир занимались жрецы культа, впоследствии у сопредельных народов ставшие шаманами.

Шаманские представления мы можем увидеть и в сюжетах многих русских народных сказок. Так, в сказке «Вещий сон» рассказывается об одном самобытном колдуне-юноше, Иване, купеческом сыне, который увидел провидческий сон и отказался его рассказать своему начальнику — молодому царевичу. За что царевич впал в гнев и посадил своего слугу в тюрьму, а сам поехал свататься к Елене Прекрасной. Слуга тем не менее из тюрьмы вышел и чудесным образом обрел себе одиннадцать помощников — внешне ничем не отличимых от него самого. Таким образом, их стало двенадцать. Далее двенадцать молодцов раздобыли ковер-самолет и шапку-невидимку. И прибыли к царевне Елене Прекрасной как раз вовремя, когда та готовилась испытать молодого царевича. Она загадала ему три загадки, на которые простой смертный бы не ответил. Но царевичу помогают двенадцать молодцов-близнецов, которые к тому же еще и невидимы и могут перемещаться по свету со сверхзвуковой скоростью. Слуга все загадки отгадал за своего царевича. И спас своего господина от смерти неминучей, при этом ему пришлось посетить невидимым вместе с царевной морского царя — дедушку Елены Прекрасной.

Однако царица поняла, что царевичу кто-то помогает. Не своим умом он отгадал ее загадки. Она взяла свою волшебную книгу и отправилась ночью к двенадцати слугам. И распознала, кто именно из двенадцати близнецов есть истинный провидец и слуга. Она остригла ему висок и приказала слугам поутру схватить виноватого и казнить. Но мудрый слуга перехитрил царевну. Он остриг виски у всех одиннадцати своих помощников. И двенадцать молодцов опять стали неотличимы друг от друга. Поняла царевна Елена Прекрасная, что проиграла, и в сердцах забросила свою книгу в огонь. Слуга же господина своего покаялся перед царевичем, почему он не хотел ему сон вещий рассказывать в самом начале, — он все знал, что будет наперед…

В этой сказке мы видим сразу множество параллельных линий. Царевна, внучка морского царя, вероятно, по генетической линии унаследовала его неукротимый нрав. Слуга выступает как спаситель царевича. Он похож на шамана-жреца, предсказывающего будущее и в этом будущем самолично участвующего. Слуга легко поднимается выше облаков, спускается к морскому царю и наперво знает, что будет на земле. В образе слуги мы можем угадать духа света — двенадцатиголового дракона. При этом дракон этот весьма мирный. Никто, кроме царицы, не покушается на его голову. Он отделывается легко, потеряв лишь прядь отстриженных волос.

Связь образа дракона с близнецовым культом прослеживается и в древнейшем хеттском мифе о царице Канише. Она рожает сразу тридцать сыновей-близнецов и, напуганная этим

необычным событием, помещает каждого в кувшин и бросает в воду. Горшки с близнецами по реке сплавляются к морю и попадают во власть морского царя. Он воспитывает их, и они, возмужав, выходят из морских вод в виде витязей прекрасных и отправляются искать свою мать. Меж тем у царицы Каниши родились тридцать прекрасных дочерей. Она хоть и испугалась вторично, но пожалела малюток дочерей и не стала их сплавлять по реке в горшках. Она воспитала их принцессами. Вот их-то и находят тридцать витязей, которые женятся на них. И лишь один брат предостерегает братьев и сестер от инцеста, догадавшись об их близком родстве. В этом хеттском мифе мы видим все тот же мотив о близнецах, связанных с водной стихией, об их кровосмесительной связи с родными сестрами, которая, впрочем, не произошла.

В этой связи нелишне вспомнить Пушкина. Помните, в его поэме «Руслан и Людмила» есть такие строки:

Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской.

Будто Пушкин был наслышан о хеттском мифе, что маловероятно: хеттами заинтересовались лишь после открытия чешского ученого Грозного в 1916 году.

У Пушкина есть еще строки такого же примерно содержания в «Сказке о царе Салтане…»:

Где-то вздуется бурливо
Окиян, поднимет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар, горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны как на подбор,
С ними дядька Черномор.

Ну что скажешь? «Ай да Пушкин, ай да сукин сын» — настоящий поэт-провидец, равносильный шаману.

С кем в первую очередь ассоциируются рогатые и хвостатые танцоры?

Очевидно, не зря А.П. Окладников говорит о петроглифах Ангары и Лены, изображающих ряженых танцоров с рогами на голове, длинными хвостами и воздетыми к небу руками, и о том, что подобные петроглифы обнаружены в Скандинавии, Швеции и Норвегии. Скорее такие петроглифы, обнаруженные вдоль пути «сейминских бронз» и в других местах, являлись свидетельством проникновения в 3—2-м тысячелетиях до н. э. культа быка в зону лесов Евразии. Вероятно, этот культ был широко распространен в степном поясе, то есть там, где действовали кочевники-европеоиды, перегонявшие свои бесчисленные стада с одного пастбища на другое.

Окуневские стелы также изобилуют изображениями рогатых божеств — полулюдей-полубыков. Как отмечал Б.А. Рыбаков, культ быка очень древний. Священные быки Солнца известны и в трипольской культуре, где имеются изображения бычьей головы с солнечным диском между рогами. Этот символ употребляется и в культе солнца Митры, также связанного с быком. Нелишне будет напомнить, что и в Древнем Египте бык Апис являлся одним из главных богов. Когда умирал священный бык, его хоронили с пышностью, достойной фараона, в специальном саркофаге. В Мемфисе — в древнейшей столице Египта — в набатейском городе Мамшите обнаружены сотни гробниц с набальзамированными телами быков. В специально построенных для этой цели храмах в Египте проводили богослужения, посвященные божественному быку — символу Солнца.

Аналогичные святилища найдены и в Малой Азии, например на холме Чатал-Хююк. Возраст этих «бычьих святилищ» запредельный — около 8 тысяч лет! На Крите во время раскопок минosских дворцов были обнаружены фрески, изображающие жертвоприношение быка. Их возраст 4500 лет. Примерно такой же возраст имеют ритуальные захоронения быков в культовых могилах от Днепра до Волги. Кости ритуально похороненных быков встречаются и в кольцевых ровиках степного Крыма и Херсонщины.

В 1880 году в окрестностях Симферополя под большим курганом был обнаружен скелет быка, обложенный со всех сторон камнями, — по-видимому, это был кромлех. Рядом с быком был захоронен человек в скорченном положении — поза эмбриона; время захоронения — эпоха бронзы. Каменное изваяние головы быка было обнаружено в Усатовском могильнике около Одессы. В 1964 году в большом кургане на окраине Красноперекопска была обнаружена могила круглой формы. В древности на уступы этой могилы были положены черепа и рога быков. Все они были аккуратно уложены друг против друга. На дне могилы археологи обнаружили два скелета, окрашенные в красный цвет, — взрослого человека и ребенка. Как считают специалисты, там был погребен шаман — служитель древнего культа быка. Около Керчи был найден культовый бронзовый топорик с изображением заключенных друг в друга солнечных кругов и быка. Как считают специалисты, этот топорик использовался для умерщвления жертвенных животных, приносимых в жертву Солнцу.

Как видим, культ быка и связанное с ним поклонение Солнцу были широко распространены в Древнем мире. Скотоводческие племена европеоидов, обитавшие на огромном пространстве Евразии и Северной и Восточной Африке, использовали эти «бычьи» ритуалы для воспроизводства стада, для достижения счастья и здоровья во время культа плодородия.

На одной картине венгерского художника XIX века Михаила Зичи изображен шабаш на Лысой горе. Тут можно увидеть сцену жертвоприношения коней. Лошадиные головы, надетые на длинные шесты, окружают шамана-жреца, на голове которого видна высокая шапка, а также

музыкантов, играющих на гуслях и на трубе. На головах людей, приносящих в жертву коней, можно разглядеть рогатые головные уборы. Вдали на горе сияет пламя жертвенного костра. Очевидно, сцена эта сопровождалась ритуальными человеческими жертвоприношениями. Тут же лежат убитые или околдованные воины, которых выбирают себе девы с непокрытыми волосами, очевидно ведьмы. Не исключено, что апогеем всего действа станет кровавое пиршество — ритуальный каннибализм.

Очевидно, художник использовал неизвестные нам этнографические материалы, дабы показать всю сцену шабаша предельно наглядно. Впрочем, может быть, художник, что называется, сгустил краски, хотя мне лично кажется, что вряд ли он что-то добавил от себя. Нам, людям сегодняшнего дня, все это кажется ужасным. Однако наши предки верили в реинкарнацию, и они воспринимали свой или чужой уход из мира не столь трагично, как делаем мы. Это был временный уход — для того чтобы вернуться. У наших непосредственных предков-славян, как и у ариев, был в ходу так называемый культ предков. Быть может, наиболее близок был к пониманию этого ритуала, связанного с жертвоприношениями, Сирано де Бержерак, который описал этот ритуал в своем произведении «Государства и империи Луны». Очевидно, подобный ритуал встречался и у аланов, предков осетин.

Не исключено, что в не столь уж отдаленные времена наши непосредственные предки, славяне и русичи, приносили в жертву быка в день летнего солнцестояния — 22 июня по новому стилю. В Иванову ночь — с 23 на 24 июня — разжигали жертвенный костер на горе, холме или возвышенности или около воды. Об этом времени красноречиво говорят строки русских сказок: «Горят костры яркие, кипят котлы кипучие». Ведьмы и колдуны собираются на шабаш, оседлав метлу, кочергу, веник, лопату, грабли, ухват, костыль, просто палку или прут. Все это метафоры крылатых коней, на которых и собираются участники сборища. Ведьмы обычно вылетают в трубу из избы, то есть тем же самым путем, каким в избу проникает крылатый огненный змей, предварительно натерев тело волшебной мазью, изготовленной из змей или вскипяченной вместе с пеплом купальского костра воды. Огненные духи подхватывают и несут их к месту встречи.

Можно предположить, что в былые времена индоевропейского единства прототипы ведьм и колдунов — парни и девушки — собирались на свою ночную сходку — встречать и приветствовать солнце, оседлав настоящих, а не мнимых коней. Вероятно, обряд разжигания купальского костра мало чем изменился с тех далеких времен. Парни и девушки украшали друг друга цветами, обливались водой, прыгали через костер, взявшись за руки. Если удавалось перелететь через пламя, не разомкнув рук, — это был верный знак будущей свадьбы. В некоторых местах России через костер матери переносили маленьких детей, страдающих каким-либо недугом, а в костре сжигали их рубашку. Считалось, что это дарует ребенку исцеление. Вероятно, через костры или полосу огня прогоняли и скот, дабы очистить его от скверны и от болезней. Подобный ритуал встречался в Италии, во время праздника, который именовали Палики, названного так в честь близнецов Паликов. Согласитесь, что название итальянского праздника похоже на название русского праздника Ивана Купалы. В этот день, а вернее, ночь молодежь приветствовала Ивана да Марью, согласно преданию вступивших в кровосмесительный брак. Однако, быть может, действо этим и не ограничивалось.

Упоминаемый в купальских песнях обряд наводит на мысль, что именно в эту ночь снимались запреты на любовные отношения между молодыми людьми и девушками. Недаром в Слове святого Иоанна Златоуста говорится: «…после пития начинают плясание, а их по плясании начаши блуд творити с чужими женами и сестрами, а девицы теряют свою невинность». Нарушение установленных традиций брачных норм как раз восходит к архаическому мифу о близнецах — брате и сестре, брат отождествляется с огнем, а сестра — с

водой. Сохранились русские песни, в которых купальский обряд связан с сюжетом взаимоотношения свекра и снохи.

В костре сжигали соломенное чучело Купалы и Мары (символа смерти). Быть может, это является свидетельством некогда бытовавшего в эту ночь жертвоприношения. Пепел и головешки купальского костра молодежь разбрасывала во все стороны. Считалось, что это способствует плодородию. На Псковщине, рассеивая пепел, пели: «Родись, хлеб для наших малых детей!» Головешки, взятые из купальского костра, раскладывали потом под капустные грядки. Вероятно, это являлось свидетельством все того же культа плодородия. Как считалось, детей находили в капусте. Подле кострища отыскивали остатки чучела и несли его к реке и там топили. Все это чрезвычайно похоже на обряд кремации на погребальном костре умерших родственников, распространенный в Индии, и затем погружения пепла в воду. После веселья в воде купались, входя в воду прямо в одежде. Празднование Иванова дня связано также с поиском цветка папоротника, который, согласно преданию, расцветает в Купальскую ночь и блистает, как огонь. Кто найдет его, того ждет счастье великое. Этот огненно-красный цветок в некоторых областях называли купальницей и отождествляли с кладом золотых монет. Утром молодежь приветственными криками встречала солнце, которое, по поверьям, «играет» в этот самый длинный день в году.

Кто на кого набрасывает волчьи шкуры?

Так с кем же мы сегодня можем ассоциировать украшенных рогами танцоров с привязанными бычьими хвостами, самозабвенно веселящихся возле купальского костра? Конечно, с чертями. Образ, как говорится, напрашивается сам собой. Жрец этого действа, вероятно, уподоблялся Дьяусу или славянскому Диву — прообразам нынешнего дьявола. Ассоциация с огненными духами индусов гандхарвами и водными апсарами также вполне очевидна. Эти духи, вероятно, доставляли на сходку своих ездоков — молодых мужчин и женщин. Не без их магической помощи молодежь заключала помолвку и договор о предстоящей свадьбе. В самом слове «Купала» лингвисты усматривают следы индоевропейского слова «кип» — отсюда глагол «кипеть». И в самом деле, в ночь на Ивана Купалу кипят страсти, и людьми владеет необузданное веселье. Однако это веселье изначально должно было служить силам добра и созидания. Оно было сродни шаманскому экстазу. Недаром гандхарвы являются хранителями сомы — божественного напитка бессмертия. Быть может, в стародавние времена люди и в самом деле владели секретом его приготовления?

Очевидно, танцующие юноши, украшенные атрибутами быка — рогами на голове и бычьим хвостом, уподобляли себя быку, а их партнерши — девушки — коровам. Бык был символом плодородия. Это сохранилось и в русских шутовских песенках: «Бык корову тык. Она ему: «Му-у-у, спасибо, бык!» Об этом может свидетельствовать и обряд, сохранившийся у русских, — набрасывание шкуры. Во время праздников, подобных Иванову дню, танцор набрасывал на себя медвежью, волчью, оленью или бычью шкуру. Обряд накидывания шкуры сопровождался инсценировкой гибели животного, его ритуализированным закланием, с последующим скидыванием этой шкуры. Тогда под шкурой тотемного животного оказывался человек. Это чудесное преображение человека, очевидно, являлось кульминацией всего действа. Это нашло свое выражение и в так называемых непридуманных рассказах: крестьяне уверяли, что случалось в старые годы, снимая шкуру с убитой волчицы или медведицы, находить под ней девицу в сарафане.

Быть может, такие представления послужили впоследствии для воссоздания института заместительной жертвы, когда вместо древнего жертвоприношения человека осуществлялось жертвоприношение животного. Обряд жертвоприношения быка на Иванов день зафиксирован в некоторых губерниях России еще в XIX веке.

Может статься, что обычай набрасывания шкуры отразился и в русском фольклоре. Так, в русской народной сказке из сборника Афанасьева «Об Иване-царевиче и Царь-девице» герой отправляется на поиски своих сестер, унесенных злыми вихрями. Сестер зовут Луна и Звезда. Иван-царевич после длительного странствования по Руси Великой добирается до палат белокаменных, где живет его сестра Луна, унесенная Медведем. Сам Медведь выглядит как медведь только за пределами своего жилища. Вступив на порог, Медведь ударился о сырую землю и сделался прекрасным молодцем. Иван-царевич втайне от Медведя предлагает сестрице бежать, но та отказывается: Медведь догонит и съест.

Тогда Иван-царевич отправляется к другой своей сестрице, Звезде. Она живет в медном дворце замужем за морским чудовищем. Однако и морское чудовище выглядит так только за пределами своего жилища. Вступив на порог, оно ударяется о сырую землю и превращается в прекрасного молодца. Иван-царевич предлагает и Звезде бежать, но та отказывается: морское чудовище догонит и съест.

Здесь мы видим двойственное отношение к Медведю и морскому чудовищу. Странствуя ежедневно по Святой Руси, оба персонажа являются воплощением зла. Однако на пороге своего

дома они преображаются в прекрасных юношей — мужей украденных ими красных девиц. Иван-царевич не может выкрасть сестер у их мужей, так как те погонятся за ними, превратившись в злых персонажей, и обязательно догонят и съедят. Таким образом, природа зверя — воплощенная хтоническим персонажем — и природа человека уживаются в одном лице. У себя дома Медведь и морское чудовище выглядят и действуют как люди, а за пределами дома как звери. И даже они сами не властны над этим роком перевоплощения.

В сказке сестер Ивана-царевича выкрадывает вихрь, прислуживающий Царь-девице, которую Иван-царевич берет в жены. Только он, безымянный слуга Царь-девицы, может безнаказанно похитить из логова зверей-людей их жен.

Быть может, в этой сказке сохранились отзвуки давней языческой магии перевоплощения, с которой и был связан обряд накидывания шкуры во время праздника?

Богатырь Волхв Всеславич с детства учился трем премудростям — оборачиваться ясным соколом (символ солнца), серым волком (символ царя мертвых) и гнедым туром золотые рога (символ земного счастья). Таким образом, шаманская составляющая видна уже в этих превращениях, символизирующих три мира индоевропейцев: горний, земной и подземный. Само имя Волх Всеславич указывает на его чародейное значение, присущее жрецам древнерусского культа. В «Слове о полку Игореве» мы также читаем о князе Всеславе, что у него вещая душа была в теле, что он, «ночь волком рыскавши», добежал за ночь от Киева до Тмутаракани до рассвета солнца.

В одной русской сказке повитуха Ягинична превращает троих рожденных царицей чудесных сыновей-близнецов в волчат, а вместо них на кровать роженицы кладет подкидыша — простого крестьянского мальчика. Царь разгневался на царицу, обещавшую ему родить троих сыновей «по колено ноги в золоте, по локоть — в серебре, во лбу красно солнце, на затылке светел месяц, на косицах часты звезды». Царь повелевает посадить царицу за обман в бочку вместе с ребенком и пустить в синее море. Бочка пристает к берегу, царица и подкидыш выходят из нее, а вокруг реки молочной стоят берега кисельные.

Возмужавший не по дням, а по часам подкидыш отправляется искать своих побратимов, при этом он добывает у Ягиничны волшебное зеркальце, в котором видит сыновей царицы в облике волчат, спящими на полянке под кусточком в лесу. Подкидыш отправляется в этот лес, разжигает костер и, связав волчатам хвосты, кричит зычным голосом: «Не пора спать! Пора вставать!» Волчата вскочили и рванулись в разные стороны, при этом волчьи шкуры с них вмиг слетели, и явились три родных братца с солнечными — золотыми и лунными — серебряными отметинами на теле. Подкидыш схватил волчьи шкуры и бросил их в огонь и вместе с побратимами воротился к царице. Тут молва о чудесных царевичах и до царя дошла, он поехал к царице, тут вся правда и открылась.

В этой народной сказке мы, несомненно, видим мотив, вдохновивший Пушкина на написание собственной сказки «О царе Салтане…».

Вероятно, эти мотивы восходят к древним легендам индоевропейцев о том, как небесные боги в начале зимы набрасывают на себя звериные шкуры и обращаются в диких животных, встречаемых людьми. Эти звери похищают скот. Но в том не нужно видеть злую напасть, это жертвы, которые боги берут себе за будущее народное счастье.

В последующие времена превращение богов в зверей стало ассоциироваться со злым колдовством. В народе укоренилось представление, что ведьмы, колдуны и нечистые духи могут из-за своей злокозненности превращать людей в различных животных. Такое превращение происходит на время или на всю жизнь.

На Руси бытовало представление, что злой колдун, зная имя человека, может превратить его в оборотня. Таких невольных оборотней, превращенных в животных не по своей воле, на

Украине и Белоруссии назвали вовкулаками, потому что они чаще всего представали в виде волков. Нередко они бродят возле родного села, а встретив человека, смотрят на него так жалостливо, по-человечьи, что их невольно начинали жалеть местные жители. Сельчане бросали им кусок мяса, но они от него отказывались, а хлеб, брошенный им, поедали с жадностью, при этом у новообращенных вовкулаков в три ручья текли слезы из глаз. Рассказы о людях, превращенных в волков, медведей, оленей, лисиц, зайцев, тетеревов, дятлов и прочую живность, очень жалостливы и как бы правдоподобны. Отсюда укоренилось мнение, что охотники иногда подстреливали дикого зверя в лесу, а сняв с него шкуру, находили под ней человека.

Так в народе укоренилось мнение, что колдуны могут превращать свадебное сборище в стаю волков, лисиц и прочих животных. Сохранился старый рассказ, в котором речь идет о подстреленных во время волчьей облавы трех волках. Под шкурой одного из них нашли молодого жениха, под шкурой волчицы — невесту в венчальном уборе, а под третьей шкурой оказался музыкант со скрипкой.

До сих пор в простом народе существует распространенное мнение о том, что для того, чтобы превратить свадебный поезд в волков, колдун берет ворох старых мочалок, нашептывает на них заклинания и подпоясывает ими гостей свадьбы. Обреченные тотчас становятся вовкулаками. Они могут обрести освобождение лишь тогда, когда опоясывающая их мочалка изотрется и порвется. Да и тогда такой человек долгое время бывает сумрачен, зол и долго не может привыкнуть к человеческой речи.

В народных сказках колдуны и ведьмы превращают людей в зверей, ударив их зеленым прутиком или наговоренной плетью. Эти обращенные звери иногда становятся ездовыми животными колдунов и ведьм, оседлав которых они отправляются на свои «бесовские» сходки на Лысую гору.

Стремление колдунов и ведьм превратить свадебный пс езд в животных, вероятно, объясняется давним представлением о том, что праздник «небесной свадьбы» в Иванову ночь также сопровождается ритуализированным превращением людей в животных и наоборот. Недаром ведьма, согласно славянским сказкам, стремится превратить молодого парня в коня и, оседлав его, отправляется на нем на бесовское сборище. То же самое можно сказать и колдунах, которые превращают девиц в разных животных. Быть может, в основе этих представлений можно угадать древний ритуал, когда индоевропейская молодежь, оседлав коней, умыкала невест, скрыв свой облик под личиной дикого зверя, например волка.

Такие незатейливые рассказы-былички типичны для темы оборотничества. Они часто связаны с темой любви. Это позволяет видеть в них далекое эхо реальных обрядов умыкания невест, когда будущий жених уподоблялся волку, быку или какому-нибудь иному животному, а его невеста робкой овечке.

Культ черного козла — противника Солнца

Тема превращения человека в тотемное животное и обратного превращения в человека обыгрывается во многих древних мифах. При этом сам тотем может являться обозначением бога плодородия или грозы. Вот, скажем, взять хотя бы распространенный сюжет превращения человека в козла. Очевидно, этот сюжет был также приурочен к Иванову дню. Он связан и с сексуальной магией. Об этом свидетельствует широкое индоевропейское распространение этого тотема. Греческий Дионис превращается в козла, а в свиту Диониса входит козлорогий и козлобородый Пан. Понятное дело, что эти персонажи являлись прообразами черта, который также отличался непомерной похотливостью. Недаром существовало у славян представление, что буйство водяного можно усмирить шерстью черного козла. В народе также было распространено мнение, что домовой

У некоторых народов во время ритуала похорон в жертву приносился черный козел, который должен был служить искупительной данью. Эта жертва поможет умершему возродиться в новом теле. Таким образом, настоящие и предполагаемые грехи умершего человека берет на свои плечи приносимый в жертву. Сохранилось даже выражение «козел отпущения», которое соответствует библейскому выражению «козел для отпущения грехов».

Мотив жертвоприношения черного козла можно усмотреть и в обрядовом действии на Иванов день. Быть может, в стародавние времена вместо козла, дабы «освободить Солнце», в жертву приносили человека. В сказке об Аленушке и братце Иванушке мы видим похожие мотивы. При этом готовящееся убийство Иванушки в облике козленка изображается как некое жертвоприношение: «Огни горят горючие, котлы кипят кипучие, точат ножи булатные, хотят козла зарезати…» Старые выражения типа «забивать козла», «драть козу», «драть как Сидорову козу» вполне четко указывают на возникновение таких выражений — на ритуальное заклание козла или козы. Весьма сходны с этим и обряды, проводимые на Рождество и Масленицу, когда «стрелок» обходит «туровня» по кругу и пытается поразить его палкой или стрелой. При этом после ритуального убийства козла он чудесным образом оживает.

Культ козла был распространен в древности намного шире. Козел уподоблялся божеству грозы, Эгис. Козья шкура является атрибутом Зевса, Афины и Аполлона. Эгис являлась также олицетворением черной грозовой тучи. Ежегодно в акрополе в жертву Афине приносился черный козел. Шкура, снятая с этого животного, возлагалась на статую Афины. По другой версии греческого мифа, Эгис — это огнедышащее чудовище — символ грозы, порожденное богиней земли Геей и убитое Афиной. Черный козел также был ездовым животным Диониса и Афродиты, что указывает на функцию плодородия. В Индии черный козел ассоциировался с богом Варуной — хозяином космических вод. Варуне противостоял Митра — божество, олицетворяющее огонь и солнце. Здесь мы видим все тот же мотив борьбы солнечного бога со своим противником, олицетворением ночи и грозы. Культ козла также имел место у тибетцев, о чем свидетельствуют выбитые на скалах тотемные изображения горных козлов.

Таким образом, жертвоприношение черного козла, по-видимому, должно было давать дорогу Солнцу. Это олицетворяло окончательную победу солнечного бога над своим змеевидным противником. В этой связи можно вспомнить и аналогичные ритуалы у индейцев Америки, когда богу Солнца делали кровавые человеческие жертвоприношения.

В русской сказке из сборника Афанасьева «Сопливый козел» мы находим все тот же мотив. Распрекрасная дева по настоянию своего батюшки вышла замуж за сопливого козла. Она ему слюни и сопли платочком подтирает и завидует, что ее сестры вышли замуж за добрых молодцев. Вот зовет красну девицу ее батюшка на свадьбу старших дочерей — ее сестер. А муж

и говорит красной девице: «Езжай ты наперед, а я позже приеду». Уехала красна девица, а муж сбросил с себя козлиную шкуру и предстал добрым молодцем и в качестве гусляра на свадьбу прибыл. Но смекнула девица, что этот гусляр — ее муж, побежала она домой раньше его. Прибежала — нет козла дома, одна козлиная шкура на печи лежит. Девица недолго думая эту шкуру в печи спалила, воротился назад ее муж — удалец-молодец, а козлиная шкура в огне уж сгорела. Так они и стали жить-поживать да добра наживать.

Козлиная шкура здесь ассоциируется с черной водяной тучей, а молодец-удалец с ясным солнцем.

Весьма интересно, что культ козла был и у скифов и у иранцев. Такое почитание козла наравне с оленем, быком, медведем, волком и прочими тотемами уходит своими корнями в глубокую древность. Так, согласно археологическим данным, в степях Монголии и Забайкалья уже во второй половине 2-го тысячелетия сложился особый звериный стиль, в котором в аллегорической зооморфной форме была зашифрована борьба солнечных богов со своими демоническими противниками. Этот стиль широко распространился на запад, на восток и юг. Он попал в Европу и Китай, в Иран и Индию, а также в Малую Азию и Северную Африку.

Звериный стиль обычно считают визитной карточкой скифов, живших в середине 1-го тысячелетия до н. э. в степях Причерноморья. Однако зона действия скифских племен распространялась гораздо дальше этой локализации. Как писал в свое время А.П. Окладников в книге «Открытие Сибири», раскопки в Туве, возглавляемые знатоком раннего металла М. Грязновым, «потрясли нас не только выразительностью и монументальностью погребального сооружения, но и тем ярким светом, который был брошен на социальные проблемы древнейшей, как оказалось, скифо-сибирской культуры».

Огромный курган Аржан в Туве, расположенный чуть южнее границы с Красноярским краем, представляет собой огромный архитектурный комплекс. Он является некрополем для множества захороненных в нем людей разных сословий, а также коней и домашних животных. Этот могильник имел в своем центре богато украшенный саркофаг главного лица — царя скифов. От него строго радиально, как лучи от солнца, отходили ряды других захоронений. Это были захоронения вельмож, одетых в роскошные одежды иноземного, древневосточного происхождения. По мысли исследователя Грязнова, это были «добровольно соумиравшие» вельможи. Они лишили себя жизни, дабы сопровождать своего патрона-царя на тот свет.

Подобные захоронения встречаются, например, в Японии и Китае, где военачальника или царя сопровождают в последний путь его приближенные. Опираясь на данные изучения этого богатого захоронения, Окладников делает вывод, что на Алтае в VIII веке до н. э. существовало развитое общество во главе с царем. Подобное зафиксировано и в более поздние времена у причерноморских скифов времен Геродота. Окладников пишет по этому поводу: «Самое главное заключалось в том, что скифское общество Тувы, как и Алтая, на этой ступени принадлежит неожиданно раннему этапу, оно много старше, чем царские курганы Причерноморья». Отсюда Окладников делает еще один важный вывод: «Глубинная азиатская Скифия, Аржана и Пазырыка представляют собой не какое-то захолустье, а видный влиятельный центр социального и культурного развития во всем сакском и скифском мире».

Весьма интересна и архитектура могильников — она указывает на распространенный культ Солнца. Не столь давно в этих местах на высокогорном плато Укок археологи выкопали «алтайскую принцессу», о которой уже говорилось. А совсем недавно там же найдено еще одно захоронение — это воин, погребенный вместе со своим конем. Археологам удалось извлечь мумию прямо в глыбе льда, после чего она была отправлена в Новосибирск, а потом в Москву. После того как мумию освободили ото льда, выяснилось, что это погребение не столь богато, как погребение «принцессы». На поясе у воина обнаружили бронзовое зеркало, головной убор

был украшен резьбой с изображением животных и покрыт тонким золотом. Весьма интересно, что рядом с воином был обнаружен не настоящий меч, а его деревянная модель. Как вы понимаете, сражаться на том свете деревянным мечом с настоящими противниками — дело заведомо проигрышное. Вероятно, это является свидетельством деградации культа предков и связанной с ним идеи реинкарнации. Нечто похожее обнаруживается позже и в Китае, когда рядом с умершим кладут не настоящие предметы быта и орудия, а их бумажные модели.

На плече воина четко прочитывается татуировка — изображение культового оленя — символа Солнца. Это свидетельствует, что у алтайских скифов по-прежнему сохранялся культ оленя. Воин имел светлые, рыжеватые волосы, заплетенные в косички. Перед нами типичный европеоид. Погребение относится к самому позднему этапу существования пазырыкской культуры — II–III века до н. э., незадолго до вторжения гуннов на Алтай. По сообщению китайских летописей, светлокожие и русые и рыжеволосые европеоиды — динлины — обитали в 1-м тысячелетии до н. э. на северных рубежах Китая, в районе Алтае-Саян.

Очевидно, был особый резон хоронить в высокогорье. Ближе к небу — легче восходить в обитель избранных. Как показали данные аэрофотосъемки и использование особых приборов, фиксирующих захоронения, в районе плато Укок выявлено свыше 500 могильников, относящихся к 1 — му тысячелетию до н. э. В начале XX века о существовании развитой цивилизации европеоидов в Передней Азии писал отечественный ученый В.Е. Грум-Гржимайло. Он утверждал, что европеоиды широко селились на северо-западе Китая, на Памире и в областях, прилегающих к Тибету.

Скифы как потомки сибирских ариев?

Ученые уже давно обратили внимание на совпадение сюжетных линий в индийском эпосе Махабхарата и иранском литературном произведении Шахнаме — Книге царей, который написал в IX веке н. э. классик таджикской и персидской литературы Фирдоуси. В Шахнаме повествование ведется от времен первого царя Йимы до возникновения вражды между двумя родственными народами иранцами и туранцами. В Махабхарате речь идет о кровопролитной войне между двумя родственными родами, Пандавами и Кауравами.

Сюжетная основа Шахнаме и Махабхараты совпадает. Это наводит на мысль, что в основе сюжета двух произведений лежат реальные события, развернувшиеся после того, как часть ариев ушла со своей северной прародины в Иран и Индию. Между теми, кто ушел, и теми, кто остался, развернулась борьба. Мотив этой борьбы предельно ясен. Ушедшие на юг племена превратились из кочевников в оседлых скотоводов и земледельцев. Постоянные набеги соседей из северных степей воспринимались ими как абсолютное зло. Можно сказать, что иранцы и индусы «спрятались» от своих кровных родственников за высокими горами. Гималаи и Тибет, а также высокогорные перевалы Афганистана отделяли плоскогорье Индостана от разрушительных набегов. Иранцы также укрылись в горных районах Ирана. Труднопроходимые горные перевалы оказались серьезным препятствием для колесниц врагов.

Таким образом, в конце 2-го тысячелетия до н. э. произошло разделение некой единой арийской общности на северные племена, продолжавшие кочевать по евразийским просторам, и жителей юга — иранских и индийских ариев. Однако и сами северные арии не остались в местах своего прежнего пребывания. Засуха, пик которой приходится на рубеж 1-го и 2-го тысячелетий до н. э., вынудила северных ариев покинуть степной пояс Евразии и переместиться в леса Европы. Вероятно, какая-то часть ариев осталась в Туве, Алтае-Саянах — пазырыкская и аржанская культуры. Эти племена продержались до нашествия гуннов в последней трети 1-го тысячелетия до н. э. Часть кочевников по-прежнему обитала в Туранской низменности, раскинувшейся от Каспия до отрогов Тянь-Шаня. Иные обосновались много западнее — облюбовав причерноморские степи. Грекам эти кочевники были известны в середине 1-го тысячелетия до н. э. как скифы.

С середины 2-го тысячелетия до н. э. боевые колесницы в степях Евразии постепенно начинают исчезать. На их место приходит конница, маневренная и стремительная. Быть может, это было связанно с тем, что северные арии не смогли эффективно использовать колесницы в борьбе со своими кровными родственниками: иранцами и индоариями, «спрятавшимися» за высокими горами. Как предполагают ученые, предпосылкой замены колесниц на конницу явилось и резкое увеличение поголовья лошадей, выносливых и годных для боя, — выведение новой породы. Именно конница обеспечила успех завоевательных походов ариев конца 2-го тысячелетия до н. э.

Арийские конники, вторгшиеся на территорию лесной Европы, получили тактическое превосходство над оседлыми автохтонными народами. И в самом деле, там, где не проедет боевая колесница, легко пройдет целый отряд всадников, используя лесные дороги и тропы. Это послужило фактором стремительного проникновения арийских племен в лесную зону Евразии. Эти племена и заселили Европу, став впоследствии европейскими народами. Отчасти пришельцы смешались с местным, неарийским населением, образовав так называемые малые расы евразийцев. Однако первоначально было, вероятно, серьезное препятствие — вера предков, которая запрещала вступать в брак с иноверцами «не своего роду-племени». Именно поэтому европейцы сохранили свой облик до наших дней, не растворившись в местном населении лесов

Европы. Очевидно и другое: численно евразийцы были в абсолютном большинстве. Лесная часть Европы к тому времени была не слишком населена. Арийцев вынудила к перемене мест вынужденная обстановка — кризис перенаселения и засуха.

Как предполагает большинство ученых, северные арии первоначально селились в зоне степного пояса Евразии. Поначалу у них было пастушеское (придомное) скотоводство. Скот выгоняли на пастбища. Затем, по мере роста поголовья скота, пастушеское скотоводство сменило яйлажное (отгонное). Часть населения вместе со своими стадами уходила весной на отдаленные пастбища и кочевала вместе со скотом до осени. И лишь тогда возвращалась домой. Однако полуоседлое скотоводство и образ жизни также исчерпали себя.

В конце XIII века до н. э. на смену полуоседлому скотоводству у андроновцев приходит кочевое. Именно тогда андроновцы превратились в настоящих, кочевников, постоянно кочующих от одного пастбища к другому. Кочевой образ жизни, по всей видимости, и позволил соприкоснуться с ранее непосещаемыми зонами обитания в лесной Евразии. Засуха также сыграла свою роль. К концу 2-го тысячелетия до н. э. оскудевшие пастбища уже не могли прокормить огромное количество скота. Последовала последняя мощная волна миграций на юг. Она буквально смёла земледельческие центры Средней Азии. Она получила название «варварской оккупации». Кочевой образ жизни здесь стал вынужденной необходимостью. Кочевники, оседлавшие боевых коней — новую породу, выведенную северными ариями, вторглись в места проживания оседлых жителей. Северные арии превратились в ратников и конников — серьезную угрозу всему миру оседлых жителей. Прямыми потомками андроновцев стали сибирские скифы, саки, сарматы.

Как полагал А.П. Окладников, скифские общества Тувы и Алтая намного старше скифского общества Причерноморья. Отсюда Окладников делает предположение, что «царские скифы» являются пришельцами с востока — из Сибири, а не с юга — из Ирана, как предполагают некоторое ученые. Основой возникшего в Северном Причерноморье с VII по II век до н. э. скифского общества являлись воинственные пришельцы. Они и известны под греческим названием «скифы». Сами скифы называли себя сколотами. Можно предположить, что воинственные племена «царских скифов», покинув пределы своей сибирской прародины, уже в начале VII века возглавили весь союз скифских племен. Позднее ими было создано государственное объединение в Причерноморье. По крайней мере, это следует из слов Геродота.

Наиболее характерными чертами скифской культуры являются своеобразное вооружение всадника и искусство. Скифский сложный лук был малых размеров, но обладал большой силой боя. Лук и короткие оперенные стрелы носили в особом футляре — горите, лицевая сторона которого была богато украшена. Иногда весь горит покрывали накладным серебром и золотом с изображением сцен войны и боя зверей. Ранние скифы имели литые бронзовые шлемы. Позже шлемы стали делать из железа. Сначала у скифов был бронзовый панцирь. Затем ему на смену пришел железный. Весьма характерным вооружением скифов были короткие мечи — акинаки, легкие метательные дротики и тяжелые с длинными наконечниками копья. Голень всадника была прикрыта бронзовым щитком — кнемидой. Маленький деревянный щит дополнял вооружение всадника.

Конь также защищался от ранений в бою. Его узда была украшена налобником, наносником, нащечником, массивными псалиями. Грудь коня была украшена массивными круглыми бляхами — фаларами. Скифы обходились без седла и стремян.

Скифы были великолепными стрелками и всадниками. Они внезапно, стремительно нападали, и это делало их очень опасной силой.

Погребения скифов по-варварски пышны. Накладное массивное серебро и золото украшает конскую сбрую, оружие, костюм. Особенностью скифского искусства был звериный стиль.

Олени, лани, пантеры, барсы, грифоны и орлы показаны в позах напряженной борьбы. Как считают многие специалисты, звери — настоящие и фантастические — были зооморфным олицетворением скифских божеств.

Как ни парадоксально, но скифское вооружение и убранство встречается в степях Евразии повсеместно.

Об этом свидетельствуют, например, находки в Приуралье, Сибири, Алтае, Монголии и даже в китайском Ордосе, ныне это пустынное плато в Центральной Азии в излучине реки Хуанхэ. Быть может, это является свидетельством масштаба действия скифских племен. Например, некоторые исследователи считают Ордос родиной тюрков. Вероятно, в 1-м тысячелетии до н. э. ордосские скифы, смешавшись с монголоидами, явились основой южносибирского антропологического типа. Это расовое и культурное смешение при всю к созданию тюркоязычной общности. В начале 1-го тысячелетия н. э. Ордос был завоеван гуннами. Китайцы пытались отгородиться от воинственных скифов и гуннов Китайской стеной, которую построили в этом районе Центральной Азии.

Уже по локализации скифских курганов, элементов вооружения и особому стилю искусства — звериному стилю видно, что сибирские скифы распространили свое влияние на огромные пространства степного пояса Евразии: как на запад — до степей Северного Причерноморья, так и на восток — до Ордоса. В китайской мифологии существуют удивительные персонажи — чудесные кони чжоуского царя Мувана. Эти восемь скакунов: рыжий, быстроногий, переступающий, белый, желтый, пестрый, зеленый, горный — за одну ночь могли проскакать десять тысяч ли, не касаясь земли. Они неслись по небу быстрее, чем птицы.

У одного из них на спине росли крылья, и он мог летать.

Быть может, эти чудесные кони являются неким воспоминанием о скифах? Не исключено также, что сам чжоуский царь Муван был скифом.

Весьма интересно также, что в германской мифологии есть персонаж Дикий охотник. С ним ассоциируется Один-Вотан. Он вместе со своей свитой скачет по небу пол Рождество на волшебных конях быстрее ветра и наводит ужас на всех жителей округи. Дикий охотник, согласно германской мифологии, охотится за душами людей, унося их в свое подземное царство. Быть может, это тоже свидетельство скифского вторжения во владение германских племен? На картине венгерского художника XIX века Михаила Зичи изображены небесные всадники, мчащиеся по небу под предводительством своего атамана, восседающего на белом коне, в шлеме и с копьем. Далеко внизу блестит излучина реки и высится средневековый готический замок. Быть может, художника также вдохновил мотив Дикого охотника, весьма сходный со скифским обрядом, когда скифское воинство мчится вслед за белым царским конем?

Ученые не одно десятилетие спорят — кто такие были скифы по своему этническому и расовому происхождению? Так, Гордон Чайлд в своей книге «Арийцы. Основатели европейской цивилизации» отказывается называть скифов иранцами. Он пишет об обычае, когда в гробницу царя помещали убитых слуг и жен. Чайлд считает, что такие обычаи чужды «истинным арийцам» — иранцам и индусам, — и видит в них проявление азиатского менталитета. Между тем он видит в скифской культуре много черт, присущих кочевникам Монголии. Из всего этого, ссылаясь на исследователя Миннзома, он делает в общем-то неправильный вывод, что скифы были «монголоидными предшественниками гуннов, татар и печенегов, и это не вызывает сомнения».

Если с первым утверждением Чайлда можно согласиться: «Скифы не были иранцами — выходцами из Ирана», так как скифы были, по всей видимости, выходцами из Южной Сибири — потомками андроновцев, то со вторым его утверждением по поводу монголоидности скифов согласиться никак нельзя. М.М. Герасимов реконструировал лицо типичного скифа

Причерноморских степей по черепу, найденному в одном из многочисленных курганов группы «Сирко» близ села Сумского. Оказалось, что череп «типичного монголоидного» скифа имеет европеоидный облик, «резко долихокранный, с широким лбом, высоким и широким лицом» — так пишет Герасимов в своей книге «Восстановление лица по черепу». Далее антрополог добавляет: «Портрет скифа из «Сирко» может рассматриваться как портрет типичного представителя скифов Причерноморских степей». Как видим, ничего «монголоидного» в облике причерноморского скифа нет. Как нет ничего «монголоидного» и в облике других скифов — алтайских, чьи захоронения в огромном количестве обнаружены на высокогорном плато Укок.

Да, что говорить, ошибался не только Чайлд, но наш отечественный поэт Серебряного века Александр Блок. Он писал: «Да, скифы мы, да, азиаты мы. С раскосыми и жадными очами». Про скифов и азиатов — предков русских — еще можно где-то согласиться, а вот про раскосые и жадные очи вряд ли.

Таким образом, из сказанного становится ясно, что скифы, как сибирские, так и причерноморские, являются прямыми наследниками андроновцев, кочевавших от Урала до Енисея, и срубников, чья культура располагалась от Днепра до Урала.

Где жили-были арии?

Вероятно, нужно напомнить, что на бескрайних просторах евразийских степей, расположенных от Великой Китайской стены до Дуная, во 2-м тысячелетии до н. э. сформировались две огромные культурные общности: срубная и андроновская. Естественным образом представители этих общностей постоянно контактировали друг с другом.

Поселения и могильники андроновцев были классифицированы учеными и разделены на три хронологических этапа: федоровский, алакульский и замараевский. Каждый из этих хронологических этапов отличался некоторым своеобразием, но в целом культура была плоть от плоти андроновской. В целом андроновскую культуру характеризует единство форм глиняной посуды, набора женских украшений, орудий труда, быта и вооружений. Но все же некоторые отличия существовали. Так, например, федоровцы тела почивших людей сжигали, а в могилу помещали пепел и специально изготовленную куклу, которую мастерили из одежды покойного, набивая ее травой и соломой. Похожий обряд трупосожжения отмечается и в могильниках поздней бронзы в степном Крыму. Там в грунтовых могилах прямоугольной формы небольшой кучкой лежат сильно прожженные и поломанные человеческие кости. Рядом находятся кости лошади и разбитые горшки. Вполне понятно, что сожжение покойника происходило не в могиле, а на погребальном костре. Идентичный обряд наблюдается в Южном Зауралье, откуда этот обряд, очевидно, и попал в Крым.

Алакульцы погребали своих умерших в скорченном положении, аналогичные погребения характерны для племен срубной культуры. Похожие погребения появляются и в Крыму в эпоху поздней бронзы на рубеже 2-го и 1 — го тысячелетий. Колени покойного подтянуты к самой груди, руки согнуты в локтях, а ладони расположены возле лица. Иногда возле пояса археологи находили костяную пряжку. Вероятно, покойника приводили в скорченное положение при помощи ремня.

Таким образом, мы видим, что срубники и андроновцы постоянно взаимодействовали друг с другом, а на рубеже 2-го и 1-го тысячелетий, вероятно в связи с засухой, поразившей степной пояс Евразии, они отправились на юг.

Совсем недавно казалось, что бронзовый век урало-казахских степей хорошо изучен. Однако в последние годы в степях Урала и Казахстана были открыты многослойные могильники и поселения, относящиеся к началу 2-го тысячелетия до н. э. Археологи выяснили, что они несколько отличаются от уже известных алакульских и федоровских могильников и поселений. Специалисты выделили среди вновь открытых памятников две археологические культуры: петровскую — Тоболо-Ишимскую и синташтинскую — Южно-Уральскую.

Как полагают, эти две культуры имеют непосредственное отношение к ариям, мигрировавшим в Иран и Индию. По крайней мере, по данным лингвистов, разделение ариев на две ветви — иранскую и индийскую — наметилось еще на их исторической прародине в конце 3-го — начале 2-го тысячелетия до н. э.

Однако еще А.П. Окладников в свое время предполагал, что андроновцы отправились на юг, в Малую Азию. Так, в своей книге «Открытие Сибири» он пишет о «солнечном идоле» из Академгородка. Напомним, на этом идоле вырезано изображение рыбы, как модели вселенной, а также зооморфные и антропоморфные фигуры с рогами и изображения трех солнечных дисков, каждый из которых пересечен крестом. Аналогичные изображения круга и креста обнаружены в Крыму на погребальных каменных ящиках эпохи бронзы. Они датируются концом 3-го — началом 2-го тысячелетия до н. э. А в карстовой пещере Крыма, названной пещерой МАН (Малая академия наук), обнаружено пещерное святилище, в котором над схематическим

лицом человека изображен нимб, а над ним крест — символ Солнца. Это изображение датируется VII–VI веками до н. э. Не исключено, что подобные солярные знаки принесены были в Крым кочующими андроновцами.

Однако Окладников, ссылаясь на известного исследователя кавказских племен академика Н. Марра, пишет о том, что «солнечный идол» из сибирского Академгородка очень похож на аналогичные идолы — вишапы — из Армении, которые устанавливались вблизи водоемов. На вишапах также имеются изображения рыб, солярные знаки, антропоморфные и зооморфные крылатые божества, украшенные бычьими рогами, а также аисты — птицы счастья, водяные струи и змеи. Нельзя исключать, что вишапов установили в Армении мигрировавшие туда потомки андроновцев. Кроме того, необходимо особо указать, что вишапами в армянской мифологии называют драконов, крылатых змеев, связанных с водной стихией. Эти огненные драконы, символизирующие вихри и дождевые тучи, спускаются с гор и пытаются проглотить солнце. Вероятно, вишапы в древности были связаны с культом плодородия. Предполагают, что у подножия каменных стел, олицетворяющих драконов и рыб, некогда приносили в жертву молодых девушек. С этим связаны и последующие мифы об освобождении вод и девушек героями, убившими вишапов. Быть может, и возле окуневских и минусинских «солнечных идолов» в былые времена приносили в жертву людей?

Как считают некоторые специалисты в области языкознания, существуют убедительные параллели в армянском, хеттском, крито-микенском и древнеиндийском языках. Эти параллели указывают на время активных контактов между этими народами — это начало и середина 2-го тысячелетия до н. э.

Как полагает историк И.П. Евтушенко, «в качестве рабочей гипотезы правомерно отождествить петровчан с древними иранцами, а синташтинцев с протоиндийцами, которые к XVII веку до н. э. покинули свою родину и ушли в Переднюю Азию, а затем в Индию». Это суждение Евтушенко высказал в своем обзорном реферате «Арии на Урале».

Очень может быть, что отправившиеся в Иран петровчане были отнюдь не первыми из арийских племен. Быть может, их намного опередили окуневцы, создатели антропоморфных стел, кои и сегодня можно видеть в минусинских степях. Примерно такую мысль высказывал исследователь Т. Барроу, который предположил, что пришлые арии сменили в Иране родственное население. Барроу подкреплял этот тезис тем, что в лексике индоариев много слов, заимствованных у дравидов, в то же время у иранцев такое заимствование отсутствует. На основе этого Барроу делает вывод, что арии Ирана сменили в Иране родственное население.

Как считает Евтушенко, «хозяйственно-культурный тип ариев соответствует только материальной культуре пастушеских народов степей, и прежде всего — носителей андроновской культуры». Очень может быть, что одна из миграционных волн, связавшая Балканы и Урал, проходила через Кавказ. Весьма показательна в этой связи близость шахтных гробниц Микен XVII века до н. э. с могильниками Синташты. Могильники синташтинцев обнаружены и на Волге и на Дону, в степях Украины и в Румынии.

Хорошо известно, что индоарии, пришедшие в Индию, были пастухами, кочующими на своих повозках со стадами. Они исполняли обряд Ашвамедха, следуя за священным царским конем на завоевание новых земель. Культ коня и колесниц зафиксирован и в Малой Азии, когда арии вместе с хурритами появились в Митанни в XVII веке до н. э.

Хорошо известно, что у андроновцев Сибири широкое распространение получили колесницы: на это указывают находки в поселениях и погребениях их глиняных моделей, а также сами остатки колесниц, костяные псалии, скелеты и кости упряжных коней. По крайней мере, известно об одном изображении колесниц, сохранившемся на андроновском сосуде. Исследователи реконструируют два типа колесниц — тяжелые с цельными колесами и легкие

одноосные колесницы. Двухколесные колесницы, а вернее, то, что от них осталось, находят в могильниках петровского типа, а также на Урале, в Северном и Центральном Казахстане. В Синташтинском могильнике найдено колесо около 1 метра в диаметре, с 12 спицами.

Эти колесницы, принадлежавшие к раннему этапу андроновской культуры, считаются пока самыми древними в Старом Свете. В захоронениях и на глиняных площадках над перекрытием могил захоронены кони. Они часто положены парами, головами друг другу навстречу. Иногда в могилы положены отрезанные головы или черепа коней. Это свидетельствует о развитом у андроновцев культе близнецов. Недаром у индусов кони ассоциировались с близнецами Ашвинами, а у греков с Диоскурами. Вероятно, вместе с переселенцами откуда-то из степей Южной Сибири культ близнецов попал в Европу и в Индию. У балтийских славян сохранились парные изображения лошадиных голов, символизирующих божественных близнецов — «сыновей бога» — Диео сунелия и Диева дели на коньках крыш и предметах быта. При этом изображение коней сопровождается солярными знаками.

В 27 погребениях Урала выявлены остатки колесниц, следы колес, псалии и погребения коней. Это свидетельствует о развитом у андроновцев культе колесниц. Этот культ позже был принесен переселенцами в Индию и Иран. Кроме того, в этих погребениях обнаружен набор вооружений: сложный лук, стрелы, боевой топор, копье, кинжал, булава, панцирь воина, шлем, плеть. Среди прочего имеются захоронения крупного рогатого скота, отдельно бычьи черепа и ноги, а также захоронения собак.

Как видим, андроновцы были примерными воинами. Набор вооружения также типичен для индоариев, что дополнительно указывает на миграцию андроновских племен на юг. По всей видимости, у андроновцев существовало табу на вступление в брак с иноверцами и представителями иных этнических обществ. Именно поэтому андроновцы на протяжении длительного времени сохраняли свой антропологический тип и особенности самобытной культуры в неприкосновенности. Нечто похожее мы видим и у индоариев, в виде кастовых запретов на вступление брак с представителями не своей касты. Быть может, у андроновцев существовали касты, как у индоариев.

По крайней мере, косвенным свидетельством этого могут являться «города мастеров», открытые в 1987 году в Челябинской области. Наиболее известный из них — Аркаим, который имел круглую планировку, чем-то схожую с планировкой могильника Аржан в Туве. Очевидно, и могильники и города в Южной Сибири представляли собой ритуальный комплекс, связанный с поклонением Солнцу.

Практически в каждом доме Аркаима была печь для выплавки металлов. Очень может быть, что основным населением Аркаима были металлурги и мастера (каста ремесленников), исполнявшие заказы на изготовление орудий и колесниц.

На центральной круглой площади этого города, вероятно, горел огонь — об этом свидетельствует прожженная земля, и совершались ритуалы поклонению божествам Солнца и Огня.

Землю, где расположен Аркаим и другие памятники «страны городов» на Южном Урале, относящиеся к эпохе средней бронзы 1800–1600 годов до н. э., планировалось в 1987 году затопить. Слава богу, что этого не произошло!

Как считает первооткрыватель Аркаима Г.Б. Зданович, люди внезапно покинули «страну городов». Быть может, они к тому времени уже начали свое движение на юг?

Храму-музею подоткрытым небом пять тысяч лет

Было время, когда огромные степные просторы Западной Сибири между Уралом и Енисеем были довольно густо населены евразийцами. Однако был на этом огромном пространстве уголок, особенно отмеченный обилием памятников, относящихся к самым разным эпохам.

В каком бы районе Хакасии ни оказался современный путешественник, первое, что он видит, — это вертикально стоящие камни. Размер их самый разный, одни из них располагаются в гордом одиночестве посредине степной равнины, другие стоят группами у подножий огромных земляных холмов. Они могут образовывать мегалитические круги, ряды, ограды, а могут быть едва заметными посреди степного разнотравья. Единственное место, где нет этих камней, — это зоны горной тайги.

Когда впервые в эти места попал посланный Петром I Иоганн Мессершмидт, то он вообразил, что Минусинская котловина является огромным кладбищем, куда свозили покойников со всей Азии. На самом деле это и было отчасти так. Здесь хоронили умерших на чужбине героев. Свиту умершего царя не останавливали трудности длительных переходов. Они везли сюда за тысячи верст тело своего набальзамированного патрона. Здесь же хоронили безвременно почивших царских невест и цариц. В результате Хакасия за тысячи лет превратилась в огромный некрополь, где упокоен прах десятков тысяч людей, живших в разное время.

Количество памятников и масштаб сооружений впечатляет даже сегодня. И это при том, что тысячи могил были разграблены и разрушены еще в глубокой древности. Тысячи памятников оказались на дне Красноярского водохранилища. Множество стел были разрушены во время освоения целины.

Пять тысяч лет в Хакасии существовала традиция постройки надмогильных и жертвенных сооружений. Эта традиция возникла с начала 4-го тысячелетия до н. э., когда тут появились племена европеоидов, и продолжалась вплоть до татаро-монгольского нашествия.

Очевидно, это обусловлено тем, что область минусинских степей являлась уникальным природно-ландшафтным и историческим участком, равный которому вряд ли мы найдем во всей Южной Сибири. Как полагает археолог Д. Мачинский, эти места и являлись той самой легендарной Гипербореей, о которой известно из произведений античных авторов. Некоторые сведения о легендарной Гиперборее можно почерпнуть и у скифов.

Как указывали греки, за Рипейскими горами — Уралом — находится благословенная земля. Там «текут молочные реки в кисельных берегах», там расположена обетованная земля древних богов. Считалось, что в Гиперборее груды золота и серебра лежат прямо на дорогах. Там добывают медь. Через Гиперборею протекает величественный поток Кампос. Здесь надо заметить также, что Кам или Кем — это древнее название Енисея. Так его назвали сибирские народы, жившие у его берегов. В Гиперборее изобилуют чудесные плоды и, выражаясь в стиле Овидия, «мед сам струится с зеленого дуба». И в самом деле, в Минусинской котловине особый микроклимат. Ее называют иногда «сибирской Швейцарией». Здесь, пожалуй, самое северное место во всей Евразии, где выращивают арбузы и дыни. Однако читатель может возразить — греки обычно помещали Гиперборею на севере. Но все дело в том, что севером в те далекие времена нередко называли Восток, то место, откуда встает солнце.

Прибавьте к этому весьма удобное расположение. Минусинские степи со всех сторон окружены горами — это Кузнецкий Алатау, Восточные и Западные Саяны. И лишь в северной части Минусинской котловины, между двумя непроходимыми таежными массивами протянулся с запада на восток узкий лесостепной коридор. По этому коридору сюда можно попасть из

Великой евразийской степи. По течению Енисея, оставив в стороне труднопроходимые Саяны, отсюда можно попасть в Монголию. Восхождение по отрогам Алтайских гор выведет вас на высокогорное плато Укок и в Китай.

Весьма понятно, почему без малого шесть тысяч лет назад эти места привлекли к себе пристальное внимание европеоидов, кочующих по Великой степи. На отмелях рек Минусинской котловины древние мастера собирали необычные камни. Нет, это не были самоцветы, которыми славится Урал, — это было нечто другое. В котловине в изобилии встречаются самородки металлов: золота, серебра, меди, свинца, а также метеоритное железо.

Со всеми этими металлами европеоиды уже были знакомы. Горные породы Саяно-Алтайского нагорья, включая и степные пространства, исключительно богаты рудными и самородными аллювиально-деллювиальными россыпями разнообразных металлов. Сначала, очевидно, металлические орудия и украшения изготовлялись путем холодной ковки, в основном из самородков меди. Так изготовлялись серпы, ножи, бритвы, игольники, иглы, оковки и многое другое.

Вероятно, тогда же выделилась из числа обычных общинников особая каста кузнецов. Они ковали из самородков золота и серебра изящные украшения, из свинца — серьги и игольники, из метеоритного железа — пластиничные браслеты. Все эти предметы были обнаружены археологами в ранних афанасьевских погребениях. Вскоре металл перед ковкой стал разогреваться на огне. Вероятно, с этим связан и культ огня, распространенный у афанасьевцев. В третьей четверти 3-го тысячелетия до н. э. появились литейщики-металлурги, выплавлявшие медь из окислившихся руд, находившихся в поверхностном залегании. В горном Алтае обнаружены копи афанасьевской культуры, рудокопные орудия и сверленые топоры. Каста металлургов, получая металл в ямных печах и горшках — тиглях и льячках, овладела в совершенстве секретами мастерства, которое передавалась из рода в род.

Таким образом, в середине 3-го тысячелетия до н. э. появился мощнейший южносибирский очаг обработки металлов. Этот очаг, пожалуй, самый древний во всей Северной и Восточной Азии. Земледельческие племена Китая овладели бронзой лишь в XVIII–XVII веках до н. э. По всей видимости, китайцы переняли секреты металлообработки от афанасьевцев.

Надо ли говорить, что в ходу у афанасьевцев были ритуалы поклонения огню? Похожие ритуалы мы видим и у иранцев, и у индусов.

В связи с этим находят объяснение и архитектурные решения, используемые степными скотоводами — афанасьевцами. Свои жертвенники и погребения афанасьевцы оформляют в виде круглых курганов и кромлехов, символизирующих Солнце. Круговая архитектурная планировка характерна и для Аркаима и других поселений, расположенных вдали от Хакасии на Южном Урале. Аркаим очень похож на легендарную авестийскую вару, которую создал Йима (Яма) как убежище для праведников.

Согласно Авесте, вара имела кольцевую структуру, связанную, очевидно, с поклонением богу Огня и богу Солнца. Центральный круг был предназначен «для огней ярких и для семени». И в самом деле, на круглой площади Аркаима, по всей видимости, горел священный огонь. Второй круг вара предназначался для жительства людей, а третий — для скота. Вся эта круговая архитектура связана с символом Солнца, и она отражена в виде солярных знаков на посуде и культовых стелах афанасьевцев и пришедших им на смену окуневцев.

Самый яркий памятник той эпохи, дошедший до нас, — Туим-кольцо. Он наглядно демонстрирует единство стиля с подобными сооружениями Северо-Западной Европы. Вокруг каменной ограды с выложенными из камня диагоналями сооружен из вкопанных многотонных камней-менгиров гигантский круг — кромлех. По своей архитектуре он напоминает мегалитические памятники Британии, Франции, Северной Германии: например, всем известные

Стонхендж в Уилшире в Великобритании, Карнак в Бретани во Франции и Нью-Грендж в Ирландии. Таким образом, культура европейских мегалитов находит неожиданного двойника в виде древней культуры из Южной Сибири.

В Хакасии по сей день можно увидеть загадочные горные крепости све — немые свидетельства той далекой эпохи. Стены этих крепостей опоясывают высокие горные уступы. Иногда стены радиально сбегают с этих уступов, образуя своеобразные лучи. Крепости све вряд ли когда-либо имели предназначение настоящих крепостей. Высота стен невелика — от полуметра до двух метров.

Скорее всего, све являлись местом проведения обрядов, связанных с культом Солнца, Огня и жертвоприношениями. О наличии культа Солнца и Огня свидетельствуют найденные вазочки-курильницы с изображением Солнца на дне. Такие курильницы клали в могилы вместе с умершими, их же выбивали на знаменитых окуневских стелах. Сюжеты окуневских стел многообразны. Здесь мы можем видеть фигуру Богини-Матери с жертвенной чашей в руках, а также множество зооморфных и антропоморфных фигур, свободно разбросанных в композиционном поле стелы. Культовые сцены наполнены изображениями быков, волков, баранов, коней, верблюдов, иных животных, курильниц, священных знамен и других сакральных фигур и предметов.

Довольно распространенный сюжет — это изображения с тремя лицами богов, расположенных друг над другом. У каждой такой личины не два глаза, а три, что роднит их с изображениями, например, трехглазого индийского Шивы. Кроме того, у личин имеются рога; от голов отходят линии, вероятно изображающие сияние. Очень может быть, что это трехголовые рогатые драконы, каждая голова которых олицетворяет мир: горний, земной и подземный. Понятное дело, что культовые изображения драконов вряд ли могли появиться на огромных стелах, принесенных бог знает откуда, если бы не было культа поклонения драконам. Это роднит окуневские стелы с вишапами (драконами — охранителями вод), установленными в Армении вблизи источников, о чем писали Окладников и Марр.

Среди прочих сюжетов, выбитых на стелах: священная мировая гора, в виде треугольника, разделенного на части. Также имеются триадные изображения женского божества с двумя фигурами человека или животного. Имеются изображения янусовидных божеств с двумя лицами, что можно трактовать как древние изображения близнецов — сыновей бога. Весьма интересно, что подобные сдвоенные личины и изображения встречаются в позднее время в Литве; они обозначают Юмиса — бога плодородия. Имеются изображения антропоморфных фигур с двумя орлиными головами, что также, вероятно, может иметь отношение к культу близнецов, недаром индийских Ашвинов изображали в виде птиц. Солярные знаки на стелах встречаются повсеместно.

Совсем недавно в погребении новорожденного младенца, относящегося к окуневскому времени, были найдены уменьшенные во много раз копии окуневских стел, вырезанные из кости. Как считают сотрудники Эрмитажа, куда находки были доставлены для дальнейшего изучения и реставрации, это может являться свидетельством обожествления стел окуневцами; это не просто изображения, а изваяния зооморфных и антропоморфных богов и богинь, культ которых существовал некогда в Хакасии. Вероятно, эти и подобные им амулеты окуневцы носили с собой.

Теперь уже стало ясно, что енисейские стелы — это не могильные памятники и не изображения божеств, которым поклонялись и в силу и могущество которых верили. Образы этих стел распространились далеко за пределы Минусинской котловины. Весьма сложный рельеф старых гор Хакасии создает уникальную мистическую атмосферу. Можно идти по неглубокому логу и внезапно оказаться на обрыве, с которого открывается обзор на десятки

километров, а можно, спустившись с горы, внезапно оказаться в замкнутой котловине с озерцом посредине, со словно заколдованными тихими водами. Вероятно, ушедшие отсюда в свой далекий поход в Европу и на юг: в Индию и Иран — индоевропейцы сквозь тысячелетия пронесли беспрецедентную любовь к этому удивительному краю. Эта любовь нашла свое отражение в мифах и легендах о сказочной, горной стране, полной злата и серебра, с великой горой Меру посредине.

Головы богов, высеченные в камне, до сих пор встречают восход солнца

Скифы, обитавшие на территории Минусинской котловины и Алтая и в других местах Южной Сибири, также продолжают традицию изготовления антропоморфных и зооморфных изваяний. В раннескифский период — IX–V века до н. э. — в Хакасии возводятся крупные курганы. Наиболее известные из них — Салбыкские курганы. Это своеобразная Долина царей, волей судеб оказавшаяся в Минусе. В оградах крупнейших из этих курганов высотой свыше 10 метров насчитывается более 20 каменных стел высотой до 4 метров.

В это время здесь получил развитие скифо-сибирский звериный стиль. Понятное дело, что сибирские скифы не просто так пристрастились к изображениям зверей — реальных и фантастических. Они являлись олицетворением божеств. Самые разные виды изделий — от штандартов до ножей, кинжалов, зеркал и пряжек — украшались динамичными зооморфными фигурами, выполненными из золота, серебра, бронзы. Среди этих животных, пожалуй, самый распространенный образ — горный козел. Он был особо почитаем у жителей Минусинской котловины. Очевидно, впоследствии этот тотем был взят на вооружение и тюрками. Также в обилии встречаются культовые изображения кабана, оленя, барса, коня, лося, барана, волка.

Одним из ярчайших мегалитических памятников скифского времени в Центральной Азии являются так называемые «оленные камни», само название которых указывает на связь с культом оленя.

Между тем считается, что «оленные камни» изображают человеческую фигуру, лишенную конкретных и индивидуальных черт. Можно, конечно, предполагать, что в образе «оленных камней» мы встречаем некий ремейк более ранних изображений, отражающих верования окуневцев и андроновцев. В верхней части «оленных камней», вкопанных в землю, мы нередко и сегодня можем увидеть каменный выступ, который соответствует лицу божества. Это так называемые «плиты с нависанием», которым намеренно придавалось скульптурное сходство с головой человека.

Помните сказочные образы исполинской головы, торчащей из земли? С одной такой головой сражается пушкинский Руслан. Так вот, вероятно, эти образы отражают древний культ поклонения исполинской голове, развитый у окуневцев, андроновцев и скифов. Какому божеству принадлежала данная голова — это нам неведомо. Можно лишь предположить, что то была женская голова — матери-земли; хотя, конечно, нельзя исключать и иную версию: культовая голова принадлежала первому человеку или герою-богатырю. О том, что каменное изваяние символизирует голову, свидетельствует ряд его особенностей. На лицевой стороне камня, выступающей вперед, обычно изображаются три параллельные линии — символы лица. Под подбородком располагалось ожерелье. На боковых сторонах камня изображались кольца — серьги, а иногда, как, например, на минусинской стеле, на боковых гранях можно увидеть и изображение ушной раковины с серьгой. Пространство между поясом и ожерельем заполнялось стилизованными изображениями оленей — отсюда и название «оленные камни». Кроме оленей, здесь встречаются также изображения кабанов, лошадей, козлов, верблюдов, а также собак и птиц.

Версию о том, что «оленные камни» являются стилизованным изображением головы, подкрепляют и самые ранние из подобных изваяний, найденные в Монголии, Забайкалье, на Алтае и в других местах. На этих изваяниях изображена вполне реалистическая голова человека или божества. Эти мегалитические изваяния в полном смысле этого слова можно назвать

антропоморфными. В более позднее время антропоморфность каменной скульптуры прочитывается не столь ясно. О том, что перед нами голова, можно догадаться по характерному выступу лица, впрочем весьма схематическому. «Плиты с нависанием» без явных черт лица можно встретить в Туве, Монголии и Минусинской котловине.

Значение этих выступов в верхней части каменного блока становится понятно, если сравнить эти монолиты с аналогичным каменным блоком, обнаруженным в Аргын-бригаде в Северной Монголии. Там поверх лицевого выступа нанесены черты человеческого лица. Очень может быть, что в Минусинской котловине именно предельно стилизованные и абстрактные «плиты с нависанием» заменяли настоящие антропоморфные «оленные камни». По крайней мере, «настоящие» «оленные камни» в Минусинской котловине пока не обнаружены, зато имеются в наличии «плиты с нависанием». Если исходить из сказанного, то ареал распространения антропоморфной скульптуры на севере Центральной Азии в 1-м тысячелетии до н. э. значительно расширяется.

Считается, что «оленные камни» связаны с различными поминальными сооружениями: курганами, плиточными могилами, херексурами, оградками и выкладками. Однако можно встретить и отдельно стоящие камни, например посреди степи, что дополнительно указывает на их культовое значение. Кроме того, зафиксированы случаи, когда «оленные камни» располагались с внешней стороны «оградки» или плиточной могилы. Не исключено, что сами «оленные камни» могли многократно выкапываться и переноситься на новые места племенами, появляющимися позднее в местах их расположения. Весьма интересно, что из «оленных камней» в ряде случаев составлялись сложные комплексы в виде кромлехов.

Это в какой-то мере находит свои параллели в мегалитической культуре Европы. Торчащие из земли головы каменных истуканов-божеств, образующие сакральный круг — символ Солнца, — явно способствовали возникновению мистических настроений у присутствующих. Возможно, что в стародавние времена в центре этого мегалитического круга располагался жертвенник. Весьма интересно, что в Монголии на реке Катык был обнаружен и исследован сложный комплекс, состоящий из каменных выкладок, мощеных дорожек, круглых жертвенников, символизирующих Солнце, и отдельно и прямо стоящих камней. Посредине этого сложного сооружения стоял основной жертвенник, окруженный прямоугольной оградой. На стенах этой ограды помимо обычных «оленных» мотивов были нанесены изображения Солнца, а также Солнца, украшенного бараньими рогами. Кроме прочего узкие грани камней, символизирующих лицо, с выступающим нависанием практически всегда были обращены на Восток, то есть в ту сторону, откуда восходит солнце.

Сакраментальный вопрос о предназначении «оленных камней» пока остается в центре дискуссий. Таинственный орерл окружает эти камни и благодаря тому обстоятельству, что окружающие камни комплексы, как правило, не раскапывались. Известно по этому поводу немногое, например то, что под Иволгинским камнем в Забайкалье был найден скелет лошади без головы. Это может быть расценено как свидетельство жертвоприношения, с ритуальным отрубанием лошадиной головы.

Подобные ритуалы, согласно летописным и мифологическим источникам, совершались у священного камня в древности у индоевропейцев. Это соответствует ритуалу принесения в жертву белого коня у индоариев. Очень может быть, что у скифов и славян существовал обычай принесения в жертву белого коня в день летнего солнцестояния на Лысой горе подле жертвенника. У балтийских славян праздник летнего солнцеворота назывался Лиго и сопровождался почитанием Солнца и всеобщим весельем, а также просьбами, обращенными к богам, о плодородии и охране скота от напастей и злых духов.

В скандинавской мифологии существовал Бальдр, юный бог из асов, который был связан с

культом Солнца. Он как Солнце — ясен, светел и благостен. Его белые ресницы сравниваются со священными растениями. Однако Бальдру с некоторых пор стали сниться зловещие сны, что он скоро умрет. Узнав об этом, остальные боги решили оградить солнечного бога от напастей. Один отправляется в царство мертвых, чтобы узнать судьбу Бальдра. Там он узнает от разбуженной им от вечного сна провидицы вёльвы, что Бальдр скоро умрет. Тогда боги решили взять клятву со всех существ и вещей на земле, что они не причинят вреда солнцеликому Бальдру. И лишь прут омелы такой клятвы не дал. Боги же веселятся и ликуют, они развлекаются тем, что стреляют из лука в Бальдра, и он уклоняется от всех стрел, летящих в него.

И тут злокозненный бог Локи подсовывает одному из богов стрелу, изготовленную из прута омелы. Эта стрела и поражает Бальдра в самое сердце. Боги переносят тело Бальдра к морю и кладут на ладью, затем убивают белого коня Бальдра и тоже переносят на эту ладью. Затем умирает от горя супруга Бальдра, и ее также кладут на ладью. После чего боги поджигают ладью, отпихнув ее от берега. После чего брат Бальдра Хермод на волшебном коне Одина отправляется в царство смерти, дабы вызволить из него своего брата. Хозяйка страны мертвых Хель готова отпустить Бальдра с условием, что его будут оплакивать все на земле. Все боги плачут. Однако злокозненный Локи радуется, и Бальдр остается в царстве смерти.

В этой древней скандинавской легенде, быть может, отразились мотивы, связанные с почитанием и нечаянным убийством солнечного божества, а также с его последующим возрождением к жизни. Эти мотивы мы встречаем не только в мифологиях славян и причерноморских скифов, а также и в древневосточных мифах, связанным с культом плодородия. Не исключено, что подобные мифологемы были в ходу и у сибирских скифов, почитавших «оленные камни». Опираясь на эти мифологемы, можно понять и предназначение самих «оленных камней». Быть может, они изображают лик солнечного бога?

Интересно и то, что на реке Юстыд в Горном Алтае археологами был раскопан сложный комплекс, включавший в себя более тридцати «оленных камней». В расположенных вокруг них кольцевых выкладках были обнаружены следы кострищ и прожженные кости, что дополнительно указывает на культовый характер этого и подобных комплексов, связанных с местами жертвоприношений.

Кто знает, быть может, гигантская каменная голова, обращенная лицом на восток, символизирует солнечного бога, а жертвоприношение коня подле нее является постоянно воспроизводимым мифом о ритуальной, неотвратимой гибели солнечного божества с последующим воскрешением.

Минусинские стелы также исполнены намеками на древние индоевропейские мифологемы, связанные с культом плодородия. Так, на вершине минусинских стел обычно располагается женская фигура с чашей, которая является праобразом тюркских «каменных баб». Более мелкие сидящие фигуры расположены по боковым сторонам стел. Вместе фигуры образуют как бы незамкнутый круг.

Весьма интересно было бы хотя бы ретроспективно рассмотреть дальнейшее развитие и трансформацию культовых стел, когда на смену бронзовому веку Южной Сибири приходит железный век. Племена, населяющие Минусинскую котловину, продолжают традицию изготовления антропоморфных и зооморфных изваяний, являющихся составной частью поминальных комплексов. Вероятно, определенное культовое значение отводилось и знаменитым таштыкским маскам.

В таштыкское время (II век до н. э. — V век н. э.) появляется традиция изготовления погребальных масок. Эти маски, вероятно, занимают промежуточное положение между монументальным изображением умирающего и воскресающего бога и изображением реальных умерших царей, военачальников. Маски уже несут утилитарную роль; они призваны увековечить

образ почившего. Через какое-то время такая маска трансформируется в «глиняную голову», соотносимую с круглой скульптурой или бюстом.

Подобная «глиняная голова» была найдена на территории кургана номер 6 Шестаковского могильника в Кемеровской области, который датируется I веком до н. э. По реконструкции А.Н. Мартынова, эта голова принадлежала манекену, олицетворявшему покойного. Сооружение погребального комплекса происходило так — посреди будущего кургана делалась площадка из обожженной глины, окруженная земляным валом с входом с южной стороны. Здесь выставлялись манекены умерших в полный рост или в сидячем положении. В центре кургана возводилась крыша из бересты. В этом родовом склепе помещались изображения умерших людей, при этом прах умерших, вероятно, сжигался. Через какое-то время вес сооружение предавалось огню.

В связи с этим возникают любопытные параллели с последним пристанищем почившего в 210 году до н. э. императора Китая Цинь Шихуанди. В колоссальной гробнице императора в 1975 году китайскими археологами была обнаружена целая армия глиняных воинов с колесницами и конями, призванных защитить своего правителя на том свете. Если деревянные части колесниц истлели за давностью лет, то глиняные фигуры воинов и коней рядами шествуют в подземельях гробницы до сих пор. Воины и кони искусно вылеплены из глины, а воинские доспехи и оружие отлиты из бронзы. Масштаб воинства впечатляет — только одних солдат в полный человеческий рост, с индивидуальными чертами лица вылеплено свыше 7 тысяч. Воины обращены лицом на север. Именно туда, откуда могла исходить постоянная угроза империи. Китайский император за время своего правления повелел укрепить северные рубежи империи Цинь дополнительным возведением «китайских стен». Вероятно, это помогло оградить империю от вторжения северных кочевников.

Можно предполагать, что традиция изготовления глиняных фигур умерших в то время была широко распространена и за пределами Китая. Быть может, таштыкские племена принесли ее с юга на территорию Южной Сибири. Нельзя исключать и обратное влияние — с севера на юг.

О чем думал богатырь, глядя на камень

Если иметь в виду, что каменный столб или плита, врытая в землю, обращена лицевой стороной к востоку, то надо думать, что царевич или богатырь, стоящий в раздумье перед этим камнем, обращен лицом на запад. Таким образом, у нас появляется линия — Восток — Запад, соответствующая расположению Великой евразийской степи. Та сторона, откуда восходит солнце, ассоциируется с вечной молодостью и возрождением, а та сторона, где заходит солнце, ассоциируется со смертью и подземным миром. Понятно в связи с этим, что Европа ассоциировалась на Востоке с преисподней, куда, однако, бесстрашный богатырь направляет своего коня. Двум смертям не бывать!

Походы в Западную Европу, особенно лесную ее часть, поначалу могли ассоциироваться у европеоидов с путешествием в страну смерти. И в самом деле, леса Европы еще в неолите были населены племенами, враждебными индоевропейцам. По оценке М.М. Герасимова, там обитали дравидоиды, лапоноиды, потомки кроманьонцев, а также смешанные в расовом отношении племена и пришлые монголоиды. И это при том, что сами лапоноиды уже являлись, по-видимому, метисами между древними палеоевропейцами и монголоидами. Дравидоиды по определению своему являются переходной расой между экваториалами и европеоидами. И в самом деле, по реконструкции Герасимова, негроидный элемент в лесной зоне Европы в неолите ощущается еще довольно явно.

На колесницах в леса не въедешь. Да и врага не увидишь издали, как они привыкли в степи. И не всякий конь приучен по лесу шастать, яко волк или медведь. От выпущенной стрелы и от кинутого копья можно спрятаться-схорониться за деревьями. В общем, воевать на просторах степи — это совсем не то, что в лесу, тем более в труднопроходимом лесу. Вот почему лесная Европа ассоциировалась у европеоидов с царством смерти: и коня потеряешь, и сам пропадешь. Сгинешь, если не в болотах, то от рук и зубов злокозненных местных лесных великанов-каннибалов, с коими, вероятно, ассоциировались «последние из могикан» — высокорослые кроманьонцы. Легенд о великанах-людоедах в европейском фольклоре предостаточно. Быть может, низкорослые лапоноиды отождествлялись с добрыми карликами и гномами, кто знает…

Былинный богатырь, если «сворачивал направо» от степной сибирской «магистрали», также рисковал очутиться в зоне непроходимой тайги, изобилующей болотами. Если богатырь «сворачивал налево», то он оказывался в условиях труднопроходимых гор, через которые, быть может, и удалось бы ему перебраться, но коня своего он тОчно бы там потерял. Поэтому единственный приемлемый путь для мифологического богатыря — это миграция по бескрайним просторам евразийской степи. Евразийцы гнали свои бесчисленные стада: то на восход солнца, то на закат. И всюду в этой степи были разбросаны молитвенные «оленные камни», у которых евразийцы могли исполнить древний обряд и попросить у богов покровительства и защиты.

Весьма интересно, что «оленные камни» довольно часто сочетаются на Алтае с керексурами-курганами. Само слово «керексуры», вероятно, указывает на связь с солнечным культом. Быть может, оно родственно и имени древнеславянского божества солнца Хорса. Это слово сохранилось в монгольских языках: «хэрэгсуур», оно обозначает небольшой каменный курган, высотой от 30–40 сантиметров до 1,5–2 метров. Эти небольшие курганы, как правило, окаймляют круглые или квадратные оградки из камней.

Керексуры встречаются и поныне на Алтае, Туве, Монголии, Забайкалье, Бурятии и Читинской области. Например, в бассейне реки Юстыд на Алтае то здесь, то там на склонах сопок встречаются керексуры, наполовину заросшие травой. От рукотворного каменного пирамидального основания во все стороны разбегаются выложенные из камней лучи, которые

упираются в каменные круглые оградки. Керексуры сопровождают небольшие жертвенники. Именно поэтому некоторые археологи считают керексуры своего рода «храмами Солнца» под открытым небом. У керексуров стоят в немом почтении «оленные камни». Головы исполинских первопредков — сынов Солнца — взирали некогда на проводящиеся здесь богослужения и жертвоприношения.

Можно предположить, что древние жрецы, молитвенно внимавшие воле божественных предков во время богослужений, получали по наитию свыше ответ на вопрос, мучивший не одних только большевиков-коммунистов: «что делать?» или «куда ехать?».

Часто в керексурах нет никаких захоронений. Это может быть свидетельством того, что в былые времена это и в самом деле были святилища, а не могильники. Нередко в керексурах обнаруживали более поздние захоронения. По сути дела, это была распространенная практика; когда пришельцы использовали мегалитические сооружения, приспосабливая их к новым культам и помещая в них умерших. Так, в Долине царей под Абаканом в прошлом веке археологами был раскопан исполинский Салбыкский курган. В нем ученые обнаружили более позднее захоронение скифского вождя. Рост вождя был феноменальный. Он составлял 210 сантиметров. Настоящий великан! Ныне череп этого вождя хранится в музее имени Мартьянова в Минусинске.

Весьма интересно, что керексуры, «оленные камни» и наскальные изображения были во множестве обнаружены в Китае, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. К концу прошлого века количество выявленных «оленных камней» перевалило за четыре десятка. Они локализованы в основном в китайской части Монгольского Алтая. Расположены они в межгорных котловинах и ущельях с восточной стороны возле курганов, что указывает на культ солнца. Символические каменные стелы, изображающие богов, героев и воинов, выявлены не только на Алтае, но и на северных склонах китайского Тянь-Шаня. Эти каменные изваяния переделаны по древнетюркским образцам. Такое раньше случалось. Так, в музее Синьцзян-Уйгурекого автономного района экспонируется древнетюркское изображение, изготовленное из более древнего «оленного камня». Как считают ученые, эта и подобные ей стелы соответствуют каменным стелам, в обилии встречающимся в Забайкалье и Монголии.

В Синьцзяне имеются стелы, созданные еще в эпоху бронзы, с изображениями быков, с направленными вперед вогнутыми рогами. Позднее эти стелы были переделаны о скифами, а затем и тюрками с учетом современных им культов.

В Синьцзяне также открыты и исследованы памятники афанасьевской культуры — так, в Северном Синьцзяне расположен могильник Кээрмуци. В нем найдены яйцевидные, бомбовидные, баночные и сдвоенные сосуды и курильницы на поддоне, кремневые наконечники стрел, литейные формы для отливки копий и кельтов и прочие предметы. Это, по мнению исследователя Ю.А. Заднепровского, находит прямые аналогии в памятниках афанасьевской культуры Сибири 3-го — начала 2-го тысячелетия до н. э. На озере Лобнор был обнаружен могильник Гумугоу, который также, по мнению исследователей, принадлежал к афанасьевской культуре. Кроме прочего, в Синьцзяне обнаружена керамика афанасьевского типа с орнаментами в виде наклонных «лесенок» и «елочек», оставленными штампами. В Осинкинском могильнике СиныЬяна найдены «митровидные» круглодонные горшки. Похожие горшки были найдены в селе Озерном на Алтае. Таким образом, ареал распространения афанасьевской культуры оказался намного шире, чем предполагалось.

Кроме прочего, в Синьцзяне было найдено много предметов и вооружения, относящихся к более позднему времени — к андроновской, скифской, карасукской культурам. Особенно много карасукских кинжалов с изображениями козлиной головы. Подобные кинжалы обнаружены и в Минусинской котловине и в Восточном Казахстане.

Уйгуры, проживающие в Синьцзяне, а также в Восточном Туркменистане, Казахстане и Памире, относятся к переходной южносибирской расе, возникшей в результате интенсивных контактов европеоидов и монголоидов в середине 1-го тысячелетия до н. э. У представителей этого этноса довольно широкое и высокое лицо, нос прямой, иногда с выпуклой спинкой, переносье средней высоты. Волосы темные, оттенок кожи светлый и смуглый. Уйгуры — тюрки, борющиеся за свою независимость на протяжении многих веков. Таким образом, уйгуры, наряду с другими тюркоязычными народами — казахами и киргизами, — могут считаться наследниками афанасьевцев, андроновцев и других евразийских этносов Сибири.

Вероятно, евразийцы регулярно забредали и в Тибет. Это Довеем не обязательно было связано с арийским «путешествием» на юг в середине 2-го тысячелетия до н. э. Такиё путешествия могли происходить и раньше, и позже. Но факт остается фактом: некоторые народности Тибета сохраняют черты, присущие европеоидам. Об этом еще в свое время писал французский исследователь Мишель Пессиль в своей книге «Золото муравьев». Например, у народности минаро, живущей в Гималаях и на Тибете, светлая кожа, высокие переносицы и выступающие носы. Пессиль считает, что минаро — родственники дардов, живущих на стыке Индии, Пакистана и Афганистана.

В разное время миграционные волны переселенцев из евразийских степей по разным причинам докатывались до высокогорий Тибета. Быть может, и цивилизация Хералпы и Мохенджо-Даро, располагавшаяся в долине реки Инд, была создана европеоидами, выходцами из Южной Сибири? Может быть… По крайней мере, считается, что эта цивилизация по непонятным причинам прекратила свое существование задолго до приходов индоариев в Индостан. Хотя некоторые специалисты считают, что цивилизация Хараппы благополучно существовала до арийского вторжения и индоарии разрушили города. Некоторые ученые высказывали мнение, что Хараппа была воздвигнута дравидами. Однако дравиды уже являются переходной расой между европеоидами и местным экваториально-монголоидным населением. В связи с этим нельзя исключать гипотезу, что создателями Хараппы были европеоиды, которые вошли в плотный контакт с местным аборигенным населением Индостана. В результате чего и образовался метисный дравидоидный

Вероятно, европеоиды проникали в позднем палеолите и мезолите в лесную часть Европы. Таким образом были образованы переходные расы европейских дравидоидов и лапоноидов.

Европеоиды обитали и в Северной Африке. Египетские изваяния из камня, статуэтки, фрески и черепа фараонов свидетельствуют, что среди древних египтян имели место метисные и отчасти европеоидные антропологические типы.

Бородатые шумеры также были европеоидами.

Таким образом, мы видим, что в давние послепотопные времена, когда деградировал и окончательно растаял северный ледник, европеоиды широко расселились по всему свету, достигнув и Американского континента. Произошло это задолго до путешествий Колумба.

Куда ушли евразийцы?

И в самом деле, Геракл отправляется на запад, туда, где заходит солнце, дабы добыть из великолепного сада Гесперид «молодильные яблочки». Сад этот охраняет дракон, которого Гераклу пришлось убить. Чем не путешествие в страну вечной ночи?

С другой стороны — в русских сказках герой-молодец или Иван-царевич отправляется навстречу солнцу — на восток, дабы увести солнцеликую царевну, которая плавает по морю в серебряной лодочке.

Меж тем герои русских сказок иногда отправляются на небо, дабы вкусить прелести райской небесной жизни. Например, эта тема обыгрывается в народной сказке «Старик на небе». Катал старик горошину. Она закатилась под стол и проросла. Вымахал росток, пришлось сначала стол убрать, а потом и крышу разобрать. Вырос горох до самого неба. Полез старик по стволу на небо. Влез — видит, стоит на небе хатка из блинов, лавки из калачей, печь из творога, маслом вымазана. Стал старик угощаться, а потом лег на полати и заснул. Поспал хорошо да и домой спустился.

Пришли двенадцать коз — у одной один глаз во лбу, у другой — два, у третьей три, и так дальше, а у двенадцатой — двенадцать. Видят козы кто-то их хатку попробовал. Поправили они ее и опять ушли, а сторожить оставили козу-одноглазку.

На следующий день вновь залез старик на небо — блинов и калачей отведать да творогом и маслом закусить. Видит он козу-одноглазку. Ну и давай ее уговаривать: «Спи, глазок, спи!» Заснула коза, а мужик за свое — поел блинов и калачей, творогом закусил да на печи выспался.

На следующий день оставили козы охранять хатку козу-двуглазку. Залез старик на небо, увидел козу и давай ее уговаривать: «Спи, глазок, спи, другой!» Когда заснула коза, старик вдоволь наелся, поспал да и домой к себе вернулся.

Так продолжалось до тех пор, пока не оставили сторожить козы двенадцатую козу, у которой двенадцать глаз было. Стал старик и эту козу уговаривать: «Спи, глазок, спи, другой, спи, третий…», а на двенадцатом глазке сбился и не уговорил его. Этим двенадцатым глазом та коза и увидела, как старик вдоволь наелся да спать завалился. Позвала она коз, они того старика живо поймали да бока ему намяли: не влезай на небо, не кушай блинов и калачей, а творогом с маслом не закусывай!

Как говорят в народе: сколь веревочке ни виться, а один конец! Меж тем во все времена существовала когорта людей, желающая влезть живыми на небо и отведать там блинов и калачей с творогом и маслом в солнечной хатке. Двенадцать глазастых коз — это, с одной стороны, месяцы солнечного года, а с другой — символы самого Солнца.

В индийском эпосе Махабхарата и иранской повести Шахиме герои длительной кровопролитной войны между двумя родственными кланами Юдхишхира и Кей-Хосрова отправляются на небо, дабы искупить тяготами длительного восхождения свою вину. Герои, облачившись в рогожу, скинув драгоценные украшения и доспехи, оставив своих верных коней дома на попечение близких и слуг, восходят в горы. Их путь лежит на север, туда, откуда прибыли их предки. Они желают достичь вершины великой Меру — обители богов. Их устремления направлены туда, где живут «блистательные туры-люди, отрешенные от гнева». Однако никто из путников не добрался до неба, так и не увидел небесных туров. Последние книги Махабхараты так и называются «Великий исход» и «Вознесение на Небо».

Здесь мы видим прямую аналогию с древними тюркскими преданиями об архарах — священных баранах-божествах, ипостасях солнечных богов. Куда отправились иранский предводитель Кей-Хосров и индоарийский царь Юдхишхира вместе со своими спутниками?

Наверное, в Гималаи и далее в Тибет. Ведь путь их, согласно священному эпосу индусов Махабхарате, лежал на север, к священной горе Меру! Однако надо иметь в виду, что алтайцы, уйгуры, киргизы, таджики и иные тюркоязычные народы издавна почитали горного архара — воплощение солнечного божества. К слову сказать, где-то неподалеку от священных захоронений скифских царей на высокогорном плато Укок разбился вертолет с чиновниками, которые отправились на охоту на этих животных, некогда почитавшихся тотемными.

Эти горные бараны водятся не только на Алтае, но и на Тибете. Культ их распространен и по сей день. На отвесных скалах и плоских камнях можно видеть изображения горных козлов и баранов, коих почитали как святыни в былые времена. И сегодня у тибетцев распространен обычай — под Новый год на стенах закопченных кухонь рисовать силуэты этих тотемных животных, по поверьям приносящих счастье. В свое время исследователь Мишель Пессиль, посетивший Тибет, задавался вопросом: «Почему так часто на Тибете можно встретить изображения горных козлов и там нет ни одного изображения какого-нибудь другого животного?»

Пессель предположил, что горные козлы являлись символом веры живших на Тибете племен европеоидов. Древние рукописи, изученные Песселем, гласили, что божество в облике горного барана почиталось задолго до основания тибетского государства. Одним из его имен было Овис Ходгсони. На Западе это божество известно под именем Овис Амон. Весьма любопытно, что бог древних египтян Амон также воплощался в облике барана. Двойное совпадение! Именно поэтому одним из титулов, которым повелел себя называть Александр Македонский, был титул «сын Амона». Нередко великого полководца изображали увенчанным золотыми рогами.

Кроме всего прочего, в Тибете по сей день под Новый год присутствует ритуал «изгнания козла». Роль «козла отпущения» обычно выполняет человек, который за приемлемую плату «выкупает» у жителей города или поселка их грехи. После чего «козла отпущения» с вьюками выменянного на грехи добра изгоняют из города. Согласно поверью, такой человек вскорости умрет и золото и добро не пойдут ему на пользу. Однако все равно находятся энтузиасты, желающие выкупить грехи горожан. Вероятно, в давние времена этот обычай сопровождался человеческим жертвоприношением. Так, в «козла, навьюченного грехами» в древности стреляли лучшие лучники. Теперь в «козла» стреляют из ружей холостыми патронами. После чего его демонстративно изгоняют из города под всеобщее улюлюканье и смех. Вслед за ним в том же направлении отъезжают груженные добром телеги с нанятыми «козлом» возницами…

Похожий обряд присутствовал у италиков, когда под Новый год они изгоняли из города старого Марса. При этом с восточной стороны города в город входил молодой Марс. Этому живому божеству оказывались в течение года невиданные почести. Его угощали и всячески ублажали. Целый год он жил как царь, но по истечении года его с позором прогоняли прочь, обвиняя во всех грехах. Он и был своеобразным «козлом отпущения».

Все эти обряды чрезвычайно похожи на аналогичные обряды у туранцев, так досаждавших оседлым иранцам. Культ козла был распространен и у тюрков, наследников сибирских скифов. Отголоски верования в «козла отпущения» можно встретить и в христианстве. В этой связи можно вспомнить «Божьего агнца», который принимает на себя все людские грехи.

Песселю довелось побывать в непальском княжестве Мустанг под Новый год. На празднике проводилась церемония изгнания злых духов от стен города. Этих духов была должна унести с собой изгоняемая народом коза. Особенно часто встречаются изображения козлов в труднодоступном княжестве Заскар, расположенном на северо-западе Гималаев в Кашмире. Кроме того, в Заскаре в окрестностях монастыря Суру Пессель обнаружил менгиры — вертикально стоящие камни, установленные по кругу.

В 1925 году эти мегалиты осматривал Николай Рерих.

Рерих нашел несколько захоронений с останками евразийцев, что было весьма необычно. Тибетцев обычно относят к представителям дальневосточной малой расы, к которой принадлежат и китайцы. Сам Рерих считал, что обнаружил захоронения скифов. Однако не исключено, что захоронения принадлежали ариям, пришедшим в Индию намного раньше скифов. Кроме того, в До-Ринге, возле соленого озера Пангонг. Рерих и его сын обнаружили целый внушительный храмовый комплекс под открытым небом: восемнадцать параллельных рядов менгиров и каменных плит ориентированы с запада на восток и ведут к двум полукружиям менгиров.

Рерих считал, что этот религиозный комплекс, расположенный в самом центре Тибета, сродни комплексу в Карнаке во Франции. Мы можем увидеть и иную параллель — этот комплекс похож на каменные стелы Южной Сибири и Синьцзяна. Подобные стелы были обнаружены и в Восточном Тянь-Шане. Можно предположить, что создатели мегалитов проделали нелегкий путь от Южной Сибири, преодолев горы Алтая и Тянь-Шаня, и достигли Тибета. На воем этом пути можно встретить памятники древней евразийской культуры.

Поскольку княжество Заскар является частью современной Индии, не исключено, что арийские переселенцы нашли убежище в этом труднодоступном высокогорном краю. Их современные потомки — светлокожие и светлоглазые минаро — сохранили антропологический облик и самобытную культуру своих предков — европеоидов-переселенцев. Нелишне будет напомнить, что в Таримской впадине, примыкающей с севера к Тибету, расположенной как раз напротив Заскара, по другую сторону высокогорных перевалов, в бассейне высохшей реки Тарим, были обнаружены мумии европеоидов. Очередные раскопки в этих местах проводили китайские археологи совсем недавно, в 2003–2005 годах. Радиоуглеродный анализ, проводимый специалистами из Пекинского университета, показал, что мумии пролежали в земле 3980 лет.

Это как раз приходится на время существования афанасьевской культуры в Южной Сибири. И сходство здесь не только во времени и антропологическом типе захороненных здесь людей.

Весьма примечательно другое: когда китайские археологи дошли до пятого слоя захоронений, то они обнаружили 200 каменных столбов, высота которых достигала 4 метров. Их поверхность была покрыта черно-красными рисунками. Под каждым таким столбом находились лодки, перевернутые вверх дном, а под каждой лодкой располагалось индивидуальное погребение. Благодари засушливому климату сохранилась даже одежда, в которой эти люди были похоронены. У них, например, имелись шляпы, украшенные перьями и удивительно напоминающие головные уборы жителей горных областей Тироля. Сохранились шерстяные плащи с кисточками и кожаная обувь, а также искусно вырезанные погребальные часки.

Два независимых генетических исследования показали, что у этих людей были обнаружены европейские и сибирские генетические маркеры, которые весьма редки у современных китайцев. Митохондриальные ДНК, которые передаются по женской линии, также указывают на Сибирь и Европу. Доктор Чжоу считает, что жители Европы и Сибири «породнились», прежде чем прийти в Таримский бассейн, около 4 тысяч лет назад.

Возникает вопрос: где могли «породниться» эти переселенцы с севера? Вероятно, в Южной Сибири.

Что принесли с собой в Тибет переселенцы из Сибири? Среди прочего — это умение добывать руду и изготовлять изделия из металлов. Мишель Пессель обнаружил в Тибете, как раз там, где живут европеоидные минаро, древние копи. Пессель связывает это с рассказом Геродота о стране, где золото добывают муравьи. Насчет муравьев-золотодобытчиков — это, конечно, большой вопрос, а вот местные жители в этих местах и поныне добывают золото. В небольшой книге Песселя «Золото муравьев» множество фотографий минаро. И действительно,

этих кочевников-скотоводов трудно отличить от жителей Европы! А ведь они пришли в Тибет не сегодня и даже не вчера. Они сохранили уклад жизни и самобытную культуру, характерную для древних жителей Сибири!

По мнению антрополога В.П. Алексеева, тибетцы обладают менее выраженной монголоидностью, чем их соседи китайцы. Если говорить в целом, то они в большей степени похожи на американских индейцев. Алексеев объясняет это тем, что в условиях высокогорного Тибета «законсервировался» древний антропологический тип, составляющий основу тибетской расы. Меж тем можно предложить и иное объяснение этому феномену. Возможно, в формировании тибетской расы, как и расы американских индейцев, принимали участие европеоиды. Возможно, даже какая-то часть тибетцев в свое время мигрировала в Америку и явилась там основой палеоамериканского антропологического типа. Весьма интересно в связи с этим, что на территориях современных Перу и Мексики обнаружены мегалиты, отчасти напоминающие европейские и сибирские.

Эротические культы должны были обеспечить возрождение к новой жизни

Весьма интересно, что в женских погребениях европеоидов, обнаруженных в Таримской впадине, были найдены изображения деревянных фаллосов. Кроме того, четырехметровые каменные стелы, установленные над могилами, представляли собой фаллические столбы. Китайские исследователи усмотрели в этом признаки развитого фаллического культа.

Возраст таримских мумий составляет 4000 лет. Примерно такой же возраст имеют захоронения европеоидов в Сибири и Крыму, где также отмечаются признаки фаллического культа. Так, в 1958 году близ села Зольного у Симферополя был раскопан курган, на вершине которого был водружен высеченный из камня фаллос. Сходные фаллические стелы были найдены и на Кавказе. Самые ранние из них относятся к 3-му тысячелетию до н. э. Самые поздние фаллические надгробия встречаются на позднесредневековых кладбищах в Северной и Южной

Осетии. Здесь эти каменные надгробия достигают 4 метров в высоту и более.

Изображения каменных фаллосов, установленных над курганами, гробницами и могилами, связаны со сложными религиозными обрядами, уходящими своими корнями в глубокую древность. Так, по данным этнографов, еще совсем недавно у адыгейцев проводились древние обряды, напрямую связанные с культом плодородия, годичным циклом солнца.

У «сукообразного камня», вертикально врытого в землю, в день летнего солнцестояния устраивались религиозные пляски. При этом груди у молодых женщин были обнажены. Эти обряды были связаны с воспроизведением и возобновлением человеческой жизни. На Кавказе у «сукообразных камней» повсеместно устраивались пляски в честь отправления душ в «страну мертвых».

Так, у абхазов еще до XIX века существовал обычай: если человека убивала молния, то в этом случае все жители селения отправлялись на вершину священной горы, где у подножия каменной стелы приносили в жертву лучшего козла из стада. Его мясо варили в большом медном котле, висевшем на цепи над костром. После этого все плясали вокруг — буквально водили хороводы. Плакать здесь не полагалось, так как считалось, что душа убитого молнией человека отправлялась в солнечный рай. Все действо завершалось священным коитусом, во время которого души умерших входили в чрево будущих матерей.

Эротические культы были связаны с аграрными культами, культом плодородия и культом Солнца. Наши пращуры полагали, что солнечный козел, приносимый в жертву в день поминовения усопшего, явится тем самым проводником, который выведет его душу из царства смерти опять в этот мир. По всей видимости, в весьма отдаленные времена роль «козла отпущения» исполнял приносившийся в жертву человек. Именно его душа должна была явиться тем проводником, в функцию которого входило вывести душу родоначальника из царства смерти. Кроме того, душа приносимого в жертву человека воспринималась как искупительная жертва, способная заменить собой «выкупаемую» у царя мертвых душу родоначальника.

По свидетельствам историков, еще в 3—2-м тысячелетиях до н. э. у скотоводческих кочевых племен Аравии отмечался весенний праздник Пасхи. В основе этого праздника лежала идея воскресения из мертвых. По всей видимости, среди кочевников было распространено поверье, что родоначальник племени, «выкупленный» у царя мертвых и рожденный в мире живых, явится тем самым спасителем всего народа, поправшим смерть. Явившийся в мир спаситель самим фактом своего воскресения попирал смерть и спасал от смерти своих потомков. Аналогичное

толкование этого праздника мы видим и в культах Адониса, Осириса, Диониса и других божеств растительности и плодородия. Постепенно элемент «воскресения» занял главенствующее место и в христианском празднике Пасхи; при этом «Пасха страданий» превратилась в Страстную неделю.

Очевидно, нужно напомнить читателю тот факт, что христиане празднуют Пасху в первое воскресенье весеннего равноденствия и полнолуния. При этом подготовка к светлой Пасхе сопровождается освящением куличей, крашением яиц. Как писал археолог А. Щепинский в своей книге «Во тьме веков», изготовление сдобы, куличей, имеющих вытянутую фаллическую форму, а также крашение яиц имеет самое непосредственное отношение к древней языческой пасхе, которая сопровождалась эротическими плясками и действами вокруг фаллического камня, установленного на вершине священной горы. Древние пасхальные эротические обряды, проводимые в конце марта, были призваны обеспечить возрождение из небытия не только родоначальника-спасителя, но и всех умерших родственников.

Весьма интересно, что в 2010 году, впервые за 500 лет, день зимнего солнцестояния 22 декабря совпал с полнолунием и полным затмением луны. Надо думать, подобные совпадения не проходили незамеченными и в былые времена. Подобные дни считались особо священными. Об этом, в частности, свидетельствуют кромлехи — стоящие кругом каменные столбы-менгиры. Достаточно хорошо сохранился знаменитый кромлех Стонхенджа. Он четко ориентирован на точку солнечного восхода в день зимнего солнцестояния. Именно в этот день первый луч восходящего солнца, проходя между двумя рядами гранитных монолитов, падает на центральный камень главного жертвенника. Вокруг Стонхенджа найдено множество захоронений. Они ясно показывают на то, в чем заключалась главенствующая сакральная функция кромлеха. Наши пращуры верили, что души могут возродиться из царства смерти благодаря милости солнечного божества.

Весьма интересно, что именно на вершине кургана предки европейцев устанавливали омфал — солнечный камень, по греческому преданию упавший с неба и связанный с культом Аполлона. В свое время исследовательница Мария Гимбутас обратила внимание, что курган — это символ беременного живота Матери-Земли. «Захоронение в утробе, — писала Мария Гимбутас, — аналогично семени, брошенному в землю». С другой стороны, хорошо известна легенда о Хозяйке Медной горы, изложенная Бажовым. В недрах этой горы в заточении работает мастер Данила, создавая свой великолепный каменный цветок — символ бессмертия.

Как свидетельствуют археологи, обычно вход в мегалитические гробницы специально делался затруднительным. Туда можно было попасть, только согнувшись в три погибели, а то и по-пластунски; что и проделывали жрецы, проникая в гробницы во время сакральных церемоний. Узкий вход символизировал наружные половые органы Матери-Земли, а сама гробница ассоциировалась с чревом. С боков входа в гробницу обычно устанавливались две каменных плиты, отождествляемые с наружными половыми губами. Внутренняя часть гробницы обычно оформлялась в виде круглой или крестообразной просторной камеры.

Известно, что жрецы культа Осириса ежегодно во время разлива Нила извлекали на свет божий из священной гробницы статую Осириса. И этот ритуал должен был пробудить потенцию царя мертвых.

Проникновение солнечного света в гробницу должно было обеспечивать специальное окошко. Подобные отверстия обнаружены в мальтийских подземных храмах. Луч света падал на алтарь этих храмов в определенные дни. С другой стороны, аллея менгиров, обозначавшая узкий проход и ориентированная с востока на запад, а также округлый кромлех должны были символизировать половые пути и чрево Матери-Земли, оплодотворение которой свершается в дни зимнего и летнего солнцестояния и весеннего и осеннего равноденствия. Солнечный свет,

таким образом, являлся синонимом солнечного божества, возрождающего души умерших к новой жизни. Именно поэтому ворота кладбищ ориентированы обычно на восток — откуда восходит солнце. Если ворота погостов ассоциируются с входом в утробу Матери-Земли, то сами погосты с ее утробой.

Танцы на могилах аналогичны танадве Шивы. Они были призваны возродить души умерших к новой жизни. Так, иезуиты, проповедовавшие в Литве в XVII–XVIII веках, сообщали, что местные жители — жмудь, несмотря на все их старания, продолжают поклоняться Жемине — Матери-Земле, которую считают «владычицей мертвых» и одновременно называют «цветущей, пробуждающей к новой жизни». На Балканах, в Сибири, в Крыму, на Кавказе и в других местах, как отмечают историки, в эпоху бронзы были распространены не только «танцы на могилах», но и эротические оргии, сопровождаемые надеванием ритуальных масок умерших. Очевидно, наши далекие пращуры были убеждены, что, надев личину мертвеца и совершая коитус в таком виде, они возрождают из мира мертвых души своих предков.

Сам умерший, помещенный в гробницу, ассоциировался с семенем, попавшим в лоно Матери-Земли. И далеко не случайно, что рядом с умершими археологи находят «круглых идолов», символизирующих фаллос божества, а над могилой возводили фаллические стелы.

Некоторые историки отождествляют гробницы и менгиры с антропоморфным гермафродитом, принесенным в жертву богами. Как мы помним, согласно древним мифологемам, земля была изготовлена из тела божественного андрогина Имира, Паньгу, Пуруши. Пробудить к жизни это существо способен солнечный свет, воспринимаемый как ипостась небесного огня, а также животворная влага, льющаяся с небес.

Культура мегалитов связана с культом Божественной Девы

Менгиры и антропоморфные стелы распространены практически на всем огромном пространстве Евразии. Они до сих пор удивляют туристов и путешественников в Европе, Крыму, на Кавказе и в Сибири. Однако неправильно было бы считать все мегалитические сооружения гробницами. Могильники и склепы встречаются, конечно, возле них, но обнаружено немало древних монументов, подле которых захоронений не найдено. Например, на всем протяжении аллей менгиров в Европе археологи находят следы жертвоприношений, но погребений под менгирами нет.

Зато нередко «аллеи» из огромных камней, вкопанных в землю, ведут к находящимся неподалеку мегалитическим гробницам и курганам. Можно привести примеры — знаменитые наземные храмы Мальты не являются склепами. Однако неподалеку от них расположены подземные святилища — гипогеи, полные человеческих останков. Так, в известном гипогее Халь Сафлиени, что расположен неподалеку от деревни Tарксиен, в подземных залах обнаружены кремированные останки около семи тысяч человек. Другое дело, что возникает вопрос — к какому времени относятся эти останки. Не исключено, что хоронить в гипогеях стали в более поздние времена.

В конце XIX века в науке утвердилось мнение, что строителей менгиров вдохновляли заупокойные комплексы Месопотамии, Египта, Малой Азии и Ханаана. Такое мнение продержалось до середины 1960-х годов. И только в 1963 году известный знаток мегалитов Глин Даниэл доказал, что мегалитические комплексы атлантической Европы намного старше средиземноморских. Данные радиоуглеродного анализа подтвердили правоту ученого.

Мегалиты Бретани и севера Иберийского полуострова, а также курганы Ирландии возводились в 6—4-м тысячелетиях до н. э. Кроме того, удалось выяснить, что сложные кромлехи, например Алаприайа, расположенный неподалеку от Лиссабона, создавались раньше простых. Роль этого открытия трудно переоценить. Оказалось, что мегалитическая цивилизация не была заимствована из Плодородного полумесяца. Она создавалась совершенно самостоятельно около восьми тысяч лет назад. Вполне понятно также, почему кромлехов и мегалитов так много на атлантическом побережье и на севере Европы. Это было не только «царство мертвых», но и то место, куда уходило солнце, завершив свой дневной путь по небу.

Становится также понятно, почему мегалитов так много в Сибири, например в Хакасии. Солнце восходило, «рождалось» на востоке и отправлялось в свое путешествие на запад.

Аллеи менгиров создавались веками, но в основе их создания лежал культ Солнца и плодородия. Во Франции и Англии есть места, где мегалитов насчитывается по нескольку сотен. Самая знаменитая «аллея» менгиров находится во Франции, в Карнаке. Громадные камни одиннадцатью ровными рядами протянулись с востока на запад более чем на 4 километра. Всего там установлено около трех тысяч камней. Однако эти масштабы не умаляют значение более скромных менгиров, которые есть в Крыму, на Кавказе и в Сибири.

Как полагают историки, антропологи и археологи, создателями мегалитов являлись европеоиды, а не мифические гномы и карлики. Не исключено, что для доставки многотонных менгиров к месту их размещения европеоиды использовали колесный транспорт, запряженный быками или лошадьми. Быть может, мифологема о гномах утвердилась в памяти народной оттого, что вход во многие древние святилища очень узкий, в виде узкой норы. Например, в подземные храмы, расположенные неподалеку от бретонского городка Пон-Лаббе, приходится

буквально протискиваться между нависающими каменными плитами, пока не достигнешь основного зала, где можно разогнуться.

Вполне понятно, что антропоморфные стелы эпохи позднего энеолита и ранней бронзы являются не портретными изображениями умерших, а обожествленным символом предка-родоначальника. Обычай устанавливать над погребениями подобные стелы или «каменные бабы» сохранился у кочевых племен и в последующие эпохи. Он был широко распространен, например, у скифов, сарматов, половцев.

Женские фигуры богини-матери были распространены в 4—3-м тысячелетиях до н. э. у трипольцев, обитавших в южных районах Украины на пространстве от Карпат до Днепра. Обилие в трипольской культуре женских статуэток: поражает. Например, три или четыре обнаженные женщины вздымают к небу огромную чашу — жертвенник. Это один из распространенных сюжетов в трипольской керамике. Моление о воде нашло свое отражение в изготовлении ритуальных сосудов. Здесь же можно увидеть сидящую женскую фигуру с большой чашей на коленях. Аналогичные сюжеты, выбитые на каменных стелах, мы находим и в Сибири и Средней Азии.

Трипольские женские фигурки — это стройные девы с едва намечающейся грудью и с признаками начинающейся беременности. На животе этих дев иногда можно увидеть оттиск зерна, изображение колоса или засеянного поля. Несомненно, мы видим здесь не просто изображение конкретной молодой девушки или женщины, а символ Богини-Матери. Согласно археологическим данным, магия человеческого плодородия была тесно связана с магией плодородия полей и весенним расцветом природы.

Кроме того, змей — символ космоса и времени. На сосудах трипольцев особенно выделяются рисунки, изображающие непрерывный бег солнца но небосводу. Это символизирует собой «змеиный» счет времени, круговорот времен и вечное возвращение жизни. Солнце чаще всего изображается в виде круга с крестом внутри, иногда в виде колеса с шестью спицами — «Колесо Юпитера». Соответствие изображения солнца колесу как таковому указывает на развитый культ колесниц. Кроме того, на стоянках трипольцев археологи обнаружили детали колесниц и колеса.

В то самое время, когда в 4—3-м тысячелетиях до н. э. на западе обитали племена трипольцев, за несколько тысяч километров — на востоке, на территории современного Южного Туркменистана — обитали неолитические племена европеоидов. Их основным занятием было скотоводство и земледелие. На местах поселений этих племен часто встречаются расписная керамика и культовые глиняные статуэтки богинь, а также изображения танцующих фигур людей и животных. Вероятно, эти «танцы» отражают сущность древних ритуалов плодородия. Также очень интересны фигурки богинь с изображенными на их грудях и бедрах солярными кругами и знаками. С культом плодородия и солнца связаны и находимые здесь статуэтки баранов и быков. Довольно часто встречаются сосуды с солярными знаками. На территории Туркменистана найден переносной жертвенник, весьма напоминающий подобные жертвенники, найденные в Крыму и в других местах Евразии. При раскопках поселений часто встречаются большие помещения общинного типа с глиняными сооружениями в центре в виде круга диаметром 70 сантиметров. В центре этих сооружений обнаружены круглые отверстия диаметром 20 сантиметров. Совершенно очевидно, что это древние святилища, связанные с возжиганием священного огня и поклонением ему. Вероятно, здесь же совершались жертвоприношения.

С другой стороны, примерно в этом районе Средней Азии обнаружены антропоморфные стелы, относящиеся к эпохе энеолита.

Первые обнаруженные в Крыму антропоморфные стелы датируются 3-м тысячелетием до

н. э.

В первой половине 1-го тысячелетия до н. э. в предгорном и горном Крыму археологи обнаружили каменные стелы, несколько отличающиеся от стел предшествующих эпох. Во второй половине 1-го тысячелетия у жителей Крыма встречаются два вида стел. Одни из них таврские, а другие скифо-сарматские, отличающиеся своими вытянутыми столбообразными формами.

С другой стороны, из письменных источников древнегреческих авторов известно, что тавры поклонялись женскому божеству — Деве. Согласно данным археологии, таврский культ Божественной Девы сливается с культом Артемиды. В Херсонесе в честь Божественной Девы был сооружен великолепный храм с античными статуями. Геродот сообщает, что тавры в жертву Божественной Деве приносили всех потерпевших кораблекрушение. Овидий по этому поводу пишет: «Есть в Скифии местность, которая называется Тавридой… Там стоит храм, опирающийся на огромные колонны, к нему ведет сорок ступеней. Предание гласит, что в храме установлен кумир, ниспосланный богами с Неба. Подле стоит алтарь, сделанный из белого камня. Он изменяет свой цвет на красный, будучи окрашен пролитой кровью. Священнодействие совершает жрица».

Кроме того, в греческом мифе о богине Артемиде описывается история о том, как сын царя Орест по повелению Аполлона отправляется в Тавриду, дабы привезти хранящуюся в таврском храме статую Артемиды. Однако Орест был схвачен вместе со своим спутником пастухами и насильно приведен в храм. Его, как чужеземеца, должны были принести в жертву Божественной Деве. От гибели Ореста спасает жрица Божественной Девы Ифигения. Она узнала в Оресте своего брата и тайно решилась на побег. Для осуществления своего замысла Ифигения прибегла к обману. Она заявила, что статуя Артемиды осквернена и ее нужно обмыть в море. В море нужно обмыть и захваченных чужеземцев, прежде чем принести их в жертву. В результате беглецы расправляются с охраной и, похитив статую Божественной Девы, отправляются в Грецию. Ифигения, прибыв в Грецию, становится жрицей храма Артемиды близ Афин.

Весьма интересно, что недалеко от Ялты исследователем А.Л. Бертье-Делагардом в 1905 году было обнаружено таврское святилище, посвященное Божественной Деве. Вероятно, это одно из многих крымских святилищ подобного рода. В святилище обнаружены изображения змееногой и крылатой Девы, а также кости быков и оленей, приносимых ей в жертву. Подобного рода параллели свидетельствуют о существовании на огромных просторах Евразии культа женского божества. В этой связи можно вспомнить и албасты — златокудрую деву, предания о которой издавна сохранились у многих тюркоязычных народов.

Подводя итог сказанному, мы можем предположить, что создателями культуры мегалитов, а также носителями культа Богини-Матери были скотоводы-европеоиды, странствующие по Великой степи с востока на запад и с запада на восток. Вполне очевидно, что создатели мегалитов, например древние обитатели Англии и Ютландии, поклонялись Солнцу. Археологи обнаружили, что даже типичные курганы — «дома мертвых», как их именуют на Западе, в прошлом имели наземные сооружения. Курганы были окружены мощными опорами в виде столбов и сложных наземных сооружений-святилищ. Об этом свидетельствуют ямы по краям курганов. Очевидно, эти наземные святилища были посвящены Солнцу. Так, знаменитый ирландский Нью-Грендж сверху был обсыпан кварцем и сиял в лучах солнца, подобно огромному «космическому яйцу». Дракон — символ солнечного света — и богиня земли соединились вместе, дабы явить на свет «нового человека» для новой жизни.

Литература

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. М.: Наука, 1984.

Белов А.Н. Секретный генетический код человека. М.: Амрита, 2010.

Белов А.И. Тайная родословная человечества. М.: Амрита, 2011.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Советская Энциклопедия, 1991.

Окладников А.П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1981.

Петухов Ю.Д., Васильева Н.И. Евразийская империя скифов. М.: Вече, 2007.

Петухов Ю.Д., Васильева Н.И. Русы Великой Скифии. М.: Вече, 2007.

Русская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо, 2007.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1980.

Хрисанова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. М.: Изд-во Московского университета, 1999.

ЩепинскийА. Во тьме веков. Симферополь: Крым, 1966.

* * *

Научно-популярное издание

Белов Александр Иванович

АРИЙСКОЕ ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Таинственные корни русичей

Заведующая редакцией *Т.М. Минеджян*
Ответственный редактор *Е.В. Погосян*
Младший редактор *А.В. Бутурова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректоры *А.В. Максименко, М.Г. Смирнова*
Компьютерная верстка *Д.Н. Сорокина*

Подписано в печать 03.02.2011.
Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская. Гарнитура «NewtonC».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 11,12.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 2503

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, д. 15

Наш электронный адрес: CNPOL@CNPOL.RU
WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

---

notes

Примечания

1

Третичный волосяной покров — один из важнейших расовых признаков. При антропологических исследованиях этот признак обычно определяют только у мужчин отдельно на лице и на теле (на груди). На лице к третичному волосяному покрову относятся борода и усы. *(Примеч. ред.)*